

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (64)
2024

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт Н. В. Якавенка (Мінск)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. А. Балтоўская (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**2 (64)
2024**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Yakovenko N. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A. S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Boltovskaya E. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

Знаменательный юбилей исторического и филологического образования: интервью с главным редактором журнала «Веснік МДУ імя А. А. Куляшова» первым проректором Д. С. Лавриновичем	7
БУРАКОВ В. Н., БОРБАТ Т. И. Историко-филологический факультет: 90 лет созидания науки и образования.....	10
СЕРДЮКОВА Е. И., ТАБУНОВ В. В. Педагоги, ученые, деканы: личности в истории университета: П. Ф. Дмитрачков (1937 – 2021 гг.), Я. И. Климуть (1940 – 2022 гг.).....	19
ЛАВРИНОВИЧ Д. С. Депутаты от Гродненской губернии в IV Государственной думе: выборы, социальные и политические характеристики	23
МЕЗГА Н. Н. Политика советской России и Польши по отношению к Версальско-Рижскому международному порядку (1921–1923 гг.).....	30
СЮЭ ЖЭНЬ Воздействие конфуцианства на внешнюю политику Китая в период правления династии Тан	38
ЕФРЕМЕНКО И. А. Культ императора в период становления Римской империи: причины введения, место в системе принципата, сущностные характеристики.....	43
ХОВАНСКИЙ А. В. Виленский военный округ: формирование, структура, функции (1862–1864 гг.).....	48
КОВТУН А. А. Социально-экономическое положение еврейского населения Могилевской губернии в конце XIX – начале XX в. в оценках отечественных исследователей.....	54
ВОРОБЬЕВ А. А., ИГНАТОВИЧ А. Е. Оценка Эрихом фон Людендорфом боевых действий Русской армии в 1915 году	59
КОЛОСОВ А. В. У истоков мезолитоведения Верхнего Поднепровья: исследования и подходы белорусской археологии 1920–1940-х гг.	64
ТЮТЮНКОВ А. Н. Проявление прямого сопротивления сельского населения БССР экономическим преобразованиям начала 1930-х годов (на примере Могилевской области).....	69
СУБОЦІН А. А. Грашовыя даходы стаханаўцаў БССР (1935–1941 гг.).....	73
СТАРАСЦЕНКА В. У. Канфесійная спецыфіка сучаснай усходняй Беларусі.....	78
ГАБРУСЕВИЧ О. В. История адвентистского движения в Беларуси: от зарождения до Октябрьской революции	84
ІВАНОЎ Я. Я. Сінтаксічная форма афарыстычных адзінак	90
БОЛТОВСКАЯ Е. А. Конкуренция вариантов формы именительного падежа множественного числа имен существительных, называющих лиц по профессии	95
РУБАНОВА Е. В. Языковая репрезентация концепта «женщина» в английском сленге (на материале сленгизмов, возникших в XXI веке)	101
БОНДАРЧУК Л. Г. Языковая норма в дискурсивной парадигме.....	106
РЕВУЦКАЯ Е. А. Ментальная и экзистенциальная сферы как источники метафорического освоения пространства в поэтическом переводе.....	111

CONTENTS

Significant Anniversary of Historical and Philological Education: Interview with the Editor-in-Chief of the Journal “Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin” First Vice-Rector D. S. Lavrinovich	7
BURAKOV V. N., BORBAT T. I. Historical and Philological Faculty: 90 Years of Developing Science and Education	10
SERDYUKOVA E. I., TABUNOV V. V. Teachers, Scientists, Deans: Personalities in the History of the University: P. F. Dmitrachkov (1937 – 2021), Ya. I. Klimut (1940 – 2022)	19
LAVRINOVICH D. S. Deputies of Grodno Governorate in the Fourth State Duma: Elections, Social and Political Characteristics.....	23
MIAZGAM M. M. The Politics of Soviet Russia and Poland in Relation to the Versailles-Riga International Order (1921–1923).....	30
REN XUE The Impact of Confucianism on China’s Foreign Policy during the Tang Dynasty.....	38
EFREMENKO I. A. The Cult of the Emperor of the Roman Empire: Reasons for Introduction, Place in the System of Principality, Essential Characteristics	43
KHOVANSKYA V. Vilna Military District: Formation, Structure, Functions (1862–1864).....	48
KOVTUN A. A. Socio-Economic Situation of the Jewish Population in the Mogilev Province in the Late XIX – Early XX Century in the Assessments of Domestic Researchers.....	54
VOROBIEV A. A., IGNATOVICH A. E. Erich von Ludendorf’s Assessment of the Russian Army’s Combat Operations in 1915.....	59
KOLOSOV A. V. Origins of the Mesolithic Studies of the Upper Dnieper: Research Works and Approaches of Belarusian Archaeology in the 1920s–1940s.....	64
TYUTYUNKOV A. N. Display of Direct Resistance of the BSSR Rural Population to Economic Transformations of the Early 1930s (Based on the Example of Mogilev Region).....	69
SUBOTSIN A. A. Money Incomes of the Stakhanovists in the BSSR (1935–1941).....	73
STARASCIENKA V. U. Confessional Specifics of Modern Eastern Belarus.....	78
GABRUSEVICH O. V. The History of the Adventist Movement in Belarus: from the Beginning to the October Revolution.....	84
IVANOU Y. Y. Syntactic Form of Aphoristic Units.....	90
BOLTOVSKAYA E. A. Competition of Variants of the Plural Nominative Case form of Nouns Naming Persons by Profession.....	95
RUBANOVA E. V. Linguistic Representation of the Concept “Woman” in English Slang (Based on the Material of Slangisms Coined in the XXI Century)	101
BONDARCHUK L. G. The Linguistic Norm in the Discursive Paradigm	106
REVUTSKAYA E. A. Mental and Existential Conceptual Domains as Metaphorical Sources for Space in Poetry Translation	111

ДА 90-ГОДДЗЯ ГІСТАРЫЧНАЙ І ФІЛАЛАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ Ў МДУ імя А. А. КУЛЯШОВА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «ВЕСНІК МДУ імя А. А. КУЛЯШОВА» ПЕРВЫМ ПРОРЕКТОРОМ Д. С. ЛАВРИНОВИЧЕМ

Студенты-журналисты проводили опрос среди преподавателей и студентов нашего университета. И в числе многочисленных вопросов, которые они задавали респондентам, был один – весьма символичный для нашего разговора сегодня. Какие ассоциации возникают у Вас с историко-филологическим факультетом?

Историко-филологический факультет сравнительно недавно появился в результате слияния двух первых факультетов университета, образованных в 1934 году: исторического и славянской филологии. Так, свою летопись историко-филологический факультет исчисляет с 1 июля 2015 года.

Безусловно, первая ассоциация с исторической составляющей факультета – это имя Александра Григорьевича Лукашенко, имя Первого, имя нашего самого известного выпускника.

Потом в сознании, словно кинолента, проносится моя жизнь. Ведь со школьной скамьи и по настоящий момент история стала не просто частью моей жизни, а её фундаментом.

Сегодня историко-филологический факультет – это прежде всего высококвалифицированные преподаватели, известные как в Беларуси, так и за её пределами научные школы, а также талантливые студенты, в руках которых будущее нашей страны.

Мы гордимся многочисленными выпускниками, занимающими руководящие должности и достигающими высоких показателей в работе. Так, в университете только в ректорском корпусе на сегодняшний день работает четыре выпускника исторического факультета нашего университета. Это непосредственно я, первый проректор университета, доктор исторических наук, профессор; проректор по научной работе Наталья Владимировна Маковская, доктор экономических наук, профессор (кстати, по специальности бакалавриата Наталья Владимировна – учитель истории); проректор по воспитательной работе Дмитрий Александрович Роговцов, кандидат политических

наук, доцент; проректор по учебной работе Владимир Викторович Ясев, кандидат политических наук, доцент. Безусловно, это маркер не только фундаментального образования, которое получали студенты ранее и продолжают получать в настоящее время, но и эталон качества в области управления профессорско-преподавательским составом.

Всегда интересно наблюдать за процессом преемственности поколений внутри семейной системы. Есть ли на факультете преподавательские династии?

Одна из главных доминант развития университета – поощрение и поддержка всех, кто выбирает науку как главнейший ориентир своего профессионального будущего. И мы особо гордимся тем фактом, что преподавательские династии у нас были ранее, есть сейчас, надеюсь, сохранятся и в будущем. На кафедре истории и философии в должности заведующего работает кандидат философских наук, доцент Виктор Владимирович Старостенко. На факультете трудится его дочь – кандидат исторических наук, доцент Элеонора Викторовна Старостенко.

Также есть примеры, когда профессиональная деятельность отца/матери определяет будущую карьеру и взрослые дети остаются в профессии навсегда, продолжая дело своих родителей. Так, известна династия учёных-филологов. Доцент кафедры славянской филологии Дина Алексеевна Карпечкина – представитель профессиональной преемственности опыта внутри семьи. Её отец, Алексей Степанович Лавшук, работал в университете с 1981 года, занимал разные должности: заведующий кафедрой белорусского и русского языка, декан факультета славянской филологии и педагогического факультета. Свою профессиональную деятельность с нашим университетом связал родной брат Дины Алексеевны – Дмитрий Алексеевич Лавшук, кандидат педагогических наук, доцент, а также его жена – Оксана Анатольевна Лавшук, кандидат филологических наук, доцент.

Ещё есть пример, когда область научных интересов разная, но направление деятельности и, главное, место работы остаётся одним и тем же. Кумир студентов филологического профиля 90-х годов, кандидат филологических наук, доцент, 14 лет проработал в должности декана филологического факультета Ярослав Иванович Климуть (в 2022 году, к прискорбию, ушёл из жизни). И в настоящее время на кафедре истории и философии работает его дочь – Лада Ярославовна Климуть, кандидат исторических наук, доцент.

Это наглядные примеры преемственности прежде всего семейной, а также научной и социальной. Тема ретрансляции знаний и опыта младшему поколению – это задача каждого преподавателя. И особое уважение вызывает та ситуация, когда значимый взрослый своим примером и интересом к профессиональной деятельности прокладывает дорогу в будущее для своего ребёнка. Это показатель того, что университет прочно стоит на ногах, имеет мощные научные школы и воспитательные традиции.

На факультете активная деятельность осуществляется учёными-историками в рамках развития историко-археологической научной школы и научно-педагогической школы «Политические партии». Какие векторы развития намечены в этих направлениях на ближайшее будущее?

Историко-археологическая школа, созданная на факультете, имеет многолетнюю историю и динамично развивается в настоящее время.

С 2022 года сотрудники кафедры и студенты историко-филологического факультета проводят исследование курганного могильника второй половины X века возле деревни Озёры Круглянского района. Данный памятник включен в перечень национальных археологических проектов. Исследования здесь будут продолжаться до 2028 года. Планируется, что после их окончания на территории могильника будет создана туристическая локация.

Продолжается работа по созданию проектов зон охраны историко-культурных ценностей, расположенных на территории Могилёвской области. Эта деятельность направлена на сохранение памятников археологии, расположенных на территории региона.

Важным объектом для исследования является Замковая гора в г. Мстиславле. В ходе археологических работ, проведённых в 2023

году, была получена значительная коллекция археологических артефактов.

Кафедра археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин активно взаимодействует с ведущими научными учреждениями и планирует в дальнейшем расширять географию сотрудничества.

Одним из значимых направлений научных исследований профессорско-преподавательского состава историко-филологического факультета стала история политических партий и общественных движений России и Беларуси конца XIX – начала XX века.

Интерес к данной проблематике появился давно, еще в 90-е гг. прошлого столетия. Постепенно складывалось научное сообщество, ядром которого стали доктор исторических наук, профессор Константин Михайлович Бондаренко, доктор исторических наук, профессор Д. С. Лавринович, кандидат исторических наук, доцент И. В. Шардыко, кандидат исторических наук, доцент А. А. Воробьев. В рамках научной школы были подготовлены кандидатские диссертации А. С. Мельниковой, Е. И. Головач, В. В. Василенко, Е. П. Цумаревой, М. В. Заблоцкой и других исследователей. Так формировалась научная школа, закладывались ее основы, определялись перспективы дальнейшей научной деятельности, складывалась преемственность.

Благодаря активной поисковой деятельности ученых школы были впервые введены в научный оборот архивные документы по истории деятельности общероссийских партий на территории белорусских губерний, опубликованы многие монографии, статьи и научно-методические работы, защищены докторские и кандидатские диссертации, проведены экспертизы трудов соискателей научных степеней по соответствующей тематике.

Количество публикаций по истории политических партий и общественных движений России и Беларуси конца XIX – начала XX в. с каждым годом растет, а школа продолжает пополняться молодыми учеными, что свидетельствует о ее успешном развитии.

Сегодня историко-филологический факультет отмечает юбилей. На празднике принято говорить напутственные слова. Что Вы пожелаете всем преподавателям, сотрудникам, студентам факультета?

Праздничные мероприятия – это своеобразная лакмусовая бумага. В атмосфере поздравительного марафона очень хорошо

видны те люди, которые со стопроцентной самоотдачей трудятся в университете на общее благо. Желаю каждому крепкого здоровья, энергии и неиссякаемого творческого вдохновения, перспективных научных достижений и воплощения самых смелых замыслов. Пусть развивается и крепнет историко-филологический факультет нашего университета!

Юбилей – возможность подвести итоги и определить планы на будущее. Пусть наши итоги будут впечатляющими, а планы – серь-

езными и связанными с достижениями в области науки и образования.

Задачи факультета на ближайшее время определены: инновации в образовательном процессе, качественный набор студентов, научные и образовательные гранты, эффективное международное сотрудничество. И у нас есть всё необходимое для того, чтобы реализовать их, достигнув неизменно высоких показателей в качестве высшего образования для наших студентов.

**ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ:
90 ЛЕТ СОЗИДАНИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ*****В. Н. Бураков***

кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Т. И. Борбат

кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана по воспитательной работе
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

90-летие историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова – поистине историческое событие. Именно в далеком 1934 г. в педагогическом институте г. Могилева были созданы факультет языка и литературы и исторический факультет. За эти годы факультеты стали лидерами образования и науки республиканского значения. В 2015 г. произошло слияние в историко-филологический факультет. Сегодня это уникальный активно развивающийся образовательный и научный центр, который обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов исторического и филологического профиля, широко востребованных на рынке труда.

Свыше 8 тысяч выпускников факультета внесли значительный вклад в развитие страны в самых различных сферах общественной деятельности. Среди выпускников исторического факультета – известные ученые, талантливые педагоги, общественные и политические деятели: Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко (1975 г.), Председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Игорь Александрович Марзалюк (1992 г.), Председатель Минского городского исполнительного комитета Владимир Евгеньевич Кухарев (1993 г.). Среди выпускников филологического факультета – Заместитель Председателя Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь в 2000–2004 гг. Михаил Александрович Авласевич (1962), директор филиала «Институт литературоведения имени Янки Купалы» Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Иван Васильевич Саверченко (1983) и многие другие видные и почетные граждане.

В начале 1930-х гг. Могилевский государственный педагогический институт осуществ-

лял подготовку учителей на историко-экономическом и литературно-лингвистическом отделениях с четырехлетним сроком обучения. В этот период наша страна осуществляла переход к индустриально-аграрной стадии развития экономики, одновременно существовала необходимость системного оформления идеологии советского общества. Составляющей частью общественно-политического воспитания являлись история и обществоведение. Поэтому для «марксистского понимания истории» 15 мая 1934 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в ведущих университетах страны восстанавливались исторические факультеты. В этом же году в Могилевском педагогическом институте были созданы факультеты: исторический, языка и литературы, географический.

В течение второй половины 1930-х гг. на факультетах историческом и языка и литературы формируется научно-педагогическая база по подготовке учителей школ исторического и филологического профиля. Первый выпуск (14 учителей истории и языка и литературы) состоялся уже в 1937 г. Огромную роль в достижении задач, стоящих перед государством, выполнила система заочного обучения, а в подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации – аспирантура. В 1938 г. состоялся первый набор в аспирантуру Могилевского педагогического института, где была открыта специальность, связанная с историей славяноведения.

Дальнейшее развитие факультетов Могилевского педагогического института было прервано нападением нацистской Германии на Советский Союз. Студенты и преподаватели нашего университета героически сражались в первых рядах против фашистских оккупантов. Одним из примеров мужества и отваги стал бой студентов в составе истребительного батальона с превосходящими силами противника 15 июля 1941 г. возле д. Благовичи Чаусского

района. В честь павших героев в 2004 г. в этом населенном пункте был открыт памятный знак студентам Могилевского педагогического института.

С освобождением Беларуси от немецко-фашистских захватчиков уже в октябре 1944 года Могилевский педагогический институт возобновил свою работу. В числе восстановленных факультетов были исторический, языка и литературы (русское и белорусское отделения). Вновь потребовалось время для формирования профессорско-преподавательских кадров, разработки учебных программ, баз педагогических практик и т.д. В течение 1945–1955 гг. состав преподавателей факультетов пополнился талантливыми педагогами и учеными, в том числе из числа его выпускников. Это выпускники истфака А. И. Козлов, К. П. Петров, С. Д. Папейко; выпускники факультета языка и литературы – Н. А. Горулев, Э. С. Волосевич, П. П. Шестериков, М. И. Шумов, М. А. Никитина, В. Г. Старосотникова, К. Г. Хромченко, Н. П. Луферов, М. А. Казаков, Д. Я. Бугаев, С. Я. Кечик. Учебно-образовательный процесс обеспечивали С. П. Карпенко, Я. К. Усиков, А. А. Макаревич, Е. И. Неразик, Л. Г. Мироненко, А. М. Вирковская, П. Я. Юргелевич, А. Л. Юревич, Г. Н. Ключосов, Н. Д. Рыбочкин, В. Ф. Шабалина и др.

Стали широко известными научные работы преподавателей Могилевского педагогического института в области проблем отечественной и всеобщей истории, марксизма-ленинизма, литературоведения и языкознания.

В 1956 г. исторический и географический факультеты МГПИ были объединены в один – историко-географический факультет, а факультет языка и литературы преобразован в филологический факультет. В результате развития в 1967 г. произошло разделение на исторический и географический. Одновременно факультет укрепляет свой кадровый потенциал талантливыми педагогами. Благодаря научным разработкам преподавателей-ученых Г. Я. Рьера, Г. И. Ионе и других преподавателей формируется мощная археологическая школа, республиканский уровень которой сохраняется по настоящее время.

В 1955 – 1960-е годы на филологическом факультете работали такие известные ученые-литературоведы и лингвисты, как И. В. Гуторов, С. И. Василёнок, Ю. А. Шакаль, М. Б. Ефимова, А. А. Макаревич, М. В. Нехай. Большую роль в развитии факультета сыграл Якуб Кириллович Усиков (работал в инсти-

туте с 1948 по 1995 г.). Я. К. Усиков являлся одним из самых авторитетных в республике исследователей белорусской драматургии, прежде всего комедии. Выдающийся ученый, талантливый педагог, Я. К. Усиков с 1948 по 1976 г. практически постоянно заведовал кафедрой белорусской литературы.

Авторитетным исследователем истории белорусской советской литературы, прежде всего прозы К. Чорного, был Николай Петрович Луферов, член СП БССР (1971). Им были написаны монография «Проза Кузьмы Чорнага» (1961), разделы в книгах «Проблемы súčasнай беларускай прозы» (1964) и в учебнике для филологических факультетов пединститутов «Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: 1917–1940» (1981). Александр Антонович Макаревич – известный в республике исследователь творчества Янки Купалы, член СП БССР (1960). В 1961–1963 гг. исполнял обязанности декана факультета, заведующего кафедрой литературы.

В 1970–80-е гг. исторический и филологический факультеты наращивают научно-педагогический потенциал, укрепляют материально-техническую базу, превратившись в крупнейшие факультеты института. Ежегодно каждый факультет осуществлял выпуск в среднем 50 студентов, обеспечивая потребность региона в учителях истории, обществоведения, языка и литературы.

Достижения исторического факультета неразрывно связаны с именем Петра Фроловича Дмитрачкава, который возглавлял факультет в течение 30 лет – с 1975 по 2005 г. Крупный белорусский ученый умело совмещал функции талантливого руководителя и выдающегося педагога. Автор более 70 научных и научно-методических публикаций по истории белорусских земель в период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, становления белорусской государственности и этногенеза белорусов.

Развитие филологического факультета особо связано с именем выдающегося ученого Ярослава Ивановича Климута, который руководил факультетом с 1986 по 2000 г. Автор более 150 научных публикаций в сфере теории литературы, сравнительного литературоведения, краеведения, исследователь творчества Янки Купалы и Якуба Коласа. Я. И. Климуть стал наставником многих учителей и педагогов.

С 1968 по 1990 г. на факультете работал талантливый исследователь и организатор Валерий Иосифович Атрашкевич, с 1979 г. – за-

ведущий кафедрой белорусской литературы. За это время кафедра по всем показателям стала одной из лучших в институте. Проводилось коллективное исследование по теме «Белорусская литература и фольклор», итоги которого публиковались в научных изданиях; преподаватели также принимали активное участие в реализации совместных с АН БССР и вузами республики проектов создания энциклопедических изданий: пятитомной «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва» (1984–1987), энциклопедического справочника «Янка Купала» (1986), шеститомного энциклопедического справочника «Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік» (1992–1995).

Определились и значимые научные направления в области русской и зарубежной и отечественной литературы. В частности, разрабатывалась проблема жанров художественной литературы, изучались особенности документально-исторических хроник Н. А. Задонского (Б. С. Бесчеревных, Ю. С. Бесчеревных); жанровое своеобразие романов и рассказов А. Н. Будищева, художественное своеобразие поэзии А. С. Пушкина (В. Е. Стальмахов); новеллистика Стефана Цвейга (Г. И. Сардыко); творчество П. И. Мельникова-Печерского (В. Ф. Соколова); литовская поэзия послевоенных лет (В. В. Люкевич); проблема стиля в прозе Максима Горького (Н. Н. Коротков); белорусская литература Могилёвщины (Я. И. Климуть); проблема автобиографизма в белорусской литературе первой половины XX ст. (В. И. Атрашкевич).

На факультете была создана и успешно действовала научно-педагогическая школа «Функционирование белорусского и русского языков в условиях двуязычия», основанная известными лингвистами П. Я. Юргелевичем, Г. Н. Ключовым, А. Л. Юревичем. Яркими представителями этой школы являются профессора М. В. Авласевич, В. И. Роговцов, доценты М. П. Бузук, С. Я. Кечик, А. С. Лавшук, О. В. Озаровский, П. В. Кобзев, Ю. С. Долгов, Т. Г. Михальчук, Л. И. Шапавалова, В. Б. Сузанович, Л. А. Новикова, В. С. Денисов и др. Ими подготовлено и издано 12 монографий, 25 учебников и учебных пособий, которые широко используются на университетских занятиях и в школьной практике. В рамках этой научно-лингвистической школы разрабатывались актуальные проблемы современного языкознания: вопросы коммуникативной лингвистики, лингвистики и стилистики художественного текста, диалектологии, теории

перевода с родственных языков. Успешно развивалось диалектологическое научно-исследовательское направление по изучению говоров моголевско-смоленского пограничья.

Имена ученых и педагогов, работавших на факультете, известны не только в нашей стране, но и за рубежом. О. В. Озаровский известен как специалист в области синтаксиса современного русского языка и лингвистики текста. Среди работ, опубликованных П. В. Кобзевым, монография «Структура двусоставного предложения с присоединительными связями в русском литературном языке XVIII века». М. А. Авласевич – автор ряда словарей: «Марфемны слоўнік беларускай мовы: (для сярэдняй школы)» (1998), «Морфемный состав слова и словообразование» (1999), «Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы: у 2 ч.» (2002). Ю. С. Долгов – один из основоположников и исследователей валентностной грамматики, по его инициативе и при непосредственном участии на факультете была проведена научная конференция «Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи» (1998), которая стала событием в этом направлении исследования языка.

1990-е гг. стали новым этапом развития исторического и филологического высшего образования. В условиях суверенитета и независимости в Республике Беларусь были проведены реформы в сфере образования, которые вызвали оптимизацию деятельности Моголевского государственного педагогического института имени А. А. Кулешова, в том числе организацию работы факультетов. Становится актуальным тематика отечественной истории досоветского периода, критического осмысления тенденций в развитии БССР. В начале 1990-х гг. были созданы кафедра истории и культуры Беларуси и кафедра восточнославянской и российской истории. С 1999 г. начала функционировать кафедра археологии и специальных исторических дисциплин. Реорганизация структурных подразделений способствовала систематизации научно-педагогических направлений.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. Моголевский педагогический институт был преобразован в Моголевский государственный университет имени А. А. Кулешова. В соответствии с государственными задачами 1990–2000-х гг. происходит реорганизация кафедр факуль-

тетов, совершенствуется методика учебного процесса, открываются новые специальности, оптимизируется проблематика научно-исследовательской деятельности. Статус университета создал условия для обучения студентов по специальностям непедагогического профиля. В частности, исторический факультет начал подготовку кадров по специальности научно-гуманитарного профиля «История»; факультет славянской филологии с 2003 г. открыл подготовку по специальности «Журналистика». Вместе с тем подготовка специалистов с высшим образованием квалификации «Педагог» осталась основным направлением деятельности факультетов.

В начале 2000-х гг. исторический факультет был представлен 5 кафедрами: философии; археологии и специальных исторических дисциплин; всеобщей истории; истории и культуры Беларуси; восточнославянской и российской истории. Среди профессорско-преподавательского состава преобладали специалисты, имевшие научные степень и звание. Всего на кафедрах факультета тогда работали 2 члена-корреспондента Белорусской академии образования, 3 доктора наук, 4 профессора, 24 доцента и кандидата наук. Большой вклад в развитие научных школ кафедр внесли В. Ф. Копытин, М. И. Вишневский, Я. Г. Рьер, И. А. Марзалюк и многие другие.

В частности, изучением проблем первобытной археологии Восточной Беларуси занимался кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент Белорусской академии образования Вячеслав Федорович Копытин. Под его руководством функционировала научно-исследовательская лаборатория «Археология и охрана памятников Республики Беларусь». В. Ф. Копытин – автор более 320 публикаций, в том числе 21 монографии. Благодаря научным исследованиям ученого мировая наука получила обстоятельные материалы для анализа культурно-исторических процессов в Восточной Европе в эпоху финального палеолита и мезолита. С 2002 г. руководство археологической лабораторией осуществляет доктор исторических наук, профессор И. А. Марзалюк. В этом же году ей присвоено имя Археологическая лаборатория имени В. Ф. Копытина.

В дальнейшем на факультете были образованы другие научно-исследовательские центры, которые аккумулировали достижения и продвигали научные исследования в определенной сфере. Так, в 2009 г. создан Региональ-

ный центр религиоведческих исследований (с 2011 г. – Могилевский религиоведческий центр). Руководителем центра является кандидат философских наук, доцент В. В. Старостенко. Сегодня объединение продолжает свою деятельность по разработке научной информации по вопросам свободы совести и деятельности религиозных объединений, проводит научные мероприятия по актуальным проблемам религиоведения. В 2016 г. был создан Центр первобытной археологии (руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Колосов). Данное научно-образовательное объединение осуществляет исследования, направленные на решение актуальных проблем археологии и первобытной истории Беларуси.

Филологический факультет в 1998 г. был преобразован в факультет славянской филологии. 1990 г. – начало 2000-х гг. – наиболее продуктивный для факультета период. В состав факультета входило пять выпускающих кафедр, которые осуществляли преподавание основных дисциплин профессиональной подготовки будущих филологов и журналистов: кафедра русского языка, кафедра русской и зарубежной литературы, кафедра белорусского языка, кафедра белорусской литературы, кафедра журналистики. В 2013 г. на факультете обучалось более 700 студентов первой и второй ступени получения высшего образования, из них по дневной форме – около 400.

Коллектив факультета составляли высококвалифицированные преподаватели: более 75% штатного состава специалистов имели ученые степени и звания, в том числе 3 доктора наук и профессора, 24 кандидата наук и доцента.

В этот период были защищены кандидатские диссертации по русской, белорусской и зарубежной литературах, методике преподавания русской литературы, русскому и белорусскому языкам О. М. Мартыновой, И. Н. Лапицкой, Е. И. Бубенцовой, Е. К. Сычёвой, А. В. Ивановым, Т. В. Мосейчук, М. С. Черновой, Н. Е. Костевич, Л. Н. Поповой, Т. А. Кожуриной, В. М. Шевцовой, М. В. Ладутько, И. Н. Кульбенковой, С. И. Даниленко, А. А. Папейко, С. Э. Сомовым, М. И. Чмаровой, И. Н. Ячменевой, Д. А. Карпечкиной, Т. И. Борбат, О. Н. Шершнёвой, О. А. Лавшук, Е. А. Болтовской, Л. Г. Барановской и др. Вышли монографии профессоров В. Ф. Соколовой «Народознание и русская литература XIX в.» (2004); В. В. Люкевича «Очерки по истории

русской литературы XIX–XX веков. Книга для учителя и студента-филолога» (1999), «Проблемы реализма в русской литературе рубежа XIX–XX вв.» (2002), «Проза Ивана Бунина и Якуба Коласа: типология поэтик» (2008); Н. В. Абабурко «Станаўленне і развіццё мовы беларускай мастацкай літаратуры» (2000), «Беларуская лінгвістычная паэтыка і тэксталагія» (2008), «Сучасны літаратурна-мастацкі расповед» (2011, в соавторстве); В. И. Роговцова «Дыскусійныя пытанні сінтаксісу беларускай і рускай моў» (2000), «Маўленчае выражэнне камічнага» (2002 г.); А. Н. Макаревича «Праблемы жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX – пачатку XX ст.» (1999); С. И. Даниленко «Міф і Радзіма: Сакралізацыя дзяржавы – Радзімы ў літаратуры польска-беларускага рамантызму» (1999); доцентов О. М. Мартыновой «Традиции западноевропейского народного театра и драматургия Гете довейморского периода (1768–1775)» (2009); П. В. Кобзева «Структура двусоставного предложения с присоединительными связями в русском литературном языке XVIII века» (2000); М. И. Чмаровой «Шляхі ўзаемага пазнання: беларуская літаратура ў Чэхаславакіі (1920–1945)» (2004) и др. Широку научных интересов ученых-филологов отражали и сборники научных трудов «У ракурсе сучаснага асэнсавання», регулярно выходившие с 2003 года.

Результатом работы временного научного коллектива (2005–2007 гг.), в состав которого вошли не только исследователи кафедры белорусской литературы, но и других учебных заведений республики, стало издание учебного пособия для вузов «Беларуская дзіцячая літаратура» (Мінск: Вышэйшая школа, 2008). Работа в этом направлении была продолжена, и в 2016 году вышло в свет учебное пособие «Беларуская дзіцячая літаратура» для учрежденный среднего специального образования (Мінск: РІПА, 2016).

При кафедре белорусской литературы работал еще один временный научный коллектив, который проводил исследование по теме «Творчество И. П. Шамякина в современной интерпретации».

Большое внимание на факультете уделялось воспитательной работе, проводились творческие встречи с писателями и поэтами, экскурсии, действовали музейно-экспозиционный кабинет «Літаратурная Магілёўшчына», литературно-художественные объединения «Зніч», «Натхненне», литературно-художественный салон, театр-студия «Валянцін».

В октябре 2023 г. творческому литературному объединению «Натхненне» исполнилось 35 лет. За эти годы «Натхненне» стало гордостью МГУ имени А. А. Кулешова и прославилось далеко за его пределами. И в этом заслуга его руководителей – Т. Г. Михальчук, Н. А. Михальчук.

В 2007 г. на базе университета создан Научно-образовательный центр русистики, с 2015 г. он работает под эгидой историко-филологического факультета (руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. А. Болтовская). За время существования Центра русистики было организовано более 100 мероприятий, поддерживающих и сохраняющих традиции изучения в Республике Беларусь русского языка, литературы, истории и культуры. Сегодня Центр русистики проводит большую культурно-просветительскую, информационно-воспитательную работу, направленную на нравственное, гражданско-патриотическое и эстетическое воспитание обучающихся.

С целью оптимизации деятельности Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова 1 июля 2015 г. в результате объединения двух факультетов был образован историко-филологический факультет. С этого времени оба факультета, взаимно обогатив друг друга опытом работы прошлых лет, мощным научным и кадровым потенциалом, продолжили в едином русле вносить определяющий вклад в развитие университета.

Исчисляя свою историю с 1934 г., историко-филологический факультет отмечает свой 90-летний юбилей ведущим подразделением МГУ имени А. А. Кулешова. Сегодня на факультете действует двухуровневая система подготовки, в ходе которой высшее образование получают почти 300 студентов. Основным направлением образовательной деятельности остается подготовка специалистов квалификации «Преподаватель» по специальностям «Историческое образование», «Филологическое образование (Русский язык и литература)», «Филологическое образование (Белорусский язык и литература)». Одновременно факультет готовит специалистов научно-ориентированной специальности «История» (профилизация: Археология) и специальности научно-гуманитарного профиля «Журналистика». Это наиболее важные для общества и государства профессии, которые обеспечивают раскрытие фундаментальных ценностей гражданских качеств личности, формируют критическое мышление и коммуникативные

навыкі. Ежегодно факультет обеспечивает 100-процентное распределение выпускников при постоянно растущем спросе организаций-заказчиков кадров.

Следует отметить, что историко-филологический факультет обеспечивает полный цикл подготовки специалистов высшей квалификации. Углубленное высшее образование при реализации образовательной программы магистратуры реализуется по специальностям: «История» (профилизация: «Отечественная история», «Всеобщая история»), «Археология» (профилизация: «Археология Беларуси»), «Языкознание» (профилизация: «Белорусское языкознание», «Русское языкознание»), «Литературоведение».

В сфере научно-ориентированного образования факультет реализует образовательную программу аспирантуры «Филология», «Отечественная история» и «Археология», с 2020 г. открыта образовательная программа докторантуры «Отечественная история». С сентября 2017 по 2022 г. в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова действовал Совет по защите диссертаций по специальности 07.00.02 «Отечественная история» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. За это время успешно прошли Совет по защите диссертаций 12 соискателей ученой степени кандидата исторических наук, из них 6 выпускников аспирантуры МГУ имени А. А. Кулешова. Решением коллегии Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 19/5 от 20.12.2022 г. при МГУ имени А. А. Кулешова создан Совет по защите диссертаций Д 02.03.01, которому разрешено проводить защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история».

Традиционно активно студенческое самоуправление. На факультете созданы оптимальные условия для полного раскрытия личностного потенциала – от выявления таланта в музыкальной и спортивной сфере до апробации своих сил в научной и общественно-политической деятельности. Студенты принимают активное участие в работе Совета факультета, общественных организаций, БРСМ, Белорусского института стратегических исследований по Могилевской области, Молодежном парламенте при Могилевском городском Совете депутатов.

Высокое качество подготовки студентов было бы невозможным без профессионально-

го профессорско-преподавательского состава. На кафедрах истории и философии; археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин; славянской филологии работают высококвалифицированные специалисты. Более 90% преподавателей имеют ученые степени и звания. Из 30 кандидатов наук 8 преподавателей работают над завершением докторских диссертаций. Это один из лучших показателей во всем университете.

Основными направлениями научных исследований преподавателей кафедры славянской филологии являются следующие: «Современная русскоязычная поэзия Беларуси: интертекстуальный аспект» (Е. И. Сердюкова), «Национально-культурная идентичность в современной русскоязычной поэзии Беларуси» (О. А. Лавшук), «Русско-белорусские связи в литературной критике начала XX века» (М. С. Чернова), Современная русскоязычная литература Беларуси: образовательный потенциал (А. В. Иванов); «Белорусская литература на современном этапе развития» (Т. И. Борбат), «Функционирование русского и белорусского языков в условиях билингвизма» (Т. В. Мосейчук, Е. А. Болтовская, М. В. Ладутько), «Текст в историческом, функциональном, коммуникативном, прагматическом, когнитивном и методическом аспектах» (Д. А. Карпечкина, Н. А. Михальчук, О. Н. Шершнёва), «Выявление динамики морфологических норм существительного в современном русском языке» (Е. А. Болтовская), «Научно-методическое обеспечение дисциплин белорусского и русского языкознания» (Т. В. Мосейчук, И. Н. Ячменева).

С 2015 г. преподаватели кафедры отразили результаты своих изысканий в пяти монографиях, опубликовали более 60 статей списка ВАК, выступили с более чем 560 докладами на научно-практических конференциях. Актуальные вопросы языкознания, литературы, журналистики, истории рассматриваются на Международной научно-практической конференции «Кулешовские чтения».

Историко-филологический факультет достойно держит уровень одного из республиканских центров исторических и филологических наук. Археологическая лаборатория имени В. Ф. Копытина осуществляет полевые исследования на территории Могилевской области. Раскопки проводятся на стоянках каменного и бронзового веков, поселениях эпохи Древней Руси, позднего Средневековья и Нового времени. Руководство лабораторией осуществляет доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси И. А. Марзалюк. Проводятся совместные с ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» археологические исследования Могилевского Поднепровья. Летом 2023–2024 гг. студенты и преподаватели принимали участие в археологических раскопках на реке Менка, в ходе которых найдены уникальные артефакты, призванные раскрыть вопрос о времени и месте возникновения Минска.

Полевые археологические экспедиции по изучению памятников каменного и бронзового веков Могилевской области проводят сотрудники Центра первобытной археологии. Также центр организует лекционные занятия о развитии отечественной и зарубежной археологии для учащихся общеобразовательных учебных заведений. Пользуется популярностью кружок для ученической молодежи «Юный археолог».

В сентябре 2022 г. подписано соглашение о сотрудничестве с Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Институт археологии Российской академии наук». Результатом совместной работы стало согласование перспективных направлений взаимодействия между МГУ имени А. А. Кулешова и Институтом археологии РАН, также были определены совместные научно-исследовательские программы с другими образовательными и научными организациями Российской Федерации по развитию археологических научных исследований Союзного государства, включая программы академических обменов.

Кафедра археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин также имеет допуск на проведение паспортизации археологических памятников и разработку проектов зон охраны историко-культурных ценностей районов Могилевской области. В 2023–2025 гг. преподавателями кафедры выполняются задания НИР «Центры власти и административное деление Могилевского Поднепровья как цивилизационный и социокультурный фактор в развитии региона (V – начало XX столетий)» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», гранта БРФФИ «Семантика белорусского изразцового искусства (по материалам Могилевского Поднепровья)».

Международное признание получила научно-практическая конференция «Копытинские чтения». Она посвящена памяти известного белорусского ученого-археолога Вячеслава Федоровича Копытина. Основными направлениями рабочих секций выступает

тематика проблем современно археологии, историография и источниковедение археологической науки, охрана историко-культурного наследия, актуальные вопросы истории Беларуси. Таким образом, историко-филологический факультет выступает республиканским центром археологии.

Продолжает активную научно-исследовательскую работу Могилевский религиозно-ведческий центр. Основными направлениями деятельности является научная, методическая и экспертная деятельность по вопросам свободы совести и деятельности религиозных организаций (О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко, В. В. Василенко и др.). Только за 2020–2024 гг. членами Центра было издано 4 монографии, учебное пособие с грифом Министерства образования, 3 научных сборника, 10 методических пособий, 90 статей в журналах, сборниках, материалах конференций. Проведены более 100 государственных религиозно-ведческих экспертиз по поручению республиканского органа управления по делам религий.

Кафедра истории и философии совместно с Могилевским религиозно-ведческим центром ежегодно проводят международную научно-практическую конференцию «Религия и общество». В апреле 2024 г. состоялась 18-я по счету конференция, в которой приняли участие более 100 ученых из 5 государств. Традиционно научное мероприятие выступает площадкой для апробации научных исследований в области истории религий и межконфессиональных отношений, деятельности религиозных организаций в Республике Беларусь на современном этапе, влиянии религии на культуру и образование.

Результаты научно-исследовательской работы ученых также проходят обсуждение на международной научно-практической конференции «Романовские чтения», а студенты апробируют свои научные изыскания на региональной научно-практической конференции «Молодая наука». В настоящее время учеными-преподавателями факультета выполняются 6 заданий Государственных программ прикладных научных исследований.

Значимым достижением кафедр историко-филологического факультета является функционирование трех научно-педагогических школ из семи действующих в университете. Это показатель формирования целых научных центров, которые аккумулируют, систематизируют и продвигают исследования определенной проблематики.

Научно-педагогическая школа «История политических партий и общественных движений России и Беларуси (конец XIX – начало XX в.)» (руководитель – доктор исторических наук профессор Д. С. Лавринович) начала формироваться в 1990-е гг. Ее основы были заложены исследованиями ученых К. М. Бондаренко, Д. С. Лавриновича, И. В. Шардыко, А. А. Воробьева и др. Результатом исследований научного коллектива стало установление ранее не изученных проблем о роли общероссийских партий в трансформации политических процессов в белорусских губерниях; влиянии деятельности политических партий и организаций на белорусское национальное движение и создание белорусской государственности. С начала 2000-х гг. научная школа дополнила отечественную науку десятью монографиями (Д. С. Лавринович, К. М. Бондаренко, Э. В. Старостенко, А. Д. Кузьмин, С. Н. Чайкин), четырьмя учебными пособиями с грифом Министерства образования Республики Беларусь и Учебно-методического объединения высших учебных заведений Республики Беларусь, опубликовано более 100 научных статей в изданиях, которые входят в перечень ВАК Республики Беларусь для публикации результатов научных исследований.

С конца 1990-х гг. происходит формирование научно-педагогической школы «История цивилизаций», основоположником и руководителем которой является доктор исторических наук профессор Я. Г. Риер. В исследованиях Я. Г. Риера, П. Г. Лукьянова, В. В. Борисенко раскрыты исторические тенденции и особенности развития локальных цивилизаций в контексте всемирного исторического процесса, а также специфика развития белорусских земель в древности и Средневековье. Научная школа внесла вклад в мировую и отечественную науку посредством издания 5 монографий, 12 учебных пособий с грифом Министерства образования Республики Беларусь и Учебно-методического объединения высших учебных заведений Республики Беларусь, почти 60 научных статей в изданиях по требованиям ВАК и в научных сборниках.

Научно-педагогическая школа по материальной и духовной культуре населения Беларуси в эпоху Средневековья и Нового времени определяет актуальные научные направления исторических исследований на многие десятилетия вперед. Научный коллектив под руководством доктора исторических наук, профес-

сора, члена-корреспондента НАН Беларуси И. А. Марзалюка успешно продвигает отечественную историю в определении особенностей урбанистических процессов на территории Беларуси и сопредельных территорий, систематизации и исторической характеристики форм материальной и духовной культуры населения в X – первой половине XX в. С начала 2000-х гг. научная школа внесла вклад в мировую и отечественную науку посредством издания 5 монографий, 2 учебных пособий с грифом Министерства образования Республики Беларусь, почти 50 научных статей в рецензируемых изданиях и научных сборниках (В. В. Табунов, Н. П. Шуткова, А. М. Авласович, Е. П. Королева и др.).

Игорь Александрович Марзалюк принимает активное участие в общественно-политической жизни страны. Являясь председателем Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VII и VIII созыва, Игорь Александрович участвует в рассмотрении законопроектов в области образования, культуры, научно-технической и инновационной деятельности, также является членом комиссии и членом Совета по реализации исторической политики Министерства образования Республики Беларусь. Благодаря активной поддержке ученого с 2022 г. в качестве обязательной дисциплины государственного компонента для всех специальностей общего высшего образования была введена дисциплина «История белорусской государственности», целью которой является формирование обоснованной патриотической позиции. И. А. Марзалюк внес значимый вклад в отечественную науку в сфере исследования трансформации институтов государственной власти на территории белорусских земель, условий развития белорусского этноса и формирования белорусской национальности, сохранения исторической правды в отношении тем, где некоторые «историки» пытались исказить отдельные факты. Следует выделить такие работы, как «100 лет БССР. Реалии и мифы», «Символы белорусской вечности. История символов белорусской государственности», учебное пособие «История белорусской государственности» (под общей редакцией И. А. Марзалюка), которые стали фундаментальными источниками в учебно-методической и воспитательной деятельности по формированию гражданственности и патриотизма белорусской молодежи.

В настоящее время в университете формируется научная школа под руководством доктора исторических наук, профессора, ректора МГУ имени А. А. Кулешова Дениса Владимировича Дука. В результате его научных исследований был установлен факт определяющей роли Полоцка в генезисе государственности на территории Восточной Европы. Обоснована уникальность модели социально-экономического развития городов Полоцкой земли в период Древней Руси, в составе Великого Княжества Литовского и Российской империи. Характерные отличия социального и политического устройства Полоцкой земли оказали влияние на характер становления белорусской нации в XX в.

Таким образом, историко-филологический факультет выступает крупным струк-

турным подразделением образовательного процесса Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, обеспечивающим высокий уровень образовательной и научной деятельности. Свой 90-летний юбилей факультет встречает в качестве общепризнанного флагмана исторической и филологической науки. Главной задачей деятельности факультета при этом остается подготовка квалифицированных кадров, готовых к профессиональному продвижению, личностной самореализации и конкурентоспособности на рынке труда, научно-педагогических и научных кадров на уровне республиканских и общемировых требований, а также эффективное использование интеллектуального потенциала факультета в интересах социально-экономического развития Республики Беларусь.

**ПЕДАГОГИ, УЧЕННЫЕ, ДЕКАНЫ:
ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА:****П. Ф. ДМИТРАЧКОВ (1937 – 2021 гг.), Я. И. КЛИМУТЬ (1940 – 2022 гг.)*****Е. И. Сердюкова***

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой славянской филологии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В. В. Табунов

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии, истории Беларуси
и специальных исторических дисциплин
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Педагог – это публичная профессия, предполагающая взаимодействие с большим количеством людей. И то, какие идеи и настроения транслирует во время занятий преподаватель, демонстрирует прежде всего масштаб его личности. Студенческая молодежь очень чувствительна в этом отношении. Со студентами важно быть предельно честным и справедливым. Именно такими педагогами, учеными и деканами были Петр Фролович Дмитрачков и Ярослав Иванович Климуть.

В их жизни были разные испытания, трудности и сложности. И вместе с тем они не сломали их, а только позволили сформировать стойкие характеры и невероятные жизнеутверждающие позиции.

Петр Фролович Дмитрачков родился 7 июня 1937 года в деревне Ганновка (современный агрогородок Берёзки) Хотимского района Могилевской области в крестьянской семье. У Петра Фроловича было тяжелое детство: ему было немногим больше четырех лет, когда началась Великая Отечественная война. В 1955 году он закончил Березковскую среднюю школу.

Трудовую деятельность П. Ф. Дмитрачков начал в качестве рабочего сахарного завода в Винницкой области на Украине. С ноября 1955 по апрель 1957 г. являлся учащимся технического училища № 11 в г.п. Друя Молодечненской области БССР, после окончания которого был направлен на работу в Синчанскую МТС Пуховичского района Минской области. С 1957 по 1960 г. проходил службу в рядах Советской армии. В 1960–1965 гг. обучался на историко-географическом факультете Могилевского государственного педагогического института, после окончания которого работал ассистентом кафедры истории. И как студент, и как молодой преподаватель активно участвовал в общественной жизни, возглавлял

студенческий профком и местком института. В 1970 г. поступил в аспирантуру Института истории Академии наук БССР. В 1973 г. под научным руководством члена-корреспондента Академии наук БССР, доктора исторических наук, профессора И. М. Игнатенко защитил кандидатскую диссертацию «Участие трудящихся в работе местных Советов БССР – (1966–1970 годы)». После успешного окончания аспирантуры возвратился в институт и работал старшим преподавателем кафедры истории СССР. В 1981 г. ему было присвоено звание доцента по кафедре истории СССР, в 2003 г. – звание профессора.

С 1975 по 2005 г. П. Ф. Дмитрачков являлся деканом исторического факультета. За этот период под руководством Петра Фроловича исторический факультет осуществил выпуск почти двух тысяч студентов, которые вносят огромный вклад в решение задач, стоящих перед обществом и государством. Они работают в общеобразовательной сфере, учреждениях высшего образования, занимают ответственные должности в органах государственного управления. Среди выпускников исторического факультета – Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко (1975 г.), председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Игорь Александрович Марзалюк (1992 г.), председатель Минского городского исполнительного комитета Владимир Евгеньевич Кухарев (1993 г.) и др.

Будучи значимой личностью в отечественной исторической науке, Петр Фролович всегда неизменно сохранял ту простоту в общении с людьми, которая свойственна именно для выходцев из народа. Петр Фролович всегда пользовался уважением студентов факультета, его выпускников.

Для научных работ Петра Фроловича характерна опора на объективные данные исторической науки, то есть только проверенные и доказанные факты, подтвержденные документально.

До ухода на заслуженный отдых 1 сентября 2021 г. П. Ф. Дмитрачков работал в должности профессора кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин. С 1995 г. являлся членом Государственной комиссии по подготовке учебных пособий в гуманитарно-обществоведческой сфере. В 2007 г. был включен также в состав комиссии по анализу учебных программ и учебной литературы по истории Беларуси, обеспечивающих получение общего, среднего и высшего образования. Как член этих комиссий активно участвовал в рецензировании и обсуждении учебно-методических изданий. Также являлся редактором учебного пособия по истории Беларуси для 7 класса (2004 г.), исторического атласа по истории Беларуси второй половины XVI – XVIII в. для 8 класса (2009 г.). Рецензировал II и III тт. Большого исторического атласа Беларуси (2013 г., 2016 г.). Входил в редакционную комиссию энциклопедического справочника «Вялікае княства Літоўскае» в 3-х томах (2005 г., 2006 г., 2010 г.). Подготовил одного кандидата наук. Неоднократно выступал в качестве рецензента диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Сферой научных интересов Петра Фроловича являлась история Беларуси с древнейших времен до конца XVIII ст., формирование и развитие Великого Княжества Литовского, этногенез белорусского народа.

Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. Основные из них: «Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Другая палова XIII – першая палова XVII стст.» (Магілёў, 2003 г.), «Белорусский этнос: истоки, становление и развитие» (Могилев, 2010 г.), «История Беларуси. С древнейших времен до конца XVIII в.» (Могилев, 2015 г.), «Современные проблемы изучения истории Беларуси» (Могилев, 2018 г.), «Белорусская государственность: история зарождения и развития (VI – начало XX вв.)» (Могилев, 2021 г.).

Научно-преподавательская и организаторская работа Петра Фроловича получила высокую государственную оценку и общественную признательность: награжден знаком «Выдатнік народнай асветы БССР» (1982 г.); награжден знаком «Отличник просвеще-

ния СССР» (1985 г.); награжден Почетной грамотой Министерства образования БССР (1989 г.); участвовал в работе первой Всебелорусской конференции историков (1993 г.); присвоено почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Беларусь» (1998 г.); объявлена благодарность Президента Республики Беларусь (2004 г.); делегат Третьего Всебелорусского народного собрания (2006 г.); принимал участие в работе первого съезда ученых Беларуси (2007 г.); награжден медалью Франциска Скорины (2012 г.).

Петр Фролович запомнился как незаурядная и многосторонне развитая личность, сочетавшая в себе качества умелого администратора, выдающегося ученого, талантливого преподавателя и примерного семьянина. Для коллег он был отличным управленцем и добрым советчиком. Для студентов он был самым добрым деканом, на понимание и поддержку которого всегда можно было рассчитывать в трудных жизненных обстоятельствах. Как педагог Петр Фролович стремился развивать в студентах не просто умение правильно, с научной точки зрения излагать исторические сведения, а способность самостоятельно находить правильный ответ на поставленный вопрос. Для его научных работ характерна опора только на подтвержденные документально факты.

Ещё одной важной фигурой в ответственном деле развития университета и масштабирования значимости высшего образования не только в Могилёвском регионе, но и в стране в целом был Ярослав Иванович Климуць, кандидат филологических наук, доцент.

Ярослав Иванович Климуць родился 10 января 1940 г. в деревне Острово Мостовского района Гродненской области.

В 1967 г. Ярослав Иванович окончил Белорусский государственный университет по специальности «Белорусский и русский язык и литература».

После получения диплома ему довелось поработать в различных сферах. Когда он работал учителем белорусского языка в Дубовской средней школе Волковысского района Гродненской области (1967 г.), ему удавалось совмещать эту должность с работой учителя физкультуры.

В 1968 г. Ярослав Иванович был в должности литературного сотрудника газеты «Чырвоная зорка» Узденского района Минской области. Однако уже в 1969 г. он вернулся к призванию всей своей жизни и вновь стал учите-

лем белорусского языка в Литвянской средней школе Узденского района Минской области.

Работа в школе всегда дарила множество положительных эмоций и впечатлений Ярославу Ивановичу. Ему нравилось быть причастным к становлению молодого поколения, обретению ребятами знаний и навыков, воспитанию патриотов своей страны.

В 1972 г. Ярослав Иванович поступил в аспирантуру Института литературы имени Я. Купалы Академии наук БССР по специальности «Белорусская литература». В 1977 г. окончил учебу и уже в 1979 г. в Институте литературы имени Я. Купалы Академии наук БССР защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Якуб Колас и русская советская поэзия» (научный руководитель – доктор филологических наук профессор Ю. С. Пширков). В этом же году ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Спустя три года – ученое звание доцента.

Основные преподаваемые Ярославом Ивановичем дисциплины: «История белорусской литературы», «Методика преподавания белорусской литературы», «Белорусский фольклор и мифология».

С 1975 г. Ярослав Иванович работает в Могилевском государственном педагогическом институте (с 1997 г. – университете) имени А. А. Кулешова на кафедре белорусской литературы – старшим преподавателем (1975–1980 гг.), доцентом (1980–1986 гг., 2000–2006 гг.).

С 1986 по 2000 гг. – декан филологического факультета.

С 2006 г. – доцент кафедры английского, общего и славянского языкознания, член Совета университета и научно-методического совета (1986–2000 гг.), член Союза белорусских писателей (1996 г.).

Инициатор и активный участник создания университетского литературного музея. По воспоминаниям коллег Ярослава Ивановича, идея сбора экспонатов для музея актуального литературного процесса Беларуси того периода завладела им полностью. С особым трепетом он «добывал» каждый выставочный образец. После открытия литературного музея время, проведенное в нем, было для Ярослава Ивановича бесценным. И особой удачей были ситуации, когда он лично проводил экскурсии, увлекательно и интересно рассказывая об экспонатах, приводя много примеров из собственной жизни.

Сферой научных интересов белорусского ученого были следующие направления: теория литературы, история белорусской литературы и литературной критики, сопоставительное литературоведение, краеведение.

Темы научных исследований выбирались им из такого диапазона, как вопросы взаимосвязи славянских литератур, творчество классиков белорусской литературы – Я. Купалы и Я. Коласа. Интересовала его и современная белорусская проза, а также белорусская литература Могилевщины.

Могилев стал для Ярослава Ивановича второй родиной. Именно с этим городом связаны его семейные воспоминания, дружеские связи, значительные профессиональные успехи.

Широкая сфера научных интересов для исследований отразилась на его публикационной активности. В 1985 г. была издана его монография «Жыццёвасць традыцый: Якуб Колас і руская савецкая паэзія» (Минск, 1985).

Несколько лет спустя были опубликованы учебно-методические пособия для студентов «Літаратура – аснова духоўнасці» (Могилев, 2002), «Уводзіны ў літаратуразнаўства: Мастацкі твор» (2009).

Особое внимание ученого было направлено на публикацию литературно-критических статей. Под его авторством было издано 140 научных статей, многие из которых являлись итогом участия в работе конференций различного уровня: от университетских до международных.

Пытливый ум ученого не позволил Ярославу Ивановичу остаться в стороне от фундаментальных исследований. Так, в период с 2006 по 2010 г. он являлся руководителем задания Государственной программы фундаментальных исследований Республики Беларусь «Белорусский язык и литература».

Особое внимание на протяжении всего периода деятельности в университете он уделял работе со студентами, осуществляя все виды взаимодействия с ними. Он активно работал в аудитории, читая лекции и организуя практические занятия, не забывая о воспитании личности каждого студента. Также результативно занимался с одаренными студентами наукой.

В период с 1991 по 2005 г. Ярослав Иванович подготовил 5 призеров республиканских конкурсов студенческих научных работ.

Дважды был награжден Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь (1982 г., 1998 г.) и единожды – гра-

мотой Союза белорусских писателей (1999 г.). В 2004 г. был удостоен грамоты Государственного литературно-мемориального музея Я. Коласа.

С 2006 по 2011 г. по совместительству работал доцентом кафедры белорусской литературы, основное место работы – кафедра английского, общего и славянского языкознания родного университета.

Ярослав Иванович всегда пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди администрации университета, коллег и студентов. Своим созидательным трудом он внес

неоценимый вклад в развитие МГУ имени А. А. Кулешова и заслуженно считается неординарной личностью своего времени.

С именами этих выдающихся личностей связаны некоторые изменения в структуре образовательного процесса, в отношении к научной деятельности и воспитании студенческой молодежи. Неизменным будет тот факт, что и Петр Фролович Дмитрачков, и Ярослав Иванович Климуць навсегда останутся кумирами студентов. Вся их профессиональная деятельность – образец и эталон педагогов, ученых и деканов с большой буквы.

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)«1912/1917»

ДЕПУТАТЫ ОТ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ВЫБОРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье раскрываются особенности избирательной кампании в Гродненской губернии в IV Государственную думу, где выдвижение кандидатов в выборщики происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов. Благодаря активной роли православного духовенства и действиям местных властей победу одержали кандидаты, поддерживавшие правительство. Раскрыты социальные и политические характеристики депутатов. Большинство из них представляли среднее крестьянство, помещиков и православное духовенство. В национальном плане депутаты относили себя к русским или белорусам, рассматривая последних как часть единого русского народа (наряду с великороссами и малороссами). Другие значительные национальные группы (евреи, поляки) своих представителей от Гродненской губернии в Государственной думе четвертого созыва не имели. Большинство депутатов придерживалось правых взглядов и вошло во фракцию русских националистов. В Думе представители Гродненской губернии работали в многочисленных комиссиях. В 1915 г. часть депутатов изменила свои политические позиции и вступила в Прогрессивный блок, после Февральской революции 1917 г. они работали в качестве представителей ВКГД и Временного правительства в системе управления в Петрограде либо на местном уровне.

Ключевые слова: избирательная кампания, Государственная дума, Гродненская губерния, депутаты, социальный статус, Всероссийский национальный союз, Первая мировая война.

Введение

Учреждение Государственной думы было ключевым моментом в процессе реформирования системы государственного управления Российской империи. Открывшаяся для многих групп населения возможность участия в законотворческой работе способствовала

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Республики Беларусь в сфере науки на 2024 год.

© Лавринович Д. С., 2024

оживлению динамики общественно-политической жизни, в т.ч. на окраинах. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II изменил правила выборов, было уменьшено количество выборщиков от рабочих и крестьян и увеличивалось от помещиков и крупной буржуазии. На территории Европейской России выборщики распределялись по куриям следующим образом: крестьяне получили 22,4 % мест вместо прежних 43,0 %, землевладельцы – 51,3 % вместо 34,0 %, горожане – 24,2 % вместо 23,0 %, рабочие – 2,3 % вместо 3,4 %. Но, учитывая национальный и конфессиональный состав населения, в т.ч. традиционную оппозиционность польского дворянства по отношению к имперскому центру, по новому законодательству в Гродненской губернии помещики выбирали 41,1 % выборщиков на губернское избирательное собрание. По распоряжению МВД съезды землевладельцев в Гродненской губернии были разделены на 2 отдела по национальной принадлежности: к 1-му отделу были отнесены все неполяки (русские, православные белорусы, немцы, татары и др.), ко 2-му – поляки, к которым причислялись и белорусы-католики. На два отдела («русских» и «нерусских») были поделены выборщики от первого съезда городских избирателей в Гродненском и Белостокском уездах, а также выборщики от второго съезда городских избирателей в Гродненском уезде [1, с. 121–122].

Основная часть

Особенностью Гродненской губернии было то, что выдвижение кандидатов в выборщики происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов. На поддержку православного населения губернии (белорусских крестьян, священнослужителей, русских помещиков, чиновников и других) рассчитывали общероссийские правые и либеральные партии.

Самой значимой правой партией в России был Союз русского народа во главе с А. И. Дубровиным (СРН). Ко времени выборов в IV Государственную думу единый Союз русского народа раскололся на СРН-обновленческий и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН). Еще ранее В. М. Пуришкевич со своими сторонниками создали Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). В период работы IV Думы отделы СРН-обновленческого существовали в местечках Дывин, Лапск и Хорощанск, а ВДСРН – в Гродно и Белостоке [2, с. 185–189]. Отделы СМА работали в Брест-Литовске и Жировичах. Численность правых партий на территории губернии была небольшой. Так, в Брест-Литовском отделе СМА числилось 114 человек, в Жировичском – 99 [2, с. 186, 187].

В 1910 г. в Гродно был основан Русский национальный союз Гродненской губернии, ставший, по сути отделом Всероссийского национального союза (ВНС). Его лидерами были местные крупные чиновники: губернский предводитель дворянства Н. Г. Неверович, бывший вице-губернатор, землевладелец А. А. Ознобишин и др. Деятельное участие в работе отдела принимал также епископ Гродненский и Брестский Михаил, который одновременно был почетным председателем Софийского православного братства [3, с. 233]. В предвыборной программе последнего, опубликованной в 1912 г., прямо писалось, что «в политическом отношении, обнимающем государственное и гражданское устройство, Братство всецело присоединяется к целям и задачам Всероссийского Национального Союза, а посему на выборах в IV Государственную думу оно будет поддерживать только лиц, убежденно разделяющих цели и задачи Братства» [3, с. 229].

В 1911 г. вернулся в Гродно и вошел во Всероссийский национальный союз Л. М. Солоневич – бывший лидер виленского «Белорусского общества» и редактор влиятельной газеты «Северо-Западная жизнь». В 1912 г. при редакции газеты Л. М. Солоневич совместно с братом Семеном и сыном Иваном основали «Белорусскую историческую библиотеку», предоставив местным белорусам возможность ознакомиться с литературой о прошлом родного края [4].

В 1910–1911 гг. отделы ВНС были открыты также в Брест-Литовске, Волковыске и Кобрине. Брест-Литовский отдел был самым крупным, в него записалось 128 человек [2, с. 185–188].

Позиции либеральных сил в Гродненской губернии были слабыми. К моменту выборов IV Думы отделы Конституционно-демократической партии прекратили свою деятельность.

Центристское направление, представленное в России партиями, располагавшимися в политическом спектре между кадетами и октябристами (Партия прогрессистов и др.), в западных губерниях было представлено слабо и, по сути, не имело своей инфраструктуры (сети отделов, общественных организаций, разделявших их политические платформы).

Тем не менее в источниках есть информация об участии в выборах «прогрессистов». Под последними следует понимать не собственно прогрессистов – членов общероссийской Прогрессивной партии, а «прогрессистов» как либералов вообще. Отделов Партии прогрессистов на территории Беларуси не было, т.к. социальную базу этой партии в России составляли предпринимательские круги, в основном старообрядческие, тесно связанные с Московским промышленным районом, русские помещики, казаки, представители столичной интеллигенции – участники так называемых московских «экономических бесед» в 1908–1909 гг. Настоящих прогрессистов поэтому в западных губерниях были единицы, как, например, Ф. И. Лошкейт. В реальности же под названием «прогрессисты» в белорусских городах фигурировали местные либеральные деятели, в большинстве своем беспартийные, противостоявшие «правым». Например, предвыборный комитет «прогрессистов» в 1912 г. был создан в Брест-Литовске [1, с. 192].

За голоса выборщиков-католиков боролись, главным образом, польские «краевцы». Предвыборный комитет землевладельцев Гродненской губернии, по сути, стал штабом польских помещиков. Вице-губернатор А. А. Ознобишин объяснял это значительным численным преобладанием польских аграриев над русскими: «Население обширной Гродненской губернии на две трети приблизительно состояло из русских, православных крестьян, но крупное землевладение было сосредоточено в руках польских землевладельцев, так что на сто польских землевладельцев приходилось приблизительно тридцать русских» [5, с. 152]. В своей работе «краевцы» опирались на Гродненское общество сельского хозяйства, большинство членов которого были поляками [5, с. 163]. Целью «краевцев» было провести в Государственную думу как можно больше представителей польских землевладельцев,

сохранить землю в руках польских помещиков и не допустить ее перераспределения в пользу белорусского крестьянства.

Среди еврейского населения городов и местечек наиболее популярны были сионистские организации.

Выборы в Государственную думу четвертого созыва состоялись осенью 1912 г. Местные власти старались, чтобы в Думу прошли кандидаты, поддерживавшие правительство. Особое внимание было обращено на крестьян. Показательным является случай, произошедший в Пружанском уезде. 26 сентября 1912 г. 36 крестьянских уполномоченных от волостей избрали 6 выборщиков, которых уездный предводитель дворянства посчитал «прогрессистами». Чтобы исправить ситуацию он подал в уездную комиссию жалобу о нарушениях в ходе выборов. В итоге комиссия отменила их итоги и назначила новые выборы на 1 ноября. Об этой дате уведомили только «благонадежных» уполномоченных, которых было всего 6. Они и стали выборщиками, избравшими, по сути, самих себя. Дату повторных выборов в Пружанском уезде «Гродненские губернские ведомости» опубликовали только 2 ноября [1, с. 202–203; 6, с. 259]. В результате участие в губернском избирательном собрании приняли 38 крестьянских выборщиков – в основном председатели и члены волостных правлений, сельские старосты [1, с. 200; 6, с. 260].

Как и во время предыдущих выборов опеку над выборщиками-крестьянами, размещёнными в народном доме, взяло на себя Софийское православное братство. Еще в июне 1912 г. в Гродно по благословению архиепископа Михаила был образован Русский предвыборный комитет, который координировал работу представителей местной администрации и православного духовенства по сплочению выборщиков-крестьян, по сути, на политической платформе Всероссийского национального союза [3, с. 226].

Кроме крестьянских выборщиков, в губернском избирательном собрании принимали участие 44 представителя от съездов землевладельцев, 23 – от съездов городских избирателей (12 – от первого и 11 – от второго) и 2 представителя от рабочих [1, с. 200; 6, с. 260]. От съездов землевладельцев выборщиками были 14 поляков, в т. ч. 2 ксендза, 11 православных помещиков, 19 представителей православного духовенства. Из городских выборщиков 15 были евреями. 7 православными, в т. ч. 1 священник, 1 католиком [6, с. 260].

По политическому составу среди выборщиков преобладали сторонники правых и Всероссийского национального союза – 53 выборщика. К октябристам себя отнес 1 выборщик. 22 выборщика обозначили себя как либералов. Среди оставшихся были левые и выборщики, не определившиеся с политической позицией [1, с. 261]. Выборы длились более 18 часов. При активном вмешательстве местных властей из 7 избранных депутатов 6 были правыми. За прогрессиста Ф. И. Лошкейта, выдвинутого Русским предвыборным комитетом, отдали голоса также польские и еврейские выборщики [3, с. 247–248].

Гродненский губернатор В. М. Борзенко в отчете МВД об итогах избирательной кампании отмечал, что «русская партия (ВНС и его союзники. – Д. Л.), несмотря на свое численное, по сравнению с другими национальностями, меньшинство, сумела объединиться настолько прочно, что во все время выборов не нуждалась в поддержке других партий и твердо прошла к намеченной цели – провести в Государственную думу только своих депутатов, не дав в ней ни одного места кому-либо из инородцев, чему главным образом способствовало православное духовенство своим влиянием на местных прихожан» [3, с. 226–227]. Жалоба на имя губернатора о нарушениях, допущенных в ходе избирательной процедуры, поданная польскими (в т. ч. бывшим депутатом В. К. Есьманом) и еврейскими выборщиками, была признана необоснованной и к изменению результатов выборов не привела [1, с. 200].

Депутатами от IV Государственной думы от Гродненской губернии стали Яков Игнатьевич Гришковский, Федор Иванович Лошкейт, Алексей Александрович Ознобишин, Павел Демьянович Песляк, Петр Африканович Сафонов, Василий Филиппович Сидорук, Тимофей Яковлевич Тарасевич. Поводя итоги избирательной кампании, А. А. Ознобишин писал: «Ни одной предвыборной речи я не произносил и предвыборной агитацией не занимался. Выбран был в члены Государственной Думы по списку крупных землевладельцев всеми голосами, кроме голосов польских землевладельцев, к которым считал себя наиболее близким и по прежнему положению предводителя дворянства, и по любви к земле, и по воспитанию, и по симпатии. Кроме меня, выбранными оказались: три крестьянина – Сидорук, Песляк и Тарасевич, Брестский предводитель дворянства Сафонов, член

Гродненского Окружного Суда д. ст. с. Лошкейт и один священник, всего семь человек, из коих шесть зачислились в партию умеренно правых, они же националисты, а действительный статский советник и звездоносец Лошкейт уселся в партию прогрессистов, своеобразным образом отблагодарив этим правительство за все милости, коими был осыпан по службе» [5, с. 195–196].

А. А. Ознобишин и П. А. Сафонов были не только помещиками, но и представителями администрации Гродненской губернии, а Ф. И. Лошкейт судебным деятелем.

А. А. Ознобишин (1869–1929) являлся потомственным дворянином Гродненской губернии. Род Ознобишиных вел свое происхождение от выходца из Польского королевства Филиппа Ознобиши, выехавшего на службу к московскому великому князю в 1423 г. А. А. Ознобишин владел имением Мосты Гродненского уезда, 539 десятин земли. Он получил юридическое образование, окончив Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. Службу начал по ведомству Министерства юстиции, работал помощником делопроизводителя, затем городским судьей в городе Белом Смоленской губернии. А. А. Ознобишин избирался мировым судьей Режецкого округа Витебской губернии, почетным мировым судьей Гродненского уезда, гродненским уездным предводителем дворянства. Он занимал пост гродненского вице-губернатора, дослужился до чина статского советника, имел придворное звание камер-юнкера [3, с. 245; 5; 7, с. 425].

Ф. И. Лошкейт (1846–1931) также принадлежал к потомственному дворянству Гродненской губернии. Он владел 261 десятиной земли в Белостокском уезде. Среднее образование получил в Гатчинском сиротском институте императора Николая I. Службу начал в канцелярии минского губернатора, затем работал младшим помощником надзирателя 1-го округа акцизного управления Минской губернии. В 1875 г. был назначен мировым судьей Тельшевского судебного-мирового округа Ковенской губернии. В судебной сфере Ф. И. Лошкейт сделал карьеру, последовательно занимая должности мирового судьи посада Гродиска Варшавской губернии, председателя съезда мировых судей 2-го округа Келецкой губернии и председателя съезда мировых судей 1-го округа Люблинской губернии. В 1908 г. он стал почетным мировым судьей Белостокского, а затем и Гродненского уездов. В 1910 году Ф. И. Лошкейт был назначен членом Гродненского окружного суда. По-

лучил чин действительного статского советника [3, с. 246; 7, с. 333].

П. А. Сафонов (1877–1928) – потомственный дворянин Орловской губернии, владел 100 десятинами земли. Получил военное образование, окончив Орловский кадетский корпус и Александровское военное училище. Служил в 116-м пехотном Малоярославском полку. В 1902 г. вышел в запас в чине поручика, но в 1905 г. вернулся в армию и служил до 1909 г. Был уволен в звании штабс-капитана. На гражданской службе П. А. Сафонов работал крестьянским начальником 2-го участка Курчанского уезда, земским начальником 7-го и 3-го участков Ново-Александровского уезда Ковенской губернии, брест-литовским уездным предводителем дворянства, дослужился до чина коллежского асессора [3, с. 244; 7, с. 549].

Я. Г. Гришковский (1864 – после 1928) представлял православное духовенство. Он родился в семье священника, образование получил в Литовской духовной семинарии, после окончания которой служил настоятелем церкви в Соколках, затем Свято-Софийского собора в Гродно. Его годовое жалование составляло 500 руб. Кроме того, Я. Г. Гришковский являлся председателем уездного отделения Гродненского епархиального училищного совета и Сокольским благочинным. В его характеристике гродненский губернатор отметил: «Пользуется уважением не только среди прихожан и духовенства, но даже и среди иноверцев» [3, с. 241; 7, с. 150].

Трое депутатов были выходцами из крестьянского сословия. П. Д. Песляк (1873 – после 1917) был крестьянином д. Браково Шилевичской волости Слонимского уезда. В его распоряжении находилось всего 5 дес. наделной земли, но на жизнь он зарабатывал учительским трудом. После окончания Шилевичского народного училища П. Д. Песляк дважды прошел обучение на учительских курсах при Дятловском второклассном училище. Вначале работал учителем школы грамоты, затем учителем церковно-приходского училища. При этом он последовательно занимал должности волостного судьи, председателя Шилевичского волостного суда, волостного старшины [3, с. 242; 7, с. 454]. В. Ф. Сидорук (1873 – после 1917) являлся крестьянином д. Остромечи Подолесской волости Кобринского уезда. Его можно отнести к числу зажиточных хозяев. Он распоряжался 11 десятинами наделной и 4 десятинами собственной земли, а также имел хутор (13 десятин). Окончил Подолес-

ское народное училище, последовательно занимал должности смотрителя общественного хлебозапасного магазина, волостного судьи, волостного старшины, председателя Подолеского волостного суда. За работу его в 1911 г. наградили нагрудной серебряной медалью с надписью: «За усердие» [3, с. 242, 243; 7, с. 557]. Т. Я. Тарасевич (1861 – после 1917) – крестьянин с. Новоберезово Новоберезовской волости Бельского уезда. Занимался сельским хозяйством, имея 12,5 десятин надельной земли. Начальное образование получил в Новоберезовском народном училище, был сельским старостой, затем помощником заведующего 10-м военно-конским участком, волостным старшиной [3, с. 243, 244; 7, с. 605].

Депутаты IV Государственной думы от Гродненской губернии равномерно распределялись по возрасту: трем было от 31 до 40, двум – от 41 до 50, двое были старше 50 лет. Самым молодым был 35-летний П. А. Сафонов, самым возрастным – Ф. И. Лошкейт (66 лет). Все депутаты IV Государственной думы от Гродненской губернии были православными.

Работа IV Государственной думы началась 15 ноября 1912 г. Посланцы Гродненской губернии вошли в разные думские комиссии. Несмотря на свой возраст, Ф. И. Лошкейт, учитывая его судебный опыт, стал членом комиссий юридического профиля и комиссий, связанных с польскими губерниями, в которых он ранее работал: по судебным реформам, редакционной, по запросам, по городским делам, о мерах к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости, для рассмотрения законопроектов о замене сервитутов в Варшавском генерал-губернаторстве и в Холмской губернии, об изменении устава о пенсиях и пособиях, для рассмотрения законопроектов о вотчинном уставе. Таким образом, он в разное время участвовал в деятельности восьми комиссий. В последних трех комиссиях Ф. И. Лошкейт был заместителем их председателей, а в редакционной комиссии и комиссии по судебным делам – докладчиком [7, с. 333]. П. А. Сафонов входил в семь комиссий: по военным и морским делам, по местному самоуправлению, о преобразовании полиции в империи, по запросам, бюджетную, сельскохозяйственную, об охоте. Он был докладчиком комиссий по военным и морским делам, сельскохозяйственной и об охоте [7, с. 549]. А. А. Ознобишин был членом шести комиссий: по судебным реформам, по местному самоуправлению, об обязательном праве, об охоте,

о путях сообщения, бюджетной. В комиссии об охоте он был председателем, а в комиссии по судебным реформам – товарищем председателя [7, с. 425]. Я. Г. Гришковский состоял в пяти комиссиях: по вероисповедным вопросам, по народному образованию, по судебным реформам, о народном здравии, о мерах к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости [7, с. 150]. Несмотря на то, что депутаты-крестьяне имели, как правило, только начальное образование, они тоже записывались и работали в многочисленных комиссиях. В. Ф. Сидорук являлся членом шести комиссий: по судебным реформам, по вероисповедным вопросам, о торговле и промышленности, продовольственной, о замене сервитутов, по борьбе с немецким засильем [7, с. 557–558]. П. Д. Песляк был членом пяти комиссий: продовольственной, финансовой, по судебным реформам, по направлению законодательных предложений, о 300-летию дома Романовых [7, с. 454]. Т. Я. Тарасевич также участвовал в заседаниях пяти комиссий: земельной, по рабочему вопросу, по судебным реформам, по местному самоуправлению, о мерах к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости [7, с. 605].

Большинство депутатов IV Государственной думы от Гродненской губернии придерживалось правых политических взглядов. А. А. Ознобишин, П. А. Сафонов, Я. Г. Гришковский, П. Д. Песляк, В. Ф. Сидорук и Т. Я. Тарасевич вступили во фракцию русских националистов и умеренно-правых, которая ориентировалась на поддержку правительства [5, с. 195–196]. П. А. Сафонов стал даже членом-заместителем в думском Совете старейшин от своей фракции [7, с. 549]. Ф. И. Лошкейт, как указывалось ранее, стал членом фракции прогрессистов [5, с. 196; 7, с. 333]. В 1915 г. из фракции русских националистов и умеренно-правых выделилась фракция прогрессивных националистов, которая примкнула к оппозиционному Прогрессивному блоку. Из депутатов от Гродненской губернии в нее перешли П. Д. Песляк, вошедший в бюро новой фракции, и Т. Я. Тарасевич [7, с. 454, 605].

Политические позиции и социальное происхождение депутатов IV Государственной думы от Гродненской губернии сказывалось на их деятельности. В думских прениях наиболее заметны были Ф. И. Лошкейт и П. Д. Песляк. Первый с либеральных позиций выступал с критикой правительства, рассуждая о невозможности развития производительных сил в

рамках «полицейского строя» [1, с. 206]. Второй в земельном вопросе сблизился с фракцией трудовиков, полагая, что «трудовики» – это те, кто трудится, а значит, им наиболее близки интересы крестьян. Но после того, как П. Д. Песляк узнал, что трудовики не против расселения евреев в сельской местности, он вновь вернулся к русским националистам [1, с. 208].

С началом Первой мировой войны часть депутатского корпуса добровольно приняла участие в работе, направленной на поддержку действующей армии. П. А. Сафонов вошел в Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов [7, с. 550]. А. А. Ознобишин и В. Ф. Сидорук были уполномоченными 30-го передового санитарно-питательного отряда Всероссийского национального союза. В 1916 г. А. А. Ознобишин вошел в состав думской делегации, направленной в страны-союзицы России [5].

В феврале-марте 1917 г. в России произошла революция, был сформирован Временный комитет Государственной думы (ВКГД), а затем и Временное правительство. После падения монархии многие депутаты были задействованы как представители новой власти в системе управления в Петрограде и на местах. Ф. И. Лошкейт в марте 1917 г. был направлен в качестве представителя Государственной думы в Комиссию по вопросу об устройстве временных сельских судов, позже он принимал участие в работе Особой комиссии для рассмотрения вопросов о помиловании или облегчении участи осужденных и Комиссии о помиловании и смягчении участи лиц, осужденных военным и военно-морским судами. В сентябре 1917 г. Ф. И. Лошкейт был назначен Временным правительством гродненским губернским комиссаром [7, с. 333]. П. А. Сафонов был направлен ВКГД в Мглинский уезд Черниговской губернии для налаживания работы местных органов власти. В августе 1917 г. он принял участие в Государственном совещании в Москве [7, с. 550].

А. А. Ознобишин 1 марта 1917 г. заявил о поддержке ВКГД и перешел из фракции русских националистов и умеренно-правых в группу центра [8, с. 425].

После Февральской революции IV Государственная дума не созывалась, однако ее депутаты собирались на частные совещания, проходившие в течение апреля – августа 1917 г. Окончательно Дума была ликвидирована Временным правительством 7 октября того

же года в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание.

Судьбы бывших депутатов сложились по-разному. А. А. Ознобишин не принял Октябрьской революции и эмигрировал за границу. В 1919 г. он принимал участие в переговорах на Парижской мирной конференции в составе делегации Белорусской Народной Республики. В 1927 г. в Париже им были опубликованы воспоминания. Спустя два года А. А. Ознобишин скончался в Чехословакии [5]. П. А. Сафонов, напротив, остался в России. Известно, что в годы гражданской войны он некоторое время служил в РККА, умер в 1928 г. в Ленинграде от туберкулеза [7, с. 550]. Там же в 1931 г. умер Ф. И. Лошкейт [8]. Протоиерей Я. И. Гришковский, бывший настоятель Гродненского Свято-Софийского собора и Сокольский благочинный, по данным некоторых источников, после революции жил в Белгороде, где в 1928 г. был арестован и Особым совещанием ОГПУ приговорен к лишению права проживать в центральных городах и Центрально-Черноземной области сроком на 3 года. После этого информация о его дальнейшем жизненном пути отсутствует [9]. Нет точной информации и о жизни депутатов-крестьян после 1917 г.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что на выборы в Государственную думу на территории Гродненской губернии оказывали влияние как политические и социальные, так и национальные факторы. Во время выборов в IV Государственную думу местные власти старались, чтобы депутатами снова стали кандидаты, поддерживавшие правительство. Как и ранее, особое внимание было обращено на крестьян, которых опекало Софийское православное братство. При активном вмешательстве администрации из 7 избранных депутатов 6 были правыми, они вступили во фракцию русских националистов и умеренно-правых. По сравнению с депутатами III Думы депутаты Думы четвертого созыва от Гродненской губернии особой активности не проявляли. Во время Первой мировой войны часть депутатского корпуса приняла участие в работе, направленной на поддержку действующей армии, а после Февральской революции 1917 г. работали в качестве представителей ВКГД и Временного правительства в системе управления в Петрограде либо на местном уровне.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. *Забайцкі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М. М. Забайцкі. – Мн. : БДПУ імя М. Танка, 2008. – 267 с.
2. *Бондаренко, К. М.* Правыя партыі і іх арганізацыі ў Беларусі (1905 – 1917 гг.) : монографія / К. М. Бондаренко. – Могилев : УО «МГУ імя А. А. Кулешова», 2010. – 416 с. : іл.
3. *Черепаца, В. Н.* Звенья единой цепи: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетий : монография / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 608 с.
4. *Черепаца, В. Н.* «Да будет услышан на Родине...» / В. Н. Черепица // Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. – Мн. : БелНИИДАД, 1996. – С. 37–73.
5. *Ознобишин, А. А.* Воспоминания члена IV Государственной думы / А. А. Ознобишин. – Париж, 1927. – 266 с.
6. *Jurkowski, R.* Sukcesy i poronki. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906 – 1913 / R. Jurkowski. – Olsztyn, 2009. – 550 s.
7. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 735 с.
8. Лошкейт Федор Иванович // Skorbin.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://skorbin.com>. – Дата доступа: 12.03.2024.
9. Гришковский Яков Игнатьевич // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://lists.memo.ru/index4.htm>. – Дата доступа: 12.03.2024.

Поступила в редакцию 17.04.2024 г.

Контакты: lavrionovich@msu.by (Лаврино-
вич Дмитрий Сергеевич)

Lavrionovich D. S. DEPUTIES OF GRODNO GOVERNORATE IN THE FOURTH STATE DUMA: ELECTIONS, SOCIAL AND POLITICAL CHARACTERISTICS

The article deals with the peculiarities of the election to the Fourth State Duma in Grodno governorate, where the nomination of candidates for electors took into account political and social, as well as national factors. Due to the active role of the Orthodox clergy and the actions of local authorities, candidates who supported the government won. Social and political characteristics of the deputies are revealed. Most of them represented the middle-income peasantry, landowners and Orthodox clergy. In terms of nationality, the deputies identified themselves as Russians or Belarusians, considering the latter as part of the all-Russian nation (along with Velikorossy and Malorossy). Other prominent national groups (Jews, Poles) did not have their representatives of Grodno governorate in the Fourth State Duma. The deputies adhered to right-wing views; most of them were members of the Russian nationalist faction. In the Duma representatives of Grodno governorate worked in numerous commissions. In 1915, some deputies changed their politics and joined the Progressive Bloc. After the February Revolution of 1917, they worked as representatives of the Provisional Committee of the State Duma and the Provisional Government in the system of government in Petrograd or at the local level.

Keywords: election campaign, State Duma, Grodno governorate, deputies, social status, All-Russian National Union, World War I.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПОЛЬШИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЕРСАЛЬСКО-РИЖСКОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПОРЯДКУ (1921–1923 гг.)

Н. Н. Мезга

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В статье охарактеризована политика Советской России и Польши по отношению к международному порядку, сформировавшемуся в Центрально-Восточной Европе в период становления Версальской системы. Установлено, что международная ситуация в регионе в указанный период характеризовалась нестабильностью. Она порождалась в том числе и политикой, проводимой Россией и Польшей. Ряд границ между государствами Центрально-Восточной Европы не были общепризнанными, являлись объектами ревизионистских устремлений, что ставило под сомнение устойчивость территориального размежевания в регионе.

Ключевые слова: Версальская система, Рижский договор, Советская Россия, Польша, международные отношения, Центрально-Восточная Европа.

Введение

В основе методологии данного исследования лежит системный подход к изучению истории международных отношений. Указанный подход предполагает изучение истории внешней политики отдельных государств в контексте существующей системы международных отношений. В данном исследовании таковой является Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Применительно к европейской подсистеме Версальско-Вашингтонской системы в силу ее значимости и автономии мы считаем правомерным рассмотрение Версальской системы, охватывавшей Европу и Ближний Восток, как самостоятельной системы, имеющей свою структуру. Каждая система международных отношений включает ряд подсистем. Одной из таковых для Версальской системы являлась Центрально-европейская. Она имела свою специфику по отношению к другим подсистемам. Здесь, на восточной периферии, Версальская система сталкивалась с Советской Россией, которая оказалась за бортом системы международных отношений, созданной странами-победительницами по итогам Первой мировой войны.

В регионе Центрально-Восточной Европы в проекты международного порядка, исходившие от государств ядра Версальской системы, вносились существенные корректировки странами региона. Это нашло отражение в ряде договоров, заключенных ими в период становления Версальской системы, в том числе и с участием Советской России. Среди них особую значимость для формирования новой системы международных отношений имел Рижский договор. В силу этого мы считаем правомерным говорить о формировании на восточной периферии Версальской системы особого Версальско-Рижского международного порядка. В данной статье поставлена цель охарактеризовать политику Советской России и Польши по отношению к данному порядку, выявить влияние этой политики на его устойчивость в период консолидации Версальской системы. Хронологические рамки исследования охватывают временной отрезок от заключения Рижского договора до политического кризиса в Германии осенью 1923 г., урегулирование которого открыло новый этап в развитии Версальской системы международных отношений.

Проблематика, рассматриваемая в данной статье, исследовалась рядом авторов. Среди белорусских историков отметим монографии В. Е. Снапковского [1], Г. Г. Лазько [2], О. Н. Боровской [3]. В российской историографии международная ситуация в Центрально-Восточной Европе основательно охарактеризована в исследованиях В. А. Зубачевского [4]. Среди польских историков развитие польско-советских отношений в контексте Версальской системы наиболее основательно исследовано в работах В. Матерского [5]. В названных работах основной акцент делался на характеристику двусторонних отношений и в меньшей степени рассматривалась внешняя политика государств региона в контексте формирования Версальской системы международных отношений.

Основная часть

Существовал комплекс факторов, которые определяли отношение к Версальско-Рижскому международному порядку правящих элит Советской России и Польши. Для советского государства одним из таких факторов являлась концепция мировой революции, которой придерживалось большевистское руководство. Однако заключение Рижского договора внесло существенные корректировки в её реализацию. Всё большее значение начинает приобретать реальная политика, вызванная необходимостью восстановления экономики России. Рижский договор, как справедливо замечает Виктор Зубачевский, стал шагом в этом направлении [4, с. 200]. Важную роль при определении советской внешней политики играл геополитический фактор. Для советской элиты сверхзадачей было восстановление геополитических позиций страны, которые она занимала к началу Первой мировой войны. Для этого предполагалось максимально использовать противоречия между капиталистическими государствами. Как отметил Иосиф Сталин на X съезде РКП(б), смысл существования НКВД заключается в том, чтобы учесть и использовать противоречия между старыми империалистическими государствами и новыми образовавшимися государствами [6, с. 186]. Один из ведущих советских дипломатов того времени Адольф Иоффе в докладе, направленном Г. Чичерину, В. Ленину, Л. Троцкому и Н. Крестинскому 10 декабря 1920 г., писал: «Но нас всегда спасает то, что наши противники имеют больше разногласий, нежели точек соприкосновения, и мы, умело пользуясь этим, можем всегда портить им всякие коалиции» [7].

Для польской элиты при определении внешней политики своей страны первостепенное значение имел геополитический фактор. Согласно Версальскому и Рижскому договорам, Польша приобрела значительные территории, которые раньше входили в состав соседних государств. Это вызывало в польской элите устойчивые опасения относительно реваншистских устремлений прежде всего двух великих соседей. Один из лидеров польских национальных демократов Роман Дмовский в этой связи подчеркивал, что Германии нужно, чтобы она, а не кто-то другой был западным соседом России. И главное препятствие на этом пути – Польша [8, с. 285]. Исходя из указанных обстоятельств Рижский договор рассматривался правящими кругами Польши

как базовый элемент польской политики безопасности в регионе [9, с. 12]. Этот договор, наряду с Версальским, оценивался как важнейший гарант независимости и территориальной целостности Польши. К тому же историческая память поляков содействовала формированию концепции двух врагов в лице России и Германии. Упрочение своего международного положения в силу названных причин Польша связывала со стабильностью Версальской системы с учетом польских интересов. Для этого считалось необходимым интегрировать в Версальскую систему и те элементы международного порядка в Центрально-Восточной Европе, которые были установлены Рижским договором и польской политикой свершившихся фактов в целом.

Достижение таких целей советской политики, как продвижение мировой революции и восстановление международных позиций России, напротив, вступало в противоречие с международным порядком в Центрально-Восточной Европе, установленным Версальским договором. И советская дипломатия пыталась использовать недовольство ряда стран и народов Версальским договором для достижения своих внешнеполитических целей. Владимир Ленин в выступлении на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря 1920 г. заявил: «Мы ко всем угнетенным народам в целом должны обращаться с указанием – и это вытекает из Версальского договора, – что кучка стран душил другие народы и эти народы обращаются к нашей помощи открыто или прикрыто» [10, с. 259]. На IX Всероссийской конференции РКП(б) глава советского правительства однозначно обозначил в качестве приоритетной цели советской внешней политики сокрушение Версальского договора: «Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае» [11, с. 65]. Руководство Советской России болезненно воспринимало и границу, установленную Рижским договором. В. Ленин отмечал, что его заключение встретило сопротивление со стороны многих представителей руководства большевистской партии, и ему пришлось выдержать «жесткий бой», чтобы были приняты тяжелые для Советской России условия мира [12, с. 19]. В выступлении на IX Всероссийской конференции РКП(б) лидер большевиков также отметил вынужденность уступок Польше при заключении Рижского договора [11, с. 65], что подразумевало стремление в благоприятный момент пересмотреть его. Как

справедливо отмечает современный польский историк Войцех Матерский, Рижский договор был документом момента и отражал соотношение сил в пользу Польши во время его подписания [9, с. 12]. В дальнейшем соотношение сил изменялось в пользу советского государства, что должно было вести к усилению его стремления пересмотреть невыгодные положения Рижского договора.

Политика Советской России по отношению к Польше во многом строилась исходя из места последней в Версальской системе. Выступая 22 сентября 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП(б), В. Ленин отмечал: «Приближение нашей армии к Варшаве бесспорно доказало, что где-то близко к ней лежит центр мирового империализма, который покоится на Версальском договоре. Польша ... является настолько мощным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, зашаталась вся система» [13, с. 282]. Поэтому для советского руководства ослабление международных позиций Польши означало ослабление Версальской системы в целом, ликвидации которой оно добивалось в то время.

Центральным элементом польской внешней политики в рассматриваемый период являлось сохранение того порядка вещей, который был установлен после Первой мировой войны. Министр иностранных дел Польши Констант Скирмунт в инструкции для польских дипломатических представительств за границей в августе 1921 г. писал, что основа польской внешней политики – уважение договоров, которые завершили Первую мировую войну [14, с. 126]. К категории договоров, которые установили послевоенный порядок, правящие круги Польши относили и Рижский договор. При этом в польской политической элите и польском обществе было широко распространено мнение о компромиссном характере Рижского договора. Член польской делегации на переговорах в Риге Ю. Гласко писал, что на позицию Польши при обсуждении вопроса о границах влияло стремление достичь в Риге соглашения, которое не будет оспариваться российскими правительствами, которые придут к власти после большевиков [15, с. 39–40]. Однако в польских политических кругах не существовало уверенности, что Россия будет этот договор добросовестно выполнять. Даже министр иностранных дел Польши Мариам Сейда, выступая в комиссии сейма по иностранным делам по вопросу ратификации прелиминар-

ного Рижского договора, поставил под сомнение возможность мирного соглашения с большевистской Россией в принципе [16, с. 113]. В меморандуме начальника генерального штаба Владислава Сикорского от 19 января 1922 г. отношения с Советской Россией на основе соглашения признавались невозможными, т. к. Польша является для большевиков «препятствием для имперской политики в Западной Европе, препятствием, которое они не в состоянии уничтожить немедленно, но уничтожить которое следовало бы» [14, с. 184–188]

Для Польши ситуация с сохранением территориальной целостности усугублялась тем, что страны Антанты не признали её границ, установленных Рижским договором, как и включения в её состав в марте 1922 г. Виленьщины. Восточная Галиция, согласно решению Парижской конференции, была лишь на 25 лет передана под управление Польши. С самого начала создания Версальской системы Великобритания, одна из ведущих стран ядра этой системы, не связывала себя окончательным признанием территориального деления, произведенного в Версале касательно Центрально-Восточной Европы [17, с. 205]. Это относилось и к польской границе, установленной Рижским договором. В ходе визита польского министра иностранных дел Е. Сапеги в Лондон в феврале 1921 г. британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж заявил, что Великобритания признает польско-российскую границу, если это будет граница, установленная великими державами [18, с. 460]. Кроме того, международное положение Польши существенно зависело от единства Антанты, значимости в ней Франции. Это понимали и в Кремле. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин писал в октябре 1921 г. полпреду в Варшаве о противоречиях между Англией и Францией и делал вывод, что «с распылением Антанты у Польши колеблется почва под ногами... Эта игра может стоить Польше слишком дорого» [19, с. 485, 486].

В советской политике происходило постоянное противостояние концепций подталкивания мировой революции и реальной политики, в основе которой были национальные интересы России и необходимость сотрудничества с Западом для восстановления её экономики. Элементом последней, как уже отмечалось, стало и подписание Рижского договора. В письме полпреду РСФСР в Литве Семёну Аралову 18 мая 1921 г. Г. Чичерин выражал обеспокоенность возможным отходом Польши

в тот момент от Рижского договора и подчёркивал: «Мы со своей стороны, конечно, всячески желаем мирных отношений с Польшей и будем всячески стараться их достигнуть» [19, с. 392]. На X съезде РКП(б) В. Ленин говорил уже не о подталкивании мировой революции, а о подготовке к ней. В резолюции этого съезда «Советская Республика в капиталистическом окружении» отмечалось: «Возможность новых, основанных на договорах и соглашениях, отношений между Советской Республикой и капиталистическими странами должна быть использована, в первую очередь, для поднятия производительных сил Республики, для улучшения положения главной производительной силы – рабочего класса» [6, с. 611]. В плане налаживания отношений с капиталистическими странами для советского руководства важно было отделить государственную внешнюю политику от деятельности Коминтерна. В этой связи показательное решение политбюро ЦК РКП(б) от 14 мая 1921 г.: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным должностным лицам Советских представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим» [11, с. 76]. О курсе советского руководства в направлении реальной политики свидетельствует и директива политбюро от 21 июня 1921 г., в которой говорилось: «ЦК обращает внимание т. т. коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы на то, что им необходимо сообразовать свою политику с особенностями международного положения РСФСР... ЦК просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР» [20, с. 206].

Новая тенденция в советской внешней политике была замечена и польскими дипломатами, которые отмечали в декабре 1921 г.: «Совнарком начал новую тактику в своей международной политике... Она защищается Лениным, Красиным и Рыковым» [4, с. 208, 213–214]. Накануне Генуэзской конференции 25 февраля 1922 г. Г. Чичерин писал: «Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России» [21, с. 349]. Но В. Ленин при этом

предлагал добиваться на конференции в Генуе отмены Версальского и остальных мирных договоров [22, с. 87, 89].

Рижский договор влиял и на решение Виленского вопроса, являвшегося одним из факторов нестабильности в Центрально-Восточной Европе. Предпринимались попытки решить этот вопрос с помощью Антанты, Лиги Наций, т. е. в рамках Версальской системы. Однако они не увенчались успехом. Россия пыталась выступать активным участником решения Виленского вопроса, в том числе и ссылаясь на Рижский договор. 8 ноября 1921 г. состоялся обмен нотами между поверенным в делах Литвы в РСФСР и наркомом иностранных дел Советской России. Г. Чичерин выразил удовлетворение тем, что литовское правительство отвергло проект Гиманса по виленскому вопросу [23, с. 72].

На заседании политического комитета польского правительства 7 февраля 1922 г. обсуждалась подготовка к Генуэзской конференции. Представитель Польши в Лиге Наций Шимон Аскенази отметил зависимость Польши при решении виленского вопроса от Антанты (согласно статье 87 Версальского договора), от Советской России (согласно Рижскому договору) и от Лиги Наций. По его мнению, великие государства определяют необходимость решения виленского вопроса таким образом, чтобы оно не преграждало дороги к урегулированию отношений между Ковеньщиной и Польшей [24, с. 54]. Польско-литовский территориальный спор оставался нерешенным. На Генуэзской конференции представители Литвы заявили, что литовские границы «установил договор с Россией от 12 июля 1920 года, а между Литвой и Польшей находится военный фронт» [4, с. 234, 235]. Для Польши крайне актуальной задачей сохранения контроля над Вильно оставалась и с точки зрения удержания коридора, отделяющего Россию от Литвы и Германии. Это препятствовало эффективному сотрудничеству между названными странами, которое могло представлять угрозу для послевоенного международного порядка в Центрально-Восточной Европе. В марте 1923 г. начальник польского генерального штаба Станислав Галлер высказывал опасения относительно усиления русско-немецкого влияния в Латвии и Литве настолько, что они утратят независимость и «тогда не удастся удержать наш коридор и Вильно» [25, с. 275].

Главное, о чем стремилась договориться Польша с другими государствами накануне

Генуэзской конференции – защита заключенных договоров и недопущение дискуссий по ним [26, с. 193–194]. В число этих договоров попадал и Рижский. Отсутствие дискуссий по нему в Генуе позволяло избежать и постановки вопроса о польской восточной границе. А польская дипломатия не исключала такой возможности. В донесении польского посольства в Берлине сообщалось о намерении советской делегации в Генуе выступить совместно с Германией за принадлежность Вильно Литве [27, і. 13]. 15 апреля польскому правительству была направлена советская нота, в которой заявлялось, что Рижский договор не отменил советско-литовский договор от 12 июля 1920 г., согласно которому Вильно признано частью Литвы [28, с. 221–222]. Советское руководство делало попытки использовать Генуэзскую конференцию, чтобы поставить под сомнение границы в Центрально-Восточной Европе. 14 мая В. Ленин направил Г. Чичерину телеграмму, в которой обращал внимание на необходимость «всемерно использовать постановку Д. Ллойд Джорджем вопроса о восточных границах Польши и Румынии, указывая, что эти границы – препятствие установлению мира, но делать это осторожно, дабы не навлечь нареканий об отступлении от Рижского договора» [23, с. 111].

В ходе Генуэзской конференции Советская Россия и Германия подписали Рапалльский договор. Он рассматривался в Москве гораздо шире, чем просто урегулирование советско-германских отношений. 29 апреля 1922 г. Г. Чичерин писал главе французской делегации в Генуе Луи Барту, что вышеупомянутый договор является, с точки зрения российского правительства, не чем иным, как началом ряда частных, особых договоров. Эти договоры должны служить базой для мира и равновесия во всём мире [10, с. 516], т. е. фактически ставился вопрос о замене системы международных отношений, созданной Версальским договором, новым международным порядком с помощью ряда двусторонних договоров, участником которых будет и Советская Россия.

Рурский кризис польское правительство использовало, чтобы добиться признания Западом своих восточных границ. Протокол, принятый Советом посланцев стран Антанты 15 марта 1923 г., признавал польско-советскую границу, установленную Рижским договором, а также включение в состав Польши Восточной Галиции и Вильно. Данное решение

содействовало стабилизации Версальской системы на её восточной периферии. Реакция в дипломатических кругах СССР на протокол от 15 марта 1923 г. была неоднозначной. Руководитель Берлинского пресс-бюро НКВД СССР С. Раевский в докладе в НКВД высказывал мнение, что завершение процесса международного признания польской границы «придаст неизбежно польской политике более уравновешенный, деловой характер, увеличит в ней удельный вес уравновешенных деловых кругов и, в частности, в области ее русской политики усилит влияние органических мирных течений» [19, с. 529]. Но официальное отражение получила советская позиция, демонстрировавшая незаинтересованность СССР в стабилизации ситуации с польской границей. Не имея возможности подвергать сомнению законность признания рижской границы, советское правительство направило свою критику против легитимизации включения в состав Польши Восточной Галиции. В ноте польскому правительству от 5 апреля 1923 г. Г. Чичерин подчеркнул, что советская сторона не считает для себя обязательным решение конференции посланцев Антанты о признании восточной границы Польши и будет руководствоваться в этом вопросе лишь постановлениями Рижского договора [29, с. 242].

Рурский кризис советское руководство пыталось использовать, как писал Г. Чичерин И. Сталину 19 января 1923 г., «деловым образом». Нарком предлагал не занимать однозначно прогерманской позиции. Если и поддерживать Германию, то за соответствующую компенсацию. 25 января политбюро приняло инструкцию для советской военной делегации, которая направлялась на переговоры в Берлин. Она предписывала не брать никаких политических обязательств по отношению к Германии [30, с. 100–102]. Однако данный подход к рурскому кризису был пересмотрен советским руководством в конце августа 1923 г. В Москве победил курс на подготовку революции в Германии в кратчайшее время. Победа германской революции рассматривалась в тот момент как решающий фактор в деле ликвидации Версальской системы. Тезисы, подготовленные Георгием Зиновьевым и принятые политбюро 23 сентября, провозглашали: «При создавшемся положении вещей во всей Европе и, в особенности, в свете надвигающейся пролетарской революции в Германии и возможности новой войны вполне своевременно выдвинуть лозунг Соединенных Шта-

тов рабоче-крестьянских республик Европы» [11, с. 193].

Советское руководство считало важным для победы германской революции невмешательство Польши в события в Германии. Для достижения этой цели СССР готов был даже поддержать территориальные претензии к Германии со стороны Варшавы. Польско-германская граница, установленная Версальским договором, не характеризовалась высокой степенью устойчивости. Германия, считая эту границу несправедливой, в начале 1920-х гг. не имела реальных возможностей добиваться её пересмотра. Польша также была не вполне удовлетворена своей западной границей, установленной в Версале. В частности, в польской элите присутствовали суждения о необходимости присоединения к Польше части Восточной Пруссии. Один из виднейших деятелей национальной демократической партии Станислав Грабский писал в те годы: «Польша не может, не имеет права забыть, что половина Восточной Пруссии – это край, заселённый прежде людьми по языку и происхождению польскими» [31, с. 111]. Об этих настроениях знали в Берлине, и в условиях рурского кризиса в германских правящих кругах стали звучать опасения, что Польша попытается захватить Восточную Пруссию. Германские политики еще в январе 1923 г. высказывали эти опасения советским представителям в Берлине Николаю Крестинскому и Карлу Радеку и пытались выяснить, в какой мере в случае конфликта с Польшей Германия может рассчитывать на советскую помощь [4, с. 243].

20 августа польский представитель в Москве Роман Кноль сообщил в Варшаву о неофициальной беседе с К. Радеком в связи с возможным развитием событий в Германии. По словам Р. Кнолля, советский представитель предложил обсудить вопрос о присоединении к Польше части Восточной Пруссии в случае революции в Германии [14, с. 239–240]. Германский посол в Москве потребовал у заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова объяснений в связи с заявлениями Льва Троцкого о готовности спасти немецкую революцию путём уступок за счёт Германии Польше [4, с. 255]. Однако стабилизация обстановки в Германии окончательно похоронила надежды на её советизацию и заставила большевиков возвращаться к реальной политике. Урегулирование рурского кризиса означало стабилизацию Версальско-Рижского международного порядка в Центрально-Восточной Европе.

Заключение

Таким образом, международная ситуация на восточной периферии Версальской системы определялась не только Версальским договором, но и соглашениями между государствами региона. Среди них особую значимость для формирования международного порядка в Центрально-Восточной Европе, наряду с Версальским договором, имел Рижский договор. При этом в регионе сложилась ситуация, когда положения отдельных договоров, особенно при решении территориальных вопросов, противоречили друг другу. Это подрывало стабильность сформировавшегося в Центрально-Восточной Европе международного порядка. Также дестабилизирующим фактором выступала политика России и Германии, направленная на ревизию Версальской системы в целом. В сложившейся ситуации не была гарантирована территориальная целостность государств региона, в первую очередь Польши, Литвы. Для советской политики характерно определенное противоречие относительно международного порядка, сложившегося в Центрально-Восточной Европе. С одной стороны, стратегическая цель Москвы заключалась в ревизии Версальской системы. Но, с другой стороны, в рамках реальной политики РСФСР нуждалась в определенной стабильности в регионе, что должно было содействовать ее хозяйственному восстановлению.

Политическая нестабильность в Центрально-Восточной Европе затрагивала и судьбу Беларуси. Её территория оказывалась полем противостояния между различными государствами региона, стремившимися либо укрепить сформировавшийся международный порядок, либо дестабилизировать ситуацию, изменить границы, что могло повлиять на государственную принадлежность белорусских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Снапкоўскі, У. Е.* Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мн. : БДУ, 2017. – 287 с.
2. *Лазько, Р. Р.* Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) / Р. Р. Лазько – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
3. *Бароўская, В. М.* Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах, 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 268 с.
4. *Зубачевский, В. А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX

- века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
5. **Materski, W.** Na widocze: II Rzeczpospolita wobec Sowietów, 1918–1943 / W. Materski. – Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN RYTM, 2005. – 776 s.
6. Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – 916 с.
7. Доклад А. А. Иоффе, направленный Г. В. Чичерину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому о взаимоотношениях с Польшей, Латвией и Эстонией. 10 ноября 1920 г. Л. 3. 5. // Польско-советская война. Рижский договор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : pswar.rusarchives.ru. – Дата доступа 20.12.2023.
8. **Dmowski, R.** Świat powojenny i Polska / R. Dmowski. – Warszawa : Druk. F. Wyszynski i s-ka, 1931. – 384 s.
9. **Materski, W.** Traktat ryski – potencjalna baza regionalnego systemu bezpieczeństwa / W. Materski // Да 90-годдзя прыняцця Рызскага дагавора 1921 г. Матэрыялы з беларуска-польскіх узаемаадносін у XX ст. : зборнік навуковых прац III Міжнароднай навукова-гэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўская, А. Вялікі. – Мн. : ТАА «Ковчег», 2011. – С. 12–21.
10. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. документов / редкол.: С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И. Н. Земсков и др. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
11. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
12. Воспоминания о В. И. Ленине : в 5 т. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 5. – 560 с.
13. **Ленин, В. И.** Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Издат. лит. литерат., 1981. – Т. 41. – С. 281–285.
14. Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. – Warszawa : Inst. Wyd. Pax., 1989. – Т. 1. 1918–1932. – 179 s.
15. **Kawalec, K.** Narodowa Demokracja wobec traktatu ryskiego / K. Kawalec // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach : studia / Pod red. M. Wojciehowskiego. – Toruń : Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 31–46.
16. **Stawecki, P.** Ratyfikacja umowy preliminarnej i Traktatu ryskiego przez sejm ustawodawczy / P. Stawecki // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach : studia / pod red. M. Wojciehowskiego. – Toruń : Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 111–123.
17. **Мальков, В. Л.** Версаль и его уроки / В. Л. Мальков // Первая мировая война: пролог XX века. – М. : Наука, 1998. – С. 202–210.
18. **Wyszczelski, L.** Wojna o polskie Kresy 1918–1921 / L. Wyszczelski. – Warszawa : Bellona, 2011. – 494 s.
19. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 1. – 628 с.
20. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов / сост.: А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 423 с.
21. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М. : Наука, 1998. – 949 с.
22. **Хормач, И. А.** Советское государство на международной конференции в Женеве по экономическим и финансовым вопросам / И. А. Хормач // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.
23. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : Юніпак, 2012. – Т. 2. – 480 с.
24. O niepodległą i granice. Protokoły Komitetu Politycznego Rady Ministrów 1921–1926 / M. Jabłonowski, W. Janowski. – Warszawa – Pułtusk : Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztor, 2004. – 547 s.
25. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 562 с.
26. **Mikulicz, S.** Polityczne manewry polskiej dyplomacji przed konferencją w Genewie 1922 / S. Mikulicz // Studia z najnowszych dziejów powojennych. – 1963. – Т. 3. – S. 191–208.
27. Depesza Ambasady RP w Berlinie w Ministerstwo Spraw Zagranicznych. 10 kwietnia 1922 r. // Archiwum Akt Nowych. MSZ. Sygn. 6629.
28. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 5. – 807 с.
29. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. – Т. 6. – 671 с.
30. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2011. – Т. 1. – 1031 с.
31. **Grabski, St.** Godziennych walk i rozważań / St. Grabski. – Poznań : Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. – 168 s.

Поступила в редакцию 18.01.2024 г.

Контакты: miazgamm65@gmail.com (Мезга Николай Николаевич)

Miazga M. M. THE POLITICS OF SOVIET RUSSIA AND POLAND IN RELATION TO THE VERSAILLES-RIGA INTERNATIONAL ORDER (1921–1923)

The article describes the policy of Soviet Russia and Poland in relation to the international order that was formed in Central and Eastern Europe during the formation of the Versailles system. It is established that the international situation in the region during this period was characterized by

instability. It was generated, among other things, by the policies pursued by Russia and Poland. A number of borders between the states of Central and Eastern Europe were not universally recognized, and were objects of revisionist aspirations, which called into question the stability of territorial demarcation in the region.

Keywords: Versailles system, Riga Treaty, Soviet Russia, Poland, international relations, Central and Eastern Europe.

УДК 327.221.7(510)

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ТАН

Сюэ Жэнь

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье проанализировано воздействие конфуцианства на внешнюю политику Китая в период правления династии Тан (618–907 гг.). Новизна статьи заключается в оценке роли и места конфуцианских идей во внешней политике Китая в рассматриваемый временной период, анализе связи между конфуцианскими догматами и практикой внешней политики Танской империи.

Ключевые слова: династия Тан, конфуцианство, внешняя политика, дипломатия, культура.

Введение

Правление династии Тан (618–907 гг.) являлось периодом экономического расцвета, политического могущества и блеска культуры императорского Китая.

Цель данной статьи заключается в оценке воздействия конфуцианства на внешнюю политику Танской империи.

Задачи исследования заключаются в оценке роли и места конфуцианства в процессе государственного строительства Танской империи и его влияния на имперскую «мироустроительную» политику, выявлении особенностей сочетания конфуцианских догматов с дипломатической практикой танских императоров, раскрытии основных результатов влияния конфуцианства на политику и культуру народов и государств, не входивших в состав Танской империи.

Проблематика, связанная с воздействием конфуцианства на внешнюю политику династии Тан привлекала внимание исследователей в Китае и за его пределами, хотя специальных работ, посвященных роли конфуцианства во внешней политике Китая времен Танской империи, не появилось. Оценка роли и места конфуцианства осуществлялась в виде отдельных сюжетов в научных книгах и статьях.

Китайские авторы, в частности Ван Чжэньпин, Жэнь Шиин, Ли Далун, Ли Хунбинь, Янь Хэн, обращали внимание на гибкость танской политики в отношении «варваров» и считали, что такой подход не являлся

отходом от конфуцианских догматов, но придал внешней политике Китая больше гибкости и возможности оказывать культурное влияние на другие народы [1; 2; 3; 4; 5].

Российские исследователи И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова, А. Д. Зельницкий и казахский исследователь А. К. Камалов считали, что танские императоры не отказывались от основ конфуцианской «мироустроительной» концепции [6; 7; 8; 9].

Американские авторы М. Э. Льюис и Дж. К. Скафф обращали внимание на то, что танские императоры формировали внешнюю политику империи в контексте идейной «триады» – конфуцианства, даосизма и буддизма [10; 11]. Дж. К. Скафф считал, что в отношениях с тюркскими народами правители династии Тан отступали от конфуцианских догматов [11, p. 7].

Основная часть

Во времена правления династии Тан конфуцианство сохраняло статус государствообразующей доктрины Китая. Большим почитателем конфуцианства был император Тай-цзун (627–649 гг.). После вступления на престол он предписал почитать Конфуция как «первейшего мудреца» (*сянь шэн*, 先圣), а также создать конфуцианские школы. По приказу Тай-цзуна в 627 г. был составлен «Новый свод ритуалов» (Синь ли). Знание традиционных канонов конфуцианства являлось первостепенным требованием к претендентам на государственную службу [7, с. 49–50].

В 630 г. Тай-цзун приказал осуществить систематизацию конфуцианских текстов. В 633 г. был создан фундаментальный труд «Пятикнижие с высочайше одобренными комментариями» (Уцин чжэньи), который представлял собой всеобъемлющее и систематическое обобщение классических конфуцианских книг со времен династии Хань.

При династии Тан была уточнена концепция «небесного мандата», или «Поднебесной» (*Тянься*, 天下). В составленном Тай-цзуном в 648 г. политическом завещании «Правила для

императоров» (Ди фань) проводилась мысль, что истинный государь обладает «небесным мандатом» и благой силой *дэ* [6, с. 463].

Правители Танской империи руководствовались принципом китаецентричности мира и рассматривали ханьцев (китайцев) как народ, превосходящий зарубежных «варваров» по уровню развития [10, р. 108]. Равенство других народов они признавали крайне неохотно и шли на такой шаг в виде исключения из дипломатических правил (равноправные отношения Танская империя устанавливала лишь с Тюркской империей в 618–625 гг. и Тибетом в 781–841 гг. [10, р. 108]). Соответствующий подход распространялся и на внешнеторговые операции. Поступление товаров извне рассматривалось как дань от вассалов империи.

Следуя конфуцианским канонам, власти Танской империи придавали большое значение соблюдению ритуала (*ли*, 禮). Внешнеполитический аппарат Танской империи предусматривал четкое разделение на лиц, составлявших документы (Чжу Гэсы) и наделенных представительскими полномочиями (Хун Лусы). Прием иностранцев осуществлялся на основе специальной процедуры Си Фангуань. Каждому иностранному послу предоставлялся персонал для приема, сопровождения, ведения протокола, изучения условий и обычаев государства, из которого прибыл гость. В дальнейшем все дипломатические записи передавались на хранение в коллегию историографов династии Тан [12, с. 18].

Принятие «дани» (товаров извне) сопровождалось отправкой за рубеж ответных даров императора, стоимость которых порой превосходила стоимость зарубежной «дани». При приеме иностранных послов все расходы по их пребыванию в империи принимало на себя имперское правительство [13, с. 193].

Изначально правители Танской империи не стремились к значительному расширению ее пределов. Активнее всего этот процесс происходил при Тай-цзуне, который в конце своего правления отметил: «...Мы подчинили священным мечом двести царств, усмирили четыре моря, варвары далеких стран одни за другими также изъявляют свою покорность» [14, с. 76].

В период расцвета Танская империя включала обширные территории от Кореи до Персии и от Вьетнама до Тянь-Шаня. Территориально она превосходила Ханьскую империю [7, с. 170]. Танские императоры на ранней стадии существования империи поспособствова-

ли развитию внешней торговли по Великому Шелковому пути, который связывал Китай со странами арабского Востока и Европы. Активно развивалась и морская торговля Китая со странами Южной и Западной Азии и Тропической Африки.

Правители династии Тан использовали конфуцианскую концепцию «добродетели в отношении четырех варваров». В «Новую историю династии Тан» («Синь таншу») было внесено следующее утверждение: «В древности те, кто занимался управлением Поднебесной, усиленно распространяли свое *дэ*, а не расширяли территорию. Если силы *дэ* недостаточно, то пусть даже земли государства и обширны, их все равно невозможно будет удержать» [15].

Династия Тан постоянно направляла посланников в «варварские земли», рассчитывая, что образ процветающей империи поспособствует «исправлению варваров». Во времена правления Тай-цзуна правовые нормы «варваров» использовались в имперском законодательстве. Поощрялось и распространение китайской культуры среди «варваров».

В случаях военных столкновений с другими государствами и народами танские императоры стремились представить применение силы как проявление справедливости. В частности, начав войну против корейского государства Когурё в 644 г., Тай-цзун отметил: «Людун прежде был китайской землей, а главнокомандующий (моличжи, манниджи) [Цюань Гэсувэнь] злодейски убил своего государя. Посему я лично вознамерился идти походом в эти пределы» [8]. Схожая ситуация сложилась в 671 г., когда китайский военачальник Сюэ Жэньгуй в ответ на изгнание танских войск с бывших пэкческих земель обвинил силлаского правителя Мунму-вана в сыновьей непочтительности [16, с. 15].

Следует обратить внимание на то, что императоры династии Тан творчески использовали конфуцианские подходы к «варварам». Император Тай-цзун говорил: «Начиная с древних времен все правители ставили превыше всего китайцев и с презрением смотрели на «варваров». Лишь я любил и тех, и других одинаково. Поэтому племена иноземцев относились ко мне как к своему отцу и своей матери» [17].

Весной 630 г. главы северо-западных племен тюрков-тацзюэ предложили императору Тай-цзуну принять титул Небесного кагана (*Тянь-кэхан*), который символизировал его право на сюзеренитет над ними. Император

принял это предложение. Принятие нового титула поспособствовало политическому признанию власти императора «варварскими» племенами и облегчило распространение китайской культуры, в том числе конфуцианства, на землях «варваров».

Конфуцианство оказало значительное влияние не только на территории, подвластные империи, но и на Корею, Японию, Вьетнам и Тибет, которые в состав Танской империи не входили.

Первоначально конфуцианство стало распространяться в Корее, куда проникло еще в IV в. до н.э. [18, с. 84]. Активнее всего оно распространялось в государстве Силла, которое в 668–935 гг. объединяло большую часть корейских земель. По мнению российских и китайских ученых, основным источником распространения конфуцианства стало изучение конфуцианских канонических текстов корейскими студентами [18, с. 84; 19, с. 51]. По образцу Танской империи в Силла стали проводиться экзамены на занятие государственных должностей, а в основу идеологии легло конфуцианское социально-этическое учение, основанное на соблюдении ритуалов и нравственном управлении государством. Правители Силла считали себя формальными вассалами «Небесной династии» Тан, поддерживая идею китаецентричного мира [16, с. 154–155].

В Японии конфуцианство появилось в IV в. Согласно японским преданиям, первыми конфуцианцами в Японии стали корейские ученые, обучавшие здешних наследных принцев [20, с. 10]. В середине VI в. в Японии стали распространяться идеи «Лунь Юй» (прежде всего, идея почитания предков) [21, с. 202].

Ускорение процесса распространения конфуцианства в Японии произошло во время правления династии Тан. Догматы конфуцианства, прежде всего понятие добродетели и «небесного мандата», гармонии между правителем и подданными, были учтены при выработке базовых постулатов японской идеологии в VII в. [20, с. 11; 22, с. 48; 23, с. 30–31]. Конфуцианские образцы использовались при формировании японской системы образования и разработке основ японского законодательства [20, с. 13]. Как отмечал японский ученый Дж. Китагава, «эkleктичная разновидность конфуцианства, отошедшая от классического учения древних мудрецов в эпоху Хань, дала Японии первые образцы рациональных человеческих взаимоотношений» [24, с. 45]. Японцы позаимствовали у Танской империи образ-

цы бюрократической иерархии и нормы придворного этикета [21, с. 203]. Китайский язык и китайское образование считались не только необходимыми для занятия придворных должностей, но и обязательными признаками «благородного», аристократического воспитания [21, с. 209].

Во Вьетнаме конфуцианство также распространялось среди высших слоев общества. В Чанъянь для обучения конфуцианским канонам были направлены сыновья правителя северовьетнамского государства Зяоти Кхыонг Тхан Зыка Кхыонг Конг Фу и Кхыонг Конг Фук. Кхыонг Конг Фу по итогам экзаменов получил степень «цзиньши» (наставника) и некоторое время пользовался благосклонностью императора (однако после критических высказываний в адрес императора он был смещен со своего поста), Кхыонг Конг Фук служил младшим чиновником в ведомстве ритуалов [14, с. 85].

В Тибете конфуцианство стало распространяться после династического брака между тибетским правителем Сонгцэн Гампо и танской принцессой Вэньчэн в 650 г. Тибетцы стали выезжать в Чанъянь для изучения трудов Конфуция и просили китайцев «заниматься их законами» [2, с. 116–117]. В 730 г. в Тибет было направлено конфуцианское «Пятикнижие» [25, с. 52].

Танские императоры не стремились к принудительному распространению конфуцианства за пределами империи. Фактически оно воспринималось иностранцами добровольно в качестве элемента китайской «мягкой силы». Распространителями конфуцианства за рубежом являлись руководители и члены иностранных посольств и молодые люди, которые получали образование в Китае [21, с. 212, 217]. Вместе с тем конфуцианство за пределами Китая обрело статус элитарной идеологии и в этом отношении проигрывало альтернативным идейным течениям, в первую очередь буддизму [2, с. 56; 16, с. 85–86; 19, с. 123; 22, с. 55; 24, с. 45].

Вторая половина VII в. стала временем нарастания кризисных явлений в Танской империи. В VIII в. упадок Танской империи стал очевидным. Танские правители формально придерживались конфуцианских канонических текстов при управлении империей, но на практике отдавали предпочтение альтернативным идейным течениям – даосизму и буддизму [6, с. 254–255].

Внутренний кризис осложнял международное положение Танской империи. В VIII в.

танские императоры отказались от новых завоеваний [2, с. 100–101]. Стали нарастать противоречия в ее отношениях с «варварами». В 736 г. тибетцы заняли и разграбили имперскую столицу Чаньянь. Распад Западно-тюркского каганата и поражение танского войска в сражении с арабами у реки Талас в 751 г. снизили китайское влияние в Центральной Азии. В 764 г. тибетцы завоевали город Лянчжоу, в 766 г. – города Ганьчжоу и Сучжоу, в 781 г. – город Гуанчжоу, перекрыв движение по Великому Шелковому пути [25, с. 56]. Давление со стороны уйгуров в 791 г. положило конец китайскому правлению в Восточном Туркестане почти на тысячу лет [25, с. 57].

Политика толерантности, характерная для времен расцвета Танской империи, стала сменяться политикой ксенофобии. Танские правители вновь стали акцентировать внимание на различиях между ханьцами и «варварами», отдавая предпочтение «жесткой», а не «мягкой» силе воздействия на внешних контрагентов. Император Дэ-цзун (780–805 гг.) запретил уйгурам и согдийцам носить китайскую одежду и вступать в брак с китайками, а затем приказал им покинуть Чаньянь [9, с. 210].

Ограничения распространились и на участие иностранцев в экзаменах на занятие государственных должностей в Китае и изучение канонных конфуцианства. К примеру, в 845 г. танские власти ограничили допуск к экзаменам для уроженцев Аннама: на получение степени «цзиньши» их число не должно было превышать 8 человек, а к изучению «классических» книг допускалось не более 10 человек [14, с. 85].

Отгораживание от внешнего мира сузило возможности Китая по распространению культурного влияния в мире, в том числе по распространению конфуцианства. В 907 г. Танская империя прекратила существование.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во время правления династии Тан конфуцианство оказывало существенное воздействие на формирование основ государственного строительства и внешней политики империи. Руководствуясь конфуцианскими догматами, танские правители рассматривали себя в качестве «мироустроителей», обладающих «небесным мандатом» на власть. Прочие народы они рассматривали в качестве «варваров» и потенциальных вассалов империи, выстраи-

вая свою политику на принципах отношений «благосклонного отца» (императора) и «неразумных детей» (иностранцев).

Активное расширение пределов империи, в особенности в VII в., вынуждало танских императоров модифицировать отдельные положения конфуцианской доктрины в отношении «варваров». В частности, император Тай-цзун в 630 г. ради привлечения тюркских народов принял титул «Небесного кагана». Иностранцы допускались к сдаче экзаменов на занятие государственных должностей в Танской империи и могли свободно изучать каноны конфуцианства. Танские императоры поддерживали заключение династических браков с правителями иностранных государств, разрешая им жениться на китайских принцессах.

Открытость по отношению к внешнему миру, которая наблюдалась в Танской империи в VII – первой половине VIII в., способствовала распространению китайской культуры, в том числе конфуцианства, за пределами империи – в Корее, Японии, Вьетнаме, Тибете. Конфуцианские идеи и принципы использовались при создании учреждений образования и политико-правовых стандартов за рубежом. Вместе с тем за пределами империи конфуцианство сохраняло элитарный характер и широкого распространения не получило.

Углубление кризисных явлений в Танской империи на заключительном этапе ее существования привело к снижению китайского культурного влияния за рубежом и нарастающую напряженность в отношениях Китая с соседями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Zhenping, Wang*. Tang China in Multi-Polar Asia : a History of Diplomacy and War / Wang Zhenping. – Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. – 463 p.
2. *Жэнь, Шиин* Нравы золотой эпохи Тан / Шиин Жэнь / пер. с кит. Н. В. Кумилевой, Е. А. Синельщиковой. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 187 с.
3. *Ли, Далун* 李大龙, 汉唐藩属体制研究 = Исследование вассальных систем в династии Хань и Тан / Далун Ли. – Пекин : Издательство общественных наук Китая, 2006. – 535 с. (на кит. яз.)
4. *Ли, Хунбинь* 唐朝中央集权与民族关系 = Централизация и этнические отношения при династии Тан / Хунбинь Ли. – Пекин : Издательство Наци, 2003. – 270 с. (на кит. яз.)
5. *Янь, Хэн* 闫恒, Бань Бужибань布日. 夷夏关系与“大一统”的历史形态 = Исторический облик

- отношений между «И и Ся» и «Великого объединения» / Хэн Янь, Бужи Бань // Журнал Центральной школы социализма. – 2021. – № 4. – С. 198–208. (на кит. яз.)
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. – Т. III : Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова; Ин-т восточных рукописей РАН. – М. : Наука – Восточная литература, 2014. – 991 с.
7. **Попова, И. Ф.** Политическая практика и идеология раннетанского Китая / И. Ф. Попова. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 279 с.
8. **Попова, И. Ф.** Танский Китай и Центральная Азия / И. Ф. Попова // Евразийский исторический сервер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasica.ru/articles/library/ifpopova_tanskiy_kitay_i_tsentralnaya_aziya/. – Дата доступа: 16.06.2023.
9. **Камалов, А. К.** Тюрки и иранцы в Танской империи / А. К. Камалов. – Алматы : ИД «Мир», 2017. – 384 с.
10. **Lewis, M. E.** China's cosmopolitan Empire. The Tang Dynasty / M. E. Lewis. – Cambridge. – London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 356 p.
11. **Skaff, J. K.** Sui – Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors. Culture, Power and Connections, 580–800 / J. K. Skaff. – Oxford : University Press, 2012. – 400 p.
12. **Безрученко, М. Е.** Дипломатия Древнего Китая / М. Е. Безрученко, Т. Н. Букреева // Глобализация – путь к объединению: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Л. В. Бычковой, В. М. Кузьминой. – Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 16–19.
13. **Хэ, Маочунь** 何茂春 = Всеобщая история китайской дипломатии / Маочунь Хэ. – Пекин : Изд-во общественных наук Китая, 1996. – 771 с. (на кит. яз.)
14. История Вьетнама / отв. ред. С. А. Мхитарян; пер. с вьет. – М. : Наука, 1983. – 302 с.
15. Синь Тан шу 新唐书 = Новая история династии Тан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinesenotes.com/xintangshu/xintangshu037.html> – Дата доступа: 10.07.2023. (на кит. яз.)
16. **Тихонов, В. М.** История Кореи : в 2 т. / В. М. Тихонов, Кан Мангиль / ред., сост., хрон. табл., сост. указателя Т. М. Симбирцева. – М. : Наталис, 2011. – Т. 1 : С древнейших времен до 1904 г. – 533 с.
17. **Сыма, Гуан** Цзы чжи тун цзянь (Всеобщее зеркало, помогающее управлению) [Электронный ресурс] / Гуан Сыма. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%B3%87%E6%B2%BB%E9%80%9A%E9%91%91%E5%8D%B7198>. – Дата доступа: 01.06.2023 (на кит. яз.)
18. **Головкова, Е. А.** Становление конфуцианства как государственной идеологии в Корее / Е. А. Головкова // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 81–87.
19. **Чэнь, Шаньшэн** 陈尚胜, 论唐朝与新罗的文化交流 = О культурных обменах между династией Тан и Силла / Шаньшэн Чэнь // Журнал Шаньдунского университета. – 1995. – Вып. 4. – С. 45–51. (на кит. яз.)
20. **Горегляд, В. Н.** Классическая культура Японии : Очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с.
21. **Радуй-Загуловский, Я. Б.** Конфуцианство и его распространение в Японии / Я. Б. Радуй-Загуловский. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 452 с.
22. **Елисеев, Д.** История Японии. Между Китаем и Тихим океаном / Д. Елисеев; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2009. – 318 с.
23. **Пасков, С. С.** Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки / С. С. Пасков; отв. ред. Г. И. Подпалова. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 208 с.
24. **Китагава, Дж. М.** Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава; пер. с англ. Н. М. Селливерстова. – СПб. : Наука, 2005. – 588 с.
25. **Кычанов, Е. И.** История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. – М. : Восточная литература, 2005. – 351 с.

Поступила в редакцию 12.10.2023 г.
Контакты: fayastudy@qq.com (Сюэ Жэнь)

Xue Ren THE IMPACT OF CONFUCIANISM ON CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE TANG DYNASTY

The article analyzes the impact of Confucianism on China's foreign policy during the Tang Dynasty (618–907). The novelty of the article lies in the assessment of the role and place of Confucian ideas in China's foreign policy in the time period under consideration, and the analysis of the relationship between Confucian tenets and the practice of foreign policy of the Tang Empire.

Keywords: Tang dynasty, Confucianism, foreign policy, diplomacy, culture.

УДК 9.94(36)

КУЛЬТ ИМПЕРАТОРА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ, МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПАТА, СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И. А. Ефременко

магистр исторических наук, преподаватель кафедры истории России
Белорусский государственный университет

В статье анализируются причины введения культа императора Октавианом Августом, а также роль культа в политической и религиозной жизни римского государства в I–II веках н.э. В статье за счет пристального анализа исторических источников устанавливается, что культ имел сугубо римские корни, по своему характеру являлся комплексом децентрализованных практик почитания не столько самого императора, сколько его особого божественного статуса, духов-хранителей, а также почитания уже умерших императоров.

Ключевые слова: Римская империя, Октавиан Август, императорский культ, принципат, римская религия.

Введение

Вопрос о причинах, а в особенности об источниках, объектах деификации, составивших культ императора, является одним из самых дискуссионных в историографии, посвященной истории религии древнего Рима. Очевидно, что ответ на этот вопрос носит принципиальный характер, поскольку, во-первых, от него зависит то, в каком контексте рассматривать феномен существования культа императора в системе принципата: в культурном (как один из основных проводников романизации провинций), политическом (культ как символ новой политической системы, несущий новые для Рима смыслы монархии и империи) или социальном (как символ новой социальной или даже надсоциальной силы). Во-вторых, это имеет принципиальное значение и для более глубокого понимания сущности системы принципата, так как в историографии имеет место мнение, согласно которому в период кризиса республики римская культура и религия имели скорее синкретический характер, т.е. представляли собой синтез из римских и восточных, а прежде всего греческих начал. Вместе с тем многие исследователи доказывают обратное, а именно: Рим не вбирал в себя культурные элементы других народов,

но насаждал свою культуру и свою религию, чему во многом и способствовал императорский культ. Наконец, важен здесь и еще один момент, связанный с тем, что императорский культ, вернее существование императорского культа, как правило, рассматривается в качестве критерия и маркера для определения монархического политического режима в изучаемых обществах. Однако, когда речь заходит о культе Римского императора, историки не могут однозначно признать в нем критерий для определения режима, поскольку в нем заложен достаточно противоречивый и неоднозначный характер. Более того, нет определенного ответа и на вопрос, было ли это богопочитание или же воздаяние политических и социальных почестей.

Основная часть

В научной литературе принято начинать историю культа императора с правления первого принцепса и основателя новой политической системы – Октавиана Августа [1, с. 167]. При этом введение императорского культа взаимосвязано с комплексом реформ, проведенных Октавианом. После победы у мыса Акций в 31 году до н.э. Октавиан Август фактически стал единовластным правителем обширных территорий, входящих на разных правах в состав Римского государства. Однако перед ним встала проблема легитимации своего положения. Срок действия его чрезвычайных полномочий, декретированных в 33 году до н.э., истек, а военная присяга, данная ему как главнокомандующему гражданами всех италийских муниципий, действовала только на время войны.

Октавиан мог пойти по двум путям формализации своей власти. Первый заключался в облечении себя властью магистратур, в том числе чрезвычайных, например, диктатора. Однако, как убедительно показала Н. В. Чеканова, диктатура к тому моменту была дискредитирована действиями Суллы и Цезаря, а следовательно, обладала комплексом негатив-

ных коннотаций, связанных, помимо прочего, с нарушением римских законов, произволом и военным насилием [2, с. 458–460]. Получение через выборы основных магистратских постов, в частности консула, претора, цензора, также не могло обеспечить прочной легитимации его положения, поскольку по римским законам срок действия этих магистратур был ограничен годом, а на некоторые посты можно было избираться лишь один раз. Естественно, последние нормативы нарушались в течение всего I века до н.э., начиная с Гая Мария. Следовательно, Октавиан мог избираться комициями ежегодно на главные посты. Однако, как и в случае с диктатурой, в политической культуре Рима эпохи гражданских войн неоднократное и ежегодное занятие поста консула одними и теми же людьми (тем самым с непременным подкупом участников комиций), а также военное давление были тесно связаны с эпохой гражданских войн и произвола. Таким образом, Октавиан рисковал быстро лишиться поддержки и, следовательно, положения в государстве. Вторая модель легитимации предполагала выстраивание более сложных и гибких структур, в которых роль Октавиана Августа как главы государства носила бы имплицитный характер, а республиканские институты, осуществлявшие властные полномочия, в эпоху расцвета республики восстанавливались и формально были бы главенствующими. Сам император действовал бы в рамках восстановленной республиканской системы.

Разумеется, основатель Римской империи пошел по второму пути, поскольку планомерное проведение программы по восстановлению республики и римской *civitas* было более перспективным. Следует также сказать, что выстраивание новой политической системы шло двумя параллельными путями: создание идеологии принципата и выстраивание политических практик сообразно этой идеологии. Идеологическая работа, кипевшая в эпоху раннего принципата, в историографии, в том числе в отечественной, изучена достаточно полно. Выстраивание легитимации императорского поста опиралось в первую очередь на два концепта, созданных в эпоху между первым и вторым триумvirатом и в последующие за ними десятилетия. Этими концептами стали цicerоновский «Принцепс» и возвращение «Сатурново Царства» Вергилия.

Сатурново Царство является одним из самых загадочных для науки мифологических конструкций, вместе с тем плохо изученных в

области римской религии. Оно, как миф, служило обоснованием существования в обществе и в универсуме вообще таких феноменов, как болезни, старость, смерть, жестокость. То есть несло смыслы теодицеи. Здесь видится связь с гесиодовским золотым поколением, и эта связь достаточно очевидная. Гесиод писал о золотом поколении как о высшем и лучшем человеческом роде из всех, какие когда-либо существовали. При этом он помещал период доминирования золотого поколения далеко назад во времени. Сатурново Царство имеет те же коннотации. То есть, согласно мифу, Сатурново Царство – эпоха, недалеко отстоящая от момента сотворения мира, эпоха, когда жило самое первое поколение людей, не испытывавших нужды ни в чем. Тогда людям к тому же были чужды какие-либо физические и душевные страдания. На этом фоне Вергилий написал в 40 году I века до н.э. свою знаменитую IV эклогу, в которой предрек рождение золотого ребенка, способного вернуть Сатурново Царство [3, р. 28]. Также важно, что несколько позже, в том числе и в «Энеиде», Вергилий поместит райскую землю именно в Италию, где и будет править этот золотой ребенок, что вернет Сатурново «царство без уничтожения железного поколения людей, живущих сейчас» [4, с. 112].

Исследователи сходятся во мнении, что под золотым ребенком принято было полагать именно Октавиана Августа [5, р. 18]. Таким образом, концепт возвращения вместе с ним блаженных времен стал активно распространяться в массы. Между тем непосредственным воплощением, то есть политической программой по реализации Сатурново Царства, стала во многом *res publica restituta* со строем предков, которые, в свою очередь, несли в себе отголоски этого самого Сатурново Царства. В результате настроения римлян были актуализированы и эксплицированы Вергилием. Он предложил яркий, мощный, эмоциональный и замифологизированный образ Октавиана Августа, претендовавший на роль Сотера.

Еще одним элементом идеологического дискурса, призванного легитимировать новый порядок, стал концепт «Принцепса». Его автором, как уже отмечалось, был Цицерон, концептуализировавший роль принцепса в диалоге «О государстве», написанном между 54 и 51 годами до н.э. В этом сочинении, Цицерон развивал мысль о том, что Рим в прежние времена представлял собой идеальное государство, поскольку тип правления,

доминировавший до гражданских войн, был смешанным. Под «смешанным государством» Цицерон понимал государство, в рамках которого сочетаются три основных типа политического устройства: монархического (в Риме представленного консулами), аристократического (сенат) и, наконец, полиция (народные собрания) [6, с. 47–49]. Однако важнее то, что в этом же диалоге он уделит много внимания и идеальному правителю, которого видел в фигуре «защитника и управителя государства». В V и VI книгах диалога Цицерон развивает идею, навеянную Платоном, о том, что идеальное государство является своеобразным отражением вселенского государства, основанного на принципе закона и справедливости. Тем самым это положение было синтезировано его же идей «Римского мифа» [6, с. 87].

Безусловно, Октавиан Август затем применял на практике и ряд других идеологических концептов, среди которых принято выделять лозунг о «*Pax Augusta*» – звание освободителя римского народа. Однако все они, так или иначе, следуют из предыдущих. Миротворец Август проистекает из его сотериологического образа, сформированного Вергилием, как и освободитель народа Римского. Сообразно с доктриной, почерпнутой из трудов Вергилия и Цицерона, развертывалось строительство новой властной структуры на практике, в будущем составившей основу политического управления принципата.

Первое, что предпринял Октавиан, – это обеспечение поддержкой со стороны армии. Для этого им было распущено 120 тыс. легионеров, получивших земельные наделы, в специально выведенные ветеранские колонии [7, с. 11]. Тем самым Август сократил разбухшую армию, оставив в ней только преданных воинов. Впрочем, важно то, что в эпоху республики со времен, предшествовавших реформам Гракхов, и вплоть до второго триумvirата принципиальным вопросом было выделение земли для раздач ветеранам [2, с. 28–31].

Однако еще более значимы следующие шаги Октавиана. В 28 году до н.э. он особым указом отменил все постановления, принятые триумvирами, затем простил долги перед государством римским гражданам и демонстративно сжег долговые расписки [3, Aug. 31–32]. Здесь также имело место скорее символическое действие, чем прагматическое. Дело в том, что на момент 28 года д.э. прежние указы уже никто не выполнял. Тем более что с юридической точки зрения они не имели силу

закона, так как приняты были не через магистратские эдикты или плебисциты. Долги же были преимущественно неликвидны, то есть процент их выплаты был крайне низок, и государство деньги вряд ли вернуло бы. Наконец, Август провел впервые за долгое время люструм – обряд, призванный очистить город от скверны.

Вышеописанные предприятия призваны были стать маркерами, разделяющими эпохи. Эпоху гражданских войн как эпоху дрязг, кровопролитий, страданий и новую эпоху – Римского возрождения, возрождения старых порядков и, в конце концов, приближения золотого века. Все эти шаги являлись, по существу, репрезентацией тех идеологических смыслов, которые должны были легитимировать положение Октавиана в государстве, укрепив поддержку со стороны всей римской *civitas*.

Среди наиболее важных политических ходов, сделанных Августом для облачения себя легитимной властью, можно также выделить чистку сената, в результате которой его численность была снижена с 1000 до 600 человек. По новому сенатскому списку ему было отведено место принцепса, то есть первого сенатора [8, с. 406, 433]. Эта должность, не имеющая прерогатив или особых полномочий, была, однако, наиболее почитаемая в Риме в связи со своей авторитетностью. Сенат же в 27 году до н.э. «приказал» Октавиану оставаться при государстве и вести управленческие дела. В 23 году до н.э. народное собрание наделило его не должностью, но властью народного трибуна пожизненно, что предоставило принцепсу священную неприкосновенность и право вето на любое постановление в государстве. В 12 году до н.э. Август стал великим понтификом, сконцентрировав всю полноту религиозной власти в своих руках. Римская религия была в полном смысле этого слова государственной: она являлась частью государственного аппарата управления, а главой религии и государства был один и тот же человек. Кроме того, Августом было проведено и административное деление империи на провинции императора, где были расквартированы легионы, и провинции народа римского, внутренние спокойные провинции [9, с. 24]. Тем самым Октавиан Август закрепил за собой функцию главнокомандующего и защитника Рима.

Заключение

Таким образом, Октавиан Август создал неинституализированную государственную

должность с размытыми полномочиями и черпающую свой легитимный статус из сложившейся в Риме политической культуры, играя на доминирующих в *civitas* конструктах. Так, он планомерно реализовывал на практике концепт идеального правителя Цицерона, выступая в роли защитника государства, так как вся полнота военной власти фактически перешла из рук консулов в руки императора. Поборник законности и справедливости, приближающий Рим к идеальному государству и римскому мифу, сжег долговые расписки, восстановил сенат и комиции. К этому же прибавляются и почетные титулы, которыми наделили первого императора сенат и комиции, а именно: «Первый гражданин», «*Pater patriae*» и «Спаситель отечества».

Однако очевидно, что подобные шаги все же нуждались в дополнительном подкреплении со стороны религии. Многие из политических акций, призванных сослужить в деле легитимации нового порядка, не могли претендовать на долговечный статус. Степень персонификации была достаточно велика, то есть почестями награждали именно Октавиана Августа. Поэтому перед ним стояла задача легитимации не только своего положения в государстве, но и положения самой должности. Безусловно, некоторые из предоставленных экстраординарных полномочий, например, принцепс, власть народного трибуна, великий понтифик, делали императорский пост достаточно прочным, но не легитимным в глазах римского гражданского общества. Оправданно не желая приращивать к императорской власти дополнительную власть магистратур, Октавиан решил обратиться к римской религии. Именно поэтому он произвел апофеоз Юлия Цезаря, ведь они относились к одной семье, а римская *familias* и статус предков в рамках нее представляли собой в римском обществе важный и очень сильный «капитал». Имея предков-магистратов, было значительно проще выиграть выборы, ведь их статус автоматически передавался, по крайней мере частично, потомкам [2, с. 129]. Затем практика апофеоза почивших Цезарей укоренилась и не применялась за исключением особо жестоких императоров. Также Октавиан взял имя Август, призванное подчеркнуть особенное божественное расположение. Завещание, или «Деяния божественного Августа», описывали подвиги, совершенные первым императором за его жизнь. Таким образом, установление культа императора необходимо рассматривать

в контексте преобразований Октавиана Августа как практику, призванную укрепить его легитимную роль в государстве, а также саму должность императора. Человека, имеющего непосредственное отношение к богам, особое их расположение и происхождение, ведущее к Ромулу, естественно, видели исключительно в роли «наставника государства», в роли, придававшей императору легитимный статус и расположение со стороны *civitas*.

Есть все основания выделить две главные причины введения культа императора в период раннего принципата. Первая – культ выступил дополнительным и важным элементом легитимации положения римского императора или принцепса в государстве. Идеи куратора государства, спасителя, принцепса могли выступить в качестве прочного фундамента для легитимации и артикуляции власти императора только в тесной связи с религиозным дискурсом, в котором был бы представлен культ императора. Вторая причина – необходимо было создать мощную символическую платформу для проведения и репрезентации идей, связанных не просто с первенствующими ролями принцепса в государстве, но и с его надсоциальной и надгосударственной составляющей, с ролью арбитра и высшей силы в рамках *Pax Romana*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Штаерман, Е. М.** Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1987. – 324 с.
2. **Чеканова, Н. В.** Римская диктатура последнего века Республики / Н. В. Чеканова. – СПб.: Гуманитарная академия, 2005. – 475 с.
3. **Vergilius Publius.** Eclogues. Georgics. Aeneid I-VI / Publius Vergilius. – London: W. Heinemann; Cambridge University Press, 1916. – 632 p.
4. **Чернышов, Ю.** Древний Рим: мечта о золотом веке / Ю. Чернышов. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 240 с.
5. **Tranquillus C. Svetonius.** De vita Caesarum / C. Svetonius Tranquillus. – Philadelphia: Gebbie & Co, 1889. – 880 p.
6. **Цицерон.** Диалоги: О государстве. О законах / Цицерон. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
7. **Парфёнов, В. Н.** Император Цезарь Август: Армия, война, политика / В. Н. Парфёнов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 278 с.
8. **Машкин, Н. А.** Принципат Августа: происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 685 с.
9. **Грант, М.** Двенадцать Цезарей / М. Грант. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 272 с.

Поступила в редакцію 17.06.2024 г.

Контакты: Efremenkoivan1992@gmail.com
(Ефременко Иван Анатольевич)

***Efremenko I. A. THE CULT OF THE
EMPEROR OF THE ROMAN EMPIRE:
REASONS FOR INTRODUCTION, PLACE
IN THE SYSTEM OF PRINCIPALITY,
ESSENTIAL CHARACTERISTICS***

The article analyzes the reasons for the introduction of the cult of the emperor by Octavian Au-

gustus, as well as the role of the cult in the political and religious life of the Roman state in the I-II centuries AD. The article providing a close analysis of historical sources establishes that the cult had purely Roman roots, in its nature it was a complex of decentralized practices of veneration not so much of the emperor himself, but of his special divine status, guardian spirits, as well as veneration of already deceased emperors.

Keywords: Roman Empire, Octavian Augustus, imperial cult, principate, Roman religion.

ВИЛЕНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ: ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ (1862–1864 гг.)

А. В. Хованский

кандидат исторических наук

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье рассматриваются предпосылки и условия проведения военной реформы на белорусских землях в начале 1860-х гг. Анализируются конкретные шаги военного ведомства в сложных военно-политических условиях, которые позволили значительно оптимизировать организацию местного военного управления в регионе. Отмечается, что многие организационные мероприятия не были тщательно проработаны и носили чрезвычайный характер. Раскрыта структура и состав органов управления Виленского военного округа, а также возлагавшиеся на них обязанности. Представлены динамика и особенности военно-окружного устройства на белорусских землях. Показаны проблемы функционирования военного округа в условиях антиправительственных выступлений 1863–1864 гг.

Ключевые слова: военная реформа, Виленский военный округ, белорусские земли, консервация.

Введение

Местное военное управление играет важную роль в обеспечении национальной безопасности и защите интересов граждан. Оно обеспечивает эффективность и оперативность реагирования на потенциальные угрозы для страны. Сейчас, как никогда остро, стоит вопрос повышения эффективности управления войсками. Совершенствование системы военного управления невозможно без глубокого и всестороннего изучения опыта реформирования региональных военно-административных институтов. Несмотря на всю актуальность, вопросы динамики местной военной администрации не получили должного внимания в отечественной исторической науке. Отдельные аспекты устройства военно-окружной системы в белорусских губерниях раскрываются в издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг.» [1]. Различные сведения о ходе подготовки и проведения военной реформы в Российской империи содержатся в труде, посвященном деятельности военного управления в годы правления

императора Александра II [2]. В советской исторической науке наибольший интерес представляет работа историка П. А. Зайончковского, рассмотревшего проблемы развития окружной системы военного управления в контексте реформирования российской армии [3]. Среди новейших трудов по истории военного строительства следует отметить работу авторского коллектива А. Ю. Безугольного, Н. Ф. Ковалевского и В. Е. Ковалева, содержащую попытки всестороннего анализа состояния и основных этапов развития управления войсками (силами) на новой методологической основе [4]. Цель исследования – выявить особенности становления Виленского военного округа в 1862–1864 гг.

Основная часть

Поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) привело к серьезным изменениям во внешнеполитическом положении Российской империи. Во-первых, оно нанесло сильный имиджевый удар государству. Империя потеряла свое ведущее положение в международных делах континента. Во-вторых, привело к резкому изменению соотношения сил на европейской арене и возникновению новых угроз. Нейтрализация Черного моря вместе с усилением позиций Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке создавали серьезную опасность для южных границ страны. В свою очередь, потенциальные риски обеспечения безопасности западных границ империи заключались в значительном усилении военного потенциала Королевства Пруссия. Несмотря на некоторое сближение с Францией, после заключения Парижского мира в 1856 г. Российская империя оказалась фактически в политической изоляции, что усложняло возможности для защиты интересов на международной арене [5, с. 218].

Наряду с внешними вызовами серьезную озабоченность царского правительства вызывала складывавшаяся внутрисполитическая обстановка. Рост крестьянского (национально-освободительного) движения, антиправи-

тельственные выступления обуславливали стремление руководства укрепить российскую армию, сделав её надёжной опорой власти. В целом, все эти факторы создавали опасность для государства и требовали принятия неотложных мер для обеспечения его безопасности [3, с. 44].

В 1861 г. Российская 1-я армия организационно состояла из трех армейских корпусов, размещавшихся в Королевстве Польском и западных губерниях империи. Соединения 1-го армейского корпуса территориально располагались в Лифляндской, Курляндской, Августовской, Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерниях. На польских землях поочередно квартировались войска 2-го и 3-го корпусов. В украинских губерниях определялись районы базирования для войск того из корпусов, который не находился в Королевстве Польском [1, с. 378; 2, с. 148; 6, с. 88].

Определенным триггером в деле окончательного принятия идеи необходимости модернизации существовавшей организации военного управления в стране послужили усилившиеся в начале 1860-х гг. крестьянские волнения. Особенно остро эта проблема ощущалась в западных регионах империи, где выступления принимали черты национально-освободительной борьбы.

Опасения дальнейшего роста антиправительственных выступлений в регионах подтолкнули правительственные круги к выработке действенных мер реагирования. Одним из рассматривавшихся вариантов была задумка повсеместного введения в стране института временных военных губернаторов. Однако из-за опасений расширения бюрократического аппарата, наряду с трудностями оперативного создания соответствующей нормативно-правовой базы под новый орган власти, эксперимент с военизацией местного управления в полной мере реализован не был [7, с. 641–642]. При этом императором Александром II устанавливалось, что в условиях введения военного положения на территории Минской, Витебской и Могилевской губерний здесь могли назначаться временные военные губернаторы [8, с. 225].

Осенью 1861 г. из-за возникших беспорядков в Минской губернии была учреждена должность временного военного губернатора. 10 августа 1862 г. после включения губернии в состав Виленского военного округа утвержденное звание было отменено [9, л. 4; 10, с. 778]. Однако с мая 1863 по июнь 1864 г.

российское правительство вновь прибегло к практике введения этой должности, назначив на неё генерал-лейтенанта В. И. Заблоцкого [11, л. 5]. Временный военный губернатор изначально подчинялся главнокомандующему действующей армии, однако после создания Виленского военного округа перешел в юрисдикцию командующего войсками.

Вместе с тем в ходе обсуждения вариантов усиления местных управлений, способных обеспечить устойчивость общественных и государственных институтов, было окончательно достигнуто понимание необходимости военно-окружного строительства в империи. Децентрализация военно-политического управления путем разделения территории страны на округа, по мнению военных чиновников, должна была существенно улучшить стабильность и эффективность военного управления на местном уровне, что, в свою очередь, положительно отразится на безопасности государства в целом. Однако планомерной реализации программы преобразований, подготовленной военным министром Д. А. Милютиним, помешали начавшиеся волнения в Королевстве Польском и Северо-Западном крае [4, с. 48].

Ответом на усилившиеся в начале 1860-х гг. протесты и выступления в регионе стало введение военного положения и спешное устройство первых военно-окружных управлений. Военные округа предоставляли возможность местным властям улучшить координацию действий между различными воинскими частями, обеспечить более эффективное использование их ресурсов и в целом повысить оперативность военного реагирования. Становление военных округов происходило параллельно с разработкой соответствующей нормативно-правовой базы, поэтому первоначально их работа регулировалась на основании временных законодательных актов, что свидетельствует о неотложности и важности этой меры.

6 июля 1862 г., согласно утвержденному императором Александром II положению, на базе штаба 1-го корпуса было сформировано управление войск Виленского военного округа во главе с командующим войсками округа. В соответствии с документом ему непосредственно подчинялись только полевые войска, размещавшиеся в округе. В то же время в Варшавском округе, где функционировали отделы полевого управления армии, образовались, кроме окружного штаба, и другие отделы (интендантский, артиллерийский, инженерный),

в состав которых вошли управления западных артиллерийского и инженерного округов [5, с. 366]. Также в округе создавалось временное провиантское управление на основе действовавших ранее корпусных полевых провиантских комиссий. С формированием Виленского окружного управления, существовавшее при виленском генерал-губернаторе дежурство упразднилось, а его обязанности передавались в управление округа [12, с. 600-663].

Временный штат управления включал командующего войсками, его адъютантов, начальника штаба, обер-квартирмейстера, дежурного штаб-офицера, пять старших адъютантов. Принятой организационно-штатной структурой также предусматривались должности офицеров для особых поручений Генерального штаба. Всего в управлении округа насчитывалось 94 человека. Кроме того, для специальных поручений дополнительно выделялись 4 штаб- или обер-офицеров. В сентябре 1862 г. окружное управление было усилено жандармской командой упраздненного 1-го корпуса [13, с. 243-244].

Командование войсками в округе в 1862–1863 гг. было возложено на виленского военного, ковенского, гродненского и минского генерал-губернатора генерал-адъютанта В. И. Назимова. С 1 мая 1863 по 17 апреля 1865 г. этот пост занимал генерал от инфантерии М. Н. Муравьев. Отметим, что в делопроизводстве использовались разные названия должности: «Виленский военный губернатор, Ковенский, Гродненский, Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губерний», «виленский генерал-губернатор», «командующий войсками округа», «главный начальник северо-западного края», «главный начальник края» [4, с. 78, 5, с. 124].

16 сентября 1862 г. было издано временное положение и штаты Виленского окружного интендантства. На управление возлагались обязанности по организации продовольственного обеспечения войск в округе. Отметим, что в полосу ответственности Варшавского окружного интендантства были отнесены брестские магазины. Окружное интендантство во всех делах подчинялось непосредственно командующему войсками. Предметы, входившие в компетенции окружного интендантства, разделялись на два разряда. К первому принадлежали вопросы контроля за деятельностью должностных лиц, ко второму – часть хозяйственная и отчетность [14, с. 77].

Временным штатом управления Виленского окружного интендантства предусматривались должности: окружной интендант, обер-контролер со стороны государственного контроля, три чиновника для поручений (6-го, 7-го и 8-го классов), делопроизводитель и помощник по заготовительной части, заготовитель и его помощник по продовольственной части, делопроизводитель по счетной части, два бухгалтера, помощник бухгалтера, два контролера и помощник контролера. В канцелярии интенданта планировались секретарь, помощник секретаря, казначей, архивариус, журналист, четыре интендантских чиновника 8-го класса, 18 писарей, счетчик, старший и двое младших вахтера, 10 служителей. Всего – 57 чел. [15, с. 374-375]. В свою очередь, вещевое, денежное и госпитальное обеспечение временно (до отдельного распоряжения) оставалось в ведении комиссариатского департамента военного министерства [5, с. 375].

В течение 1863 г. постепенно устраивались и другие распорядительные органы окружного управления. 20 марта 1863 г. был сформирован штаб начальника артиллерии с подчинением ему всех располагавшихся в округе артиллерийских подразделений. Впервые закреплялось постоянное местопребывание начальника и штаба артиллерии в г. Вильно (в месте расположения командующего округом) [16, с. 246].

В условиях непрерывной ротации войск значительной проблемой, особенно актуальной в ходе пресечения вооруженных выступлений в Варшавском и Виленском военных округах, было установление порядка их подчиненности. Потребность оперативного применения военных сил из разных пограничных округов приводила к смешению их подведомственности и затрудняла координацию действий. Кроме того, остро стоял вопрос в том, кому в итоге они подчиняются – пограничным округам, в которых временно находились, или центральному управлению. Для решения этой проблемы 7 мая 1863 г. приказом военного министра войска, размещавшиеся в Виленском военном округе и имевшие независимый от окружного штаба статус, передавались в полную и непосредственную юрисдикцию командующего войсками [17, с. 434]. Далее, в июле 1863 г. военным министром было установлено, что в случаях, когда перемещение касалось не всех соединений дивизии, а только некоторых, оставшиеся в прежнем округе части продолжали оставаться в юрисдикции прежних

округов, числившись откомандированными от своих дивизий [18, с. 7]. Кроме того, с включением крепости Динабург в состав Виленского военного округа динабургский комендант, наряду с виленским и бобруйским, переходил в подчинение командующему войсками округа [19, с. 142].

12 июля 1863 г. для рассмотрения военно-судных и следственных дел по политическим преступлениям императором Александром II в округе было утверждено положение и штат временного полевого аудиториата. Документом устанавливалось, что полевой аудиториат в округе включал присутствие и канцелярию. Присутствие состояло из председателя (генерал-лейтенанта) и трех членов (штаб-офицеров). В свою очередь, канцелярия в составе полевого обер-аудитора, трех помощников и аудитора назначалась для производства дел. Всего в штате аудиториата было 9 чел. [20, с. 842].

В июле 1863 г. императором Александром II было принято решение о новом распределении батальонов внутренней стражи по округам. В результате этого решения 9-й округ внутренней стражи в составе губернских батальонов (42-го моголевского, 43-го ковенского, 44-го витебского, 45-го гродненского, 46-го виленского, 47-го минского) и приписанных к ним этапных команд были переданы в управление виленского военно-окружного управления [4, с. 86].

11 сентября 1863 г. на базе Лифляндского инженерного округа формировалось управление инженеров Виленского военного округа во главе с начальником инженеров. Его полномочия распространялись на динабургскую, виленскую и бобруйскую инженерные команды, ковенскую и гомельскую инженерные дистанции, а также арсенал в Динабурге. В соответствии с временным штатом в его состав включались: начальник инженеров (генерал-майор), два помощника из инженеров, два члена управления – инженерного подполковника и классного чиновника. В чертежную управления входили: четыре инженерных обер-офицера, младший архитектор, шесть кондукторов. В состав канцелярии включались: старший адъютант, письмоводитель, два бухгалтера, казначей, два сторожа и 13 писарей. Для выполнения работ в округе предусматривались три мастера и четыре подмастерья. Кроме того, в составе управления числились 17 денщиков [21, с. 295].

Вследствие роста контингента войск в округе (более чем в два раза в сравнении с

численностью на момент утверждения штата окружного управления), согласно ходатайству генерала от инфантерии М. Н. Муравьева, было дано разрешение на расширение состава штаба. Так, структура округа была дополнена двумя помощниками старших адъютантов по части обер-квартирмейстера, тремя помощниками старших адъютантов по дежурству, секретарем начальника штаба, заведующим типографией и 12 писарями [18, с. 52].

Одной из особенностей функционирования местного военно-административного аппарата было параллельное существование здесь военно-окружного управления и временных чрезвычайных институтов военно-полицейской власти в лице станových воинских начальников, военно-уездных начальников, временных военных губернаторов и начальников войск в губернии, подчинявшихся командующему войсками [22, л. 3–4].

Заключение

Разработка и введение военно-окружной системы управления в Российской империи осуществлялись в неблагоприятных внешне- и внутривнутриполитических условиях для страны, что обусловило ее не до конца проработанный характер. Создание закрепленного за определенной территорией местного военного аппарата полностью соответствовало требованиям времени. Создание Виленского военного округа и реализация дополнительных мер по защите государственного строя и органов власти позволили правительству справиться с восстанием 1863–1864 гг. в регионе и подавить его активность. Однако организационные мероприятия, проведенные в 1862–1864 гг., носили временный характер и лишь в общих чертах соответствовали разрабатываемым идеям территориальной системы военного управления. Структура округа формировалась с учетом выполнения военно-полицейской функции, что нашло свое отражение в объединении должностей генерал-губернатора и командующего войсками в округе. Для выполнения широкого круга задач предпринимались дальнейшие шаги по развитию окружной иерархии и созданию новых отделов военно-окружного управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Столетие Военного министерства, 1802–1902 : в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902–1914. – Т. 1 : Историче-

- ский очерк развития военного управления в России / сост. : Н. А. Данилов, Н. М. Затворницкий. – 1902. – 680 с.
2. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. (1855–1880 гг.) : [в 6 т.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1879–1881. – Т. 1 / сост. Максимовским, Хорошиним ; под рук. Богдановича. – 1879. – XIII, 421, [62] с.
3. **Зайончковский, П. А.** Военные реформы 1860–1870 годов в России / П. А. Зайончковский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 371 с.
4. **Безугольный, А. Ю.** История военно-окружной системы в России, 1862–1918 / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Ковалевский, В. Е. Ковалев. – М. : Центрполиграф, 2012. – 463 с.
5. **Милютин, Д. А.** Воспоминания. 1863–1864 / Д. А. Милютин ; под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 688 с.
6. Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1860 год. – СПб. : Воен. Тип., 1863. – Разд. паг.
7. Записка о последствиях предполагаемого повсеместного учреждения временных генерал-губернаторов // Русская старина. 1882. – № 7. – С. 641–652.
8. О правилах на случай объявления каких либо местностей Западных губерний на военном положении // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1863. – Т. 36 : 1861. Отделение 2. – С. 225–226.
9. Дело о назначении генерал-майора Кулешова временным военным губернатором Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 29772.
10. О подчинении управления Минской губернии виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1865. – Т. 37 : 1862. Отделение 2. – С. 778.
11. Отношение о назначении временных военных губернаторов в Витебской, Минской и Могилевской губерниях // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 29757.
12. О главном управлении войсками, входящими ныне в состав 1-й армии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1865. – Т. 37 : 1862. Отделение 1. – С. 660–669.
13. Временный штат войск Виленского и Киевского военных округов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1865. – Т. 37 : 1862. Отделение 3. – Приложения. 1. Штаты и таблицы. – С. 243–244.
14. Положение об образовании временных провиантских управлений, из упраздненного интендантства 1 армии. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1865. – Т. 37 : 1862. Отделение 1. – С. 76–81.
15. Временный штат управлений окружных интендантств // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1865. – Т. 37 : 1862. Отделение 3. – Приложения. 1. Штаты и таблицы. – С. 574–575.
16. Положение о переформировании артиллерийских управлений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38 : 1863. Отделение 1. – С. 246–247.
17. О том, в чьем ведении состоят и кому именно подчинены войска, расположенные в Виленском, Киевском, Одесском военных округах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38 : 1863. Отделение 1. – С. 433–434.
18. Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1863 год. – СПб. : Тип. Ю. А. Бокрама, 1865. – Разд. паг.
19. О причислении крепости Динабург к Виленскому военному округу // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38 : 1863. Отделение 1. – С. 142–143.
20. Положение об утверждении при штабе командующего войсками Виленского военного округа временного полевого аудиториата // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38 : 1863. Отделение 1. – С. 841–843.
21. Временный штат управлений начальников инженеров Виленского, Киевского и Одесского военных округов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1866. – Т. 38 : 1863. Отделение 2. – Приложения. 1. Штаты и таблицы. – С. 294–295.
22. Переписка виленского генерал-губернатора о предоставлении упраздняемым военно-становым начальникам должностей // НИАБ. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 88.

Поступила в редакцию 13.03.2024 г.

Контакты: xovanskij_av@grsu.by (Хованский Александр Васильевич)

Khovansky A. V. VILNA MILITARY DISTRICT: FORMATION, STRUCTURE, FUNCTIONS (1862–1864)

The article examines the prerequisites and conditions for military reform on the Belarusian lands in the early 1860s. The specific steps of the military department in difficult military-political conditions which made it possible to significantly optimize the organization of local military control in the region

are analyzed. It is noted that many organizational measures were not carefully worked out and were of an emergency nature. The structure and composition of the governing bodies of the Vilna Military District, as well as the responsibilities assigned to them, are revealed. The dynamics and features of the military

district structure on the Belarusian lands are revealed. The problems of functioning of the military district in the conditions of anti-government protests of 1863–1864 are shown.

Keywords: military reform, Vilna Military District, Belarusian lands, conservation.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А. А. Ковтун

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Белорусская государственная орден Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия

В статье рассматривается отечественная историография по вопросу социально-экономического положения еврейского населения Могилевской губернии в конце XIX – начале XX в. В основном историки фокусируют свое внимание на правовом и экономическом положении еврейского населения в контексте истории Российской империи или западных губерний в целом. В меньшей степени в историографии раскрыты аспекты образования, здравоохранения и быта еврейского населения Могилевской губернии.

Ключевые слова: историография, еврейское население, Могилевская губерния, белорусские губернии, социально-экономическое положение.

Введение

Могилевская губерния являлась частью западных губерний Российской империи, поэтому вопросы социально-экономического положения населения этого региона многие историки рассматривают в контексте истории всей империи или, по крайней мере, в контексте истории белорусских губерний. Социально-экономическое положение еврейского населения Могилевской губернии освещается схожим образом. Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи произошел ряд событий, повлекших за собой изменение в социально-экономическом положении еврейского населения. Именно на этот период приходится одна из волн переселения евреев в губернии черты оседлости, убийство императора Александра II, серии погромов, активизация национальных и революционных движений, революция 1905 г. и Первая мировая война. Эти события повлияли на положение евреев в белорусских губерниях. Евреи, в свою очередь, составляли весьма крупную часть населения Могилевской губернии. По данным переписи 1897 г., в Российской империи жили 5 189 401 евреев, что составляло 4,13% общего числа населения империи. Однако 75% всего еврейского населения проживало на западных

территориях. Например, в Могилеве число евреев составляло 21 547 человек, или 50% от общего населения города.

Социально-экономическое положение еврейского населения Могилевской губернии в конце XIX – начале XX в. было сложным и неоднородным. Во многих районах губернии евреи составляли значительную долю населения и вносили важный вклад в экономику региона. Однако они сталкивались с различными социальными и экономическими ограничениями, в результате чего их положение было далеко не благополучным.

В конце XIX в. евреи Могилевской губернии жили преимущественно в малых местечках и деревнях. Их основным занятием была ремесленная и торговая деятельность. Евреи владели мастерскими, занимались ремесленным производством, включая производство текстиля, обуви, кожаные и ювелирные работы. Торговля также была важной отраслью, и евреи владели большим количеством магазинов и торговых предприятий.

Однако евреи сталкивались с дискриминацией и преследованиями. Ограничения и дискриминационные законы препятствовали их полноценной интеграции в общество и доступу к определенным профессиям и учебным заведениям. Евреев также часто обвиняли в экономической эксплуатации и соперничестве с местным населением, что порождало социальное напряжение и конфликты.

Исследование социально-экономического положения еврейского населения Могилевской губернии в этот период актуально по нескольким причинам. Во-первых, оно позволяет получить глубокое понимание многовековой истории еврейской общины в этом регионе и ее вклада в развитие социально-экономической сферы. Во-вторых, исследование помогает обнаружить причины и последствия дискриминации и преследований, которые формировали положение евреев в обществе

и влияли на их экономическую активность. И, наконец, изучение данной темы способствует более глубокому осмыслению общих социально-экономических процессов того времени и их влияния на различные этнические группы.

Основная часть

Известный белорусский историк В. М. Игнатовский критиковал политику царского правительства в отношении евреев [1, с. 167]. М. В. Довнар-Запольский приводил примеры еврейских рабочих стачек и данные о численности рабочего движения [2, с. 321]. В. В. Чепко приводила статистический материал о численности еврейского населения в белорусских губерниях [3, с. 127–128]. И. И. Солодков представил статистические сведения о численности могилевских евреев-ремесленников [4, с. 29].

В историографии БССР при рассмотрении положения еврейского населения Российской империи обращалось внимание главным образом на степень участия еврейского населения в революционной борьбе. Авторы фокусируют внимание на причинах обращения еврейского населения к революционному движению, таких как бедность и ограниченность в правах. Материал, касающийся непосредственно белорусских губерний и, в частности, Могилевской губернии, как правило, представлен в виде статистических сведений о численности еврейского населения и сословной принадлежности евреев. Эти данные помогают выстроить подробную картину социально-экономического положения еврейского населения.

Тема социально-экономического положения еврейского населения белорусских губерний отражена в работах белорусских исследователей. Э. Г. Иоффе повествует о бедственном положении еврейского населения, о проводимой антисемитской политике самодержавия и о еврейских погромах, прокатившихся по белорусским губерниям [5, с. 65]. Также автор критикует отношение правительства к белорусскому еврейскому населению. Э. Г. Иоффе приводит примеры различных дискриминационных мер царского правительства, среди которых: принудительные выселения, взятие в заложники и даже казни по сфабрикованным обвинениям. По мнению Иоффе, почти все евреи Беларуси в период Первой мировой войны стали жертвами политики государственного антисемитизма [6, с. 654–655]. Но при этом Иоффе утверждает, что, несмотря на право-

вые ограничения, евреи оказали значительное воздействие на экономическое развитие Северо-западного края [7, с. 62].

А. Д. Кузьмин, анализируя этноконфессиональный состав чиновничества белорусских губерний, отмечал политику постепенного отстранения евреев от занятия должностей в местном чиновничестве. Евреи были практически вытеснены даже из адвокатуры [8, с. 85–87]. Им было отказано в возможности участвовать во внутривнутриполитической жизни страны.

Историк О. А. Соболевская, изучая экономическую жизнь еврейского общества, считала, что бедность стала частью культуры еврейского населения белорусских губерний [9, с. 68–69; 10, с. 226]. Но в статье «Роль городов в еврейской культуре» автор цитирует Н. Гортынского, который описывает важное место еврейского населения в экономическом развитии города Могилева. Соболевская также подчеркивает значительную роль еврейского населения в развитии городов в целом [11].

Т. В. Опиок рассматривала особое положение еврейского населения в губерниях Белоруссии, указывая на то, что двойное налоговое обложение евреев было введено исключительно в этих губерниях [12, с. 235]. Тяжелое экономическое положение евреев в белорусских губерниях также анализировала Ю. В. Функ [13].

Крупный вклад в исследование еврейской общины Горецкого уезда, Могилевской губернии внес В. М. Лившиц. В его работах имеется информация о количестве и доходности предприятий, содержащихся евреями [14, с. 75–77].

Е. А. Толеренок обращается к вопросам аграрной деятельности белорусского еврейского населения [15]. Она указывает на беззастенчивость политики царского правительства по созданию прослойки евреев-крестьян [16, с. 115], отмечает причины неудачи [17, с. 192] и живую дискуссию в периодических изданиях [18, с. 77–78]. Она также указывает на недостаточное исследование темы евреев, занимающихся сельским хозяйством [19].

К различным аспектам жизни белорусского еврейского населения обращается историк П. Т. Стецкевич. Автор анализирует положение евреев Российской империи и отношение правительства к ним. При исследовании вопросов еврейского образования и политики самодержавия в этой сфере автор делает вывод о том, что власть специально создавала препятствия для интеграции еврейского насе-

ления в образовательную систему Российской империи [20, с. 178]. Также он отмечает, что либеральные реформы Александра II носили противоречивый характер и не способствовали интеграции еврейского населения в российское общество [21, с. 418].

Таким образом, собранные исследования историков подчеркивают сложное положение евреев в белорусских губерниях, включая их социальное, правовое и экономическое положение, которое подвергалось различным формам дискриминации и ограничений.

Среди трудов, посвящённых процессам, происходившим внутри еврейского общества, следует назвать книгу С. А. Кузнецовой «Еврейские общины Беларуси в конце XVIII – начале XX века». В этой работе автор проанализировала влияние различных политических течений и идей на внутренний климат в еврейском сообществе. Помимо этого, в работе содержится информация о численности учащихся в казенном еврейском училище Могилева и их характеристика [22, с. 19].

Проблемы еврейского образования на белорусских землях рассматривала В. В. Яновская, указывая на активное вмешательство государства в еврейское традиционное образование. Но при этом автор отмечала, что более 60% детей школьного возраста являлись воспитанниками внутриобщинных школ – хедеров [23, с. 185–186].

К вопросам еврейского образования на белорусских губерниях обращалась И. И. Забавская в работе «Яўрэйская адукацыя ў Беларусі ў пачатку XX стагоддзя». Автор подробно описала структуру системы еврейского образования, а также принципы внутренней работы, такие как подготовка преподавателей для учебных заведений, преподаваемые дисциплины и т.д. [24].

Сборник статей под общей редакцией А. Л. Литина «История Могилёвского еврейства: документы и люди» является одной из немногих работ, посвящённых непосредственно могилевскому еврейскому населению. В ней ряд историков (Э. Г. Иоффе, О. А. Соболевская, И. А. Марзалюк и др.) на основе широкого круга источников, проанализировали самые разные стороны социально-экономической жизни еврейского общества Могилевщины. Подробно освещена система еврейского образования, однако тема здравоохранения, освещена менее полно. Информация представлена в основном количеством врачей, аптек и уровнем их дохода [25].

Заключение

На историческом фоне правового и экономического положения евреев Российской империи история еврейского населения в белорусских губерниях требует дальнейшего внимания исследователей. Несмотря на безусловный интерес к истории евреев белорусских губерний, многие аспекты темы остаются недостаточно изученными. В трудах белорусских историков уделяется внимание социально-экономическому положению еврейского населения в белорусских губерниях. Анализируя жизнь и статус евреев, исследователи концентрируют внимание на их экономическом положении, правовых ограничениях и сфере образования.

Социально-экономическое положение еврейского населения Могилевской губернии редко находит полное и всестороннее рассмотрение со стороны историков. Исследователи, за редким исключением (А. Л. Литин), не склонны выделять белорусское и могилевское еврейское население из еврейского населения Российской империи. Ряд отечественных исследователей (Э. Г. Иоффе, О. А. Соболевская, Ю. В. Функ и др.) занимаются исследованиями еврейского населения белорусских губерний, но внимание этих исследователей в большей степени сфокусировано на западных регионах, где была выше доля еврейского населения.

Несмотря на то что отдельные аспекты темы, такие как правовое и экономическое положение еврейского населения в конце XIX – начале XX в., освещались в некоторых работах, в целом тема исследования остается недостаточно изученной, так как многие аспекты (демография, здравоохранение, быт и др.) остались не раскрыты. Таким образом, с учетом сложности и многогранности социально-экономического положения евреев в белорусских губерниях, направленность исследований белорусских историков открывает перспективы для более глубокого изучения темы социально-экономического положения еврейского населения в данном регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мн. : Беларусь, 1992. – 190 с.
2. *Довнар-Запольскі, М. В.* История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Мн. : Беларусь, 2005. – 680 с.

3. **Чепко, В. В.** Города Белоруссии в первой половине XIX в.: экономическое развитие / В. В. Чепко. – Мн.: Изд-во БГУ, 1981. – 143 с.
4. **Солодков, И. И.** Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начало XX в.) / И. И. Солодков. – Мн.: Изд-во БГУ, 1957. – 163 с.
5. **Иоффе, Э. Г.** Страницы истории евреев Беларуси: краткий научно-популярный очерк / Э. Г. Иоффе. – Мн.: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 294 с.
6. **Иоффе, Э. Г.** Белорусские евреи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / Э. Г. Иоффе // Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэр. Міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г. / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі; рэдкал.: М. У. Мясніковіч [і інш.]. – Мн.: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 641–656.
7. **Иоффе, Э. Г.** Евреи в торговле Беларуси в конце XVIII – начале XX века / Э. Г. Иоффе // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследавання : матэр. І Міжнар. навукова-практ. канф., Мінск, 14–16 ліст. 2013 г. / Цэнтр вывучэння гісторыі гандлю ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”»; рэд. рада: А. Кіштымаў, З. Шыбека [і інш.]. – Мн.: Тэхналогія, 2014. – С. 57–67.
8. **Кузьмин, А. Д.** Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. / А. Д. Кузьмин // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 81–88.
9. **Соболевская, О. А.** Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века / О. А. Соболевская; учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». – Гродно: ГрГУ, 2012. – 443 с.
10. **Соболевская, О. А.** Бедность как социокультурный феномен у евреев белорусской части черты оседлости в XIX веке / О. А. Соболевская // Шлях у навуку : зб. навук. артк. да 55-годдзя студэнцкага навукова-даследчага гісторыка-краязнаўчага гуртка «НіКа» / Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»; рэдкал.: Н. А. Івашчанка [і інш.]. – Гродно: ГрДУ, 2011. – С. 221–227.
11. **Соболевская, О. А.** Город как доминанта еврейской культуры Беларуси (конец XVIII – начало XX века) / О. А. Соболевская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2010. – № 1. – С. 71–77.
12. **Опинок, Т. В.** О конфессиональном характере налогообложения еврейского населения Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. / Т. В. Опинок // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 окт. 2017 г. / под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 233–235.
13. **Функ, Ю. В.** Социально-экономическое положение еврейского населения на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Функ // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2013. – № 3. – С. 3–11.
14. **Ліўшыц, У. М.** Горкі: старонкі гісторыі / У. М. Ліўшыц. – Мн.: Красікапрынт, 2007. – 312 с.
15. **Толеренок, Е. А.** Социально-экономический портрет еврея-земледельца Беларуси во второй половине XIX в. / Е. А. Толеренок // Тирош – труды по иудаике. Вып. 13. – М., 2013. – С. 89–97.
16. **Толеренок, Е. А.** История бюрократической переписки: опыт белорусских евреев-земледельцев в Российской империи во второй половине XIX в. / Е. А. Толеренок // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура : материалы Междунар. науч. конф., 27 апр. 2014 г. / отв. ред. М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко; Петербургский ин-т иудаики. – СПб., 2014. – С. 115–119.
17. **Таляронак, К. А.** Гісторыя яўрэйскіх земляробчых калоній на Беларусі ў XIX стагоддзі / К. А. Таляронак // VI Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 27–28 сент. 2012 г. / редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ имени П. М. Машерова», 2012. – С. 191–193.
18. **Таляронак, К. А.** Проблема яўрэйскага земляробства на старонках выдання «Русский еврей» / К. А. Таляронак // Романовские чтения – 13 : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвященной 105-летию Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 77–78.
19. **Таляронак, К. А.** Яўрэйскае насельніцтва Беларусі ў аграрнай палітыцы Расійскай імперыі ў канцы XVIII – пачатку XX ст.: гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў / К. А. Таляронак // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 89–96.
20. **Стецкевич, П. Т.** Особенности получения образования еврейским населением белорусских губерний Российской империи во второй половине XIX в. / П. Т. Стецкевич // Современные технологии сельскохозяйственного производства : сб. науч. ст. по материалам XXV Междунар. научно-практ. конф., Гродно, 15 апр., 13 мая 2022 г. / Министерство сельского хозяйства и продоволь-

ствия Республики Беларусь, Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет». – Гродно : ГГАУ, 2022. – С. 176–178.

21. **Стецкевич, П. Т.** «Еврейский вопрос» в российской внутренней политике в годы правления императора Александра II (1855–1881 гг.) / П. Т. Стецкевич // Современные технологии сельскохозяйственного производства : сб. науч. ст. по материалам XX Междунар. научно-практ. конф., Гродно, 12 мая, 21 апр., 19 мая 2017 г.: к 20-летию экономического факультета: экономика, бухгалтерский учет, общественные науки / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, УО «Гродненский государственный аграрный университет». – Гродно, 2017. – С. 416–418.

22. **Кузнецова, С. А.** Еврейские общины Беларуси в конце XVIII – начале XX века / С. А. Кузнецова. – Мн. : Петит, 1998. – 34 с.

23. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. В. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Экаперспектыва, 2005. – 519 с.; іл.

24. **Забайская, І. І.** Яўрэйская адукацыя ў Беларусі ў пачатку XX стагоддзя / І. І. Забайская / Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі : зб. навук. прац / Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка; рэдкал.: М. М. Забайскі [і інш.]. – Мн. : БДПУ, 2013. – С. 107–112.

25. **Литин, А. Л.** История Могилевского еврейства: документы и люди: научно-популярные очерки и жизнеописания : в 2 кн. / А. Л. Литин, И. М. Шендерович. – Мн. : Амелия-Принт, 2002. – 253 с.

Поступила в редакцию 17.04.2024 г.

Контакты: andreykovtun96@yandex.by (Ковтун Андрей Александрович)

Kovtun A. A. SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE JEWISH POPULATION IN THE MOGILEV PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY IN THE ASSESSMENTS OF DOMESTIC RESEARCHERS

The article examines domestic historiography of the socio-economic situation of the Jewish population of the Mogilev province in the late XIX – early XX century. Basically, historians focus their attention on the legal and economic situation of the Jewish population in the context of the history of the Russian Empire or the western provinces as a whole. To a lesser extent, historiography reveals aspects of education, health care and everyday life of the Jewish population of the Mogilev province.

Keywords: historiography, Jewish population, Mogilev province, Belarusian provinces, socio-economic situation.

УДК 94(430+47).08

ОЦЕНКА ЭРИХОМ ФОН ЛЮДЕНДОРФОМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ АРМИИ В 1915 ГОДУ

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

А. Е. Игнатович

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Публикация посвящена оценке германским генералом Эрихом Людендорфом боевых действий Русской армии в 1915 году.

Ключевые слова: Русская армия, Первая мировая война, высшее военное командование, Россия, Германия, Антанта, Четверной союз.

Введение

История Первой мировой войны, несмотря на усилившийся с конца XX века интерес к ней, и в настоящее время нуждается во всестороннем и постоянном изучении, так как раньше данной проблемой занимался относительно небольшой круг историков и исследователей. Одним из важнейших аспектов истории Первой мировой войны является оценка боевых действий русской армии со стороны ее противников по Четверному союзу, особенно Германии, которая была главной силой этого военного блока. Среди высшего военного руководства Германии периода Первой мировой войны выделялся генерал Эрих фон Людендорф. Он написал после окончания Первой мировой войны книгу своих воспоминаний, материал которой относительно боевых действий русской армии в 1915 году мы намерены проанализировать.

Первый год войны (1914-й) не принес германскому высшему военному и политическому руководству тех результатов, на которые оно рассчитывало. Это отметил в своих воспоминаниях и Людендорф: «Кампания 1914 года не дала желательных результатов. Во что должен был вылиться 1915 год, я не мог предусмотреть» [1, с. 102]. Расчеты правящих кругов Германии были основаны на «плане Шлиффена». По «плану Шлиффена» Германия должна была в кратчайшие сроки на западе нанести поражение Франции, а затем уже обратиться свои войска на восток (против России). Планируя, таким образом, военную кампанию,

немцы исходили из того, что «русские долго запрягают» и они не смогут быстро оказать помощь своей западной союзнице (Франции). Францию неминуемо ждал бы разгром, если бы не неожиданное для руководства Германии наступление русских войск в Восточной Пруссии. Только после переброски на восток значительного количества своих войск немцам удалось выбить русские войска из занятых ими земель Восточной Пруссии и стабилизировать линию Восточного (русско-германского) фронта.

Основная часть

В 1915 году страны Четверного блока во главе с Германией решили нанести главный удар не на западе (как в 1914 году), а на востоке (по Русской армии) для того, чтобы если не вывести Россию из войны, то, по крайней мере, настолько ее ослабить, чтобы она уже не могла больше спасти на западе своих союзников по блоку Антанта. Свой вклад в реализацию этих замыслов высшего военного и политического руководства Германии должен был внести и генерал Эрих фон Людендорф, который еще с 1914 года вместе с фельдмаршалом Гинденбургом осуществлял общее руководство действиями германских войска на востоке Европы (т.е. против России).

Начало 1915 года, казалось, не предвещало ничего плохого Русской армии, которая сумела не только отстоять почти все свои территории от их захвата противниками, но и заняла Галицию, входившую тогда в состав Австро-Венгерской империи. Русские войска в начале 1915 года продолжали вести активные наступательные действия как против немецких войска, так и против австро-венгерских. Ярость и настойчивость русских контратак в январе 1915 года, по мнению Людендорфа, создали для немцев немало трудностей. Великий князь (Николай Николаевич Романов) был

© Воробьев А. А., Игнатович А. Е., 2024

назван Людендорфом настоящим солдатом и полководцем. Вместе с тем еще в конце 1914 – начале 1915 года на Восток были перебросены четыре корпуса германской армии (три новых и 21-й армейский). Решение направить все силы против России, по словам Людендорфа, было принято в Германии не позднее апреля 1915 года [1, с. 106, 108–109].

Вместе с тем немецкое наступление на Восточном фронте началось 7 февраля 1915 года, а зима 1914–1915 годов, согласно свидетельству Людендорфа, была холодной. Целью этого наступления немцев было вытеснение русских войск за пределы Восточной Пруссии и перенесение боевых действий на территорию России. Город Лык, который входил в состав Восточной Пруссии, но был ранее занят русскими войсками, немцы сумели занять только к утру 14 февраля, так как его прекрасно, по словам Людендорфа, защищал 3-й сибирский корпус русской армии. Этот сибирский корпус сумел, несмотря на превосходство противника, организованно отступить через Августов, за болота по реке Бобр (и тогда, и ныне это территория Польши). 17 февраля 1915 года немцы заняли город Августов [1, с. 111–112].

Русские войска 20–21 февраля 1915 года провели очень сильные контратаки против наступавших немецких войск из Гродненской крепости и, вероятно, остановили наступавших. Далее, не объясняя каким образом, Людендорф написал, что в зимних боях на территории Мазурии была якобы уничтожена 10-я Русская армия [1, с. 114]. Оставим на совести Людендорфа это весьма спорное утверждение, отметив при этом, что это уничтожение как-то совсем не вязалось с сильными атаками якобы уничтоженных русских солдат. Следующие описания генералом Эрихом фон Людендорфом боевых действий русских войск в 1915 году полностью подтверждают то, что довольно часто он хотел видеть одно, но видел другое, и иногда ему приходилось признавать очевидные факты, которые были неприятны для него. Так, он написал, что 24 февраля 1915 года немецкие войска под командованием генерала фон Моргена захватили Прасныш (ныне в Польше он называется Пшасныш). По мнению Людендорфа, «исключительно сильно укрепленный город», но уже 27 февраля атака сибирского корпуса русской армии вынудила немцев оставить Прасныш, причем Людендорф был вынужден признать то, что «немецкие войска понесли весьма значительные потери» [1, с. 119].

Семнадцатое марта 1915 года Людендорфом было отмечено взятием русскими войсками города Мемеля (ныне город Клайпеда в Литве), входившего в состав Восточной Пруссии, который немецкий ландштурм (т.е. местное народное ополчение) не сумел отстоять, а 18 марта у населенного пункта Единорожец русские войска преподнесли немцам неприятный сюрприз (у Людендорфа он назван «уроком») – нанесли удар со стороны считавшегося немцами непроходимым болота [1, с. 120–121]. Далее Людендорф с нескрываемым удовлетворением написал о том, что уже 21-го марта 1915 года немцам удалось отбить Мемель, а 29-го марта немцы заняли Тауроген (ныне Таураге в Литве) [1, с. 122].

Однако вскоре настроение у генерала Людендорфа снова было испорчено, ибо 19 марта 1915 года русские войска, после продолжительной осады взяли сильную австро-венгерскую крепость Перемышль. Германии пришлось спасать своих неудачливых союзников и перебросить часть своих войск на юг, в Галицию. Командующим 10-й немецкой армией был назначен генерал фон Макензен, начальником его штаба был назначен генерал-полковник фон Зеэкт (по-русски его фамилию пишут Сект). Командующим 9-й немецкой армией стал генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский. Немцы получили отравляющие газы и ожидали от их применения больших тактических результатов, так как противогазовая защита у русских еще не была создана [1, с. 124]. Газовая атака, проведенная немецкой 9-й армией против русских войск, по свидетельству Людендорфа, не удалась. Газ подействовал, но русские солдаты продолжали стрелять, и немецкая пехота сочла, что газ не принес нужного результата, тогда как Ковровский пехотный полк русской армии понес большие потери, но сумел при этом сорвать немецкую атаку. Далее Людендорф посетовал на то, что немецкой 9-й армии фатально не везло с газами, поскольку позже, на том же участке фронта, немцы повторили атаку, но ветер вдруг переменялся в обратную сторону, и сами немцы понесли тяжелые потери от своих же газов [1, с. 127].

По данным Людендорфа, 27 апреля 1915 года немецкие войска начали наступательную операцию в направлении Литвы и Курляндии (западная часть Латвии), т.е. начали наступление с целью захвата территорий Российской империи. Главный удар наносился по городу и крепости Шавли (ныне Шауляй в Лит-

ве), который немцы взяли 30 апреля. Правда, в начале мая немцам пришлось временно оставить эту крепость, а 7 мая 1915 года 3-я кавалерийская дивизия немцев заняла город Либаву (современная Лиепая в Латвии). Чуть раньше, 2 мая 1915 года, войска немцев под командованием генерала Макензена прорвали русский фронт по среднему течению реки Дунаец в Галиции (произошел так называемый «Горлицкий прорыв»), в результате чего русская армия была вынуждена оставить занятую ей в 1914 году Галицию [1, с. 128]. В начале июня 1915 года, по выражению Людендорфа, «Перемышль был отобран у русских», 22 июня немцы и австро-венгерские войска заняли города Львов и Рава-Русская, а русские войска отступили к Бугу. Справедливости ради, стоит отметить то, что генерал Людендорф трезво оценил успехи германских и австро-венгерских войск в 1915 году, заявив, что «фронтальное оттеснение русских в Галиции не имело решающего значения для войны [1, с. 131–132].

Германский генеральный штаб, оказав большую помощь австро-венгерским войскам, не оставил в стороне и свою главную цель – нанести русской армии сокрушительное поражение на северном и центральном участках Восточного фронта, чтобы тем самым максимально ослабить Россию и отодвинуть линию фронта от Восточной Пруссии. В замыслы немцев входило и уничтожение «польского выступа», для чего предусматривалось продолжить наступление в Прибалтике, пытаясь охватить с севера находившиеся в Польше русские войска. Это отметил в своих воспоминаниях Людендорф: «Представлялось более выгодным сначала взять Ковно (современный Каунас) 10-й армией, тем самым открывалась дорога на Вильню (Вильнюс) и в тыл огромных русских сил (в Польше) [1, с. 133]. Одновременно с этим германские войска перешли во фронтальное наступление против русских войск в самой Польше.

Наступление, по свидетельству Людендорфа, началось 13 июля 1915 года, и уже 17 июля немецкие войска вышли на рубеж реки Нарев и подошли к городу-крепости Новогеоргиевску (по-польски Модлину), 23 июля взяли города Пултуск и Рожаны, а 4 августа – город Остроленку. Русские, по словам Людендорфа, оказывали повсюду упорное сопротивление, хотя и несли тяжелые потери. В излучине Вислы в наступление против русских войск перешли 9-я армия и армейская группа

немецких войск под командованием генерала фон Воирша. 13 июля 1915 года войска Воирша взяли город Радом и подошли к Варшаве [1, с. 135]. Угроза окружения русских войск в «польском выступе» была совершенно очевидной для высшего военного командования России, ввиду чего Русская армия стала отходить на восток, выходя из Польши, где ей неминуемо грозило окружение и уничтожение или попадание в плен.

К концу июля 1915 года немцы заняли города Холм и Люблин, а 5 августа их 9-я армия заняла столицу Польши (Варшаву). 9 августа немецкие войска окружили крепость Новогеоргиевск (Модлин), которая пала 19 августа. Развивая наступление из Польши на восток, немецкие войска еще 9 августа 1915 года взяли город Ломжу, а 18 августа войска под командованием генерал-фельдмаршала Макензена подошли к Брест-Литовску (современному Бресту). 22 августа немцы взяли город-крепость Осовец, а 25-26 августа они заняли Брест-Литовск и двинулись на Пинск и Барановичи. Параллельно продвижению на центральном участке Восточного фронта германские войска наступали и на северном его участке, где они 17 августа 1915 года взяли Ковно (Каунас), 26 августа – Олиту (современный город Алитус в Литве), а чуть раньше (29 июля) – Поневеж (современный Поневежис в Литве) [1, с. 138, 140–142, 143, 145, 147].

Первого сентября 1915 года германские войска взяли город Митава (ныне Елгава в Латвии), а 2 сентября войска под командованием генерала фон Шольца заняли Гродно. Тринадцатого сентября 1915 года немцы взяли Свенцяны (ныне город Швенченис в Литве), затем Сморгонь, но уже 19 сентября 1915 года русские войска выбили немцев из Сморгони [1, с. 147, 150, 153]. Упоминанием о том, что немцев вытеснили из Сморгони, Людендорф прекратил свое повествование о боевых действиях Русской армии против немцев в 1915 году. Автор воспоминаний умолчал о том, что именно в сентябре 1915 года русская армия подтянула резервы и начала контрнаступление, которое завершилось ликвидацией «Свенцянского прорыва» немцев и последующей стабилизацией всего Восточного фронта. При этом Людендорф посчитал нужным остановиться на кратком сообщении о потере такого малоизвестного населенного пункта, каковым являлась в те времена Сморгонь, и завершить повествование о военной кампании 1915 года словами: «1915 год закончился для

нас плюсом» [1, с. 159]. На наш взгляд, следует внимательно рассмотреть этот «плюс» Людендорфа и остановиться на объективных неудачах 1915 года для Германии и ее союзников по Первой мировой войне, о которых Людендорф не стал распространяться, а лишь кратко упомянул.

Заключение

Завершая данную публикацию, мы можем сделать ряд выводов. Генерал Эрих фон Людендорф являлся одним из самых известных руководителей германской армии в период Первой мировой войны, который очень много сделал для того, чтобы Германия могла вести войну на два фронта: как против Франции и Англии на западе, так и против России на востоке. В значительной степени благодаря Людендорфу германская армия смогла провести в 1915 году большую наступательную операцию против русских войск. В ходе этой наступательной операции армией Четверного союза германские и австро-венгерские войска не только сумели вытеснить русские войска со всех ими ранее занятых неприятельских территорий (Галиции, части Польши и части Восточной Пруссии), но и захватили большую территорию Российской империи (всю русскую Польшу, Литву, значительную часть Латвии и западную часть Беларуси).

Сделать это Германии и Австро-Венгрии в очень большой степени помогло поведение союзников России (Франции и Англии), которые не только прекратили боевые действия на второстепенных фронтах Первой мировой войны (против Турции в Ираке и на полуострове Галлиполи у Стамбула), но и ничего не сделали для выручки своих русских соратников. Это упомянул в своих воспоминаниях Эрих Людендорф: «Еще в 1915 году Антанты стремилась выиграть войну усилиями русских», «8-9 января 1915 года войска Антанты покинули полуостров Галлиполи» и «лето 1915 года (т.е. когда немцы наступали на востоке) на Западном фронте прошло спокойно» [1, с. 107, 155, 157].

Отдельно стоит остановиться на том, о чем генерал Людендорф предпочел умолчать. Так, самым важным итогом ведения боевых действий Германией в 1915 году стало то, что ей так и не удалось разгромить Россию. Одна из причин неудачи Германии в этом направлении заключалась, на наш взгляд, в том, что высшее командование Русской армией вовремя вывело войска из «польского выступления» [2,

с. 11-13]. Людендорф в 1915 году не дал никакой оценки высшему военному руководству Русской армией, кроме князя Николая Николаевича Романова, тогда как в 1914 году, хоть и кратко, но им это было сделано [3, с. 64-67]. Понять его можно, ибо так хорошо все, казалось бы, было спланировано генеральным штабом Германии, включая самого Людендорфа, но все планы были разрушены. Перечеркнутыми стратегические планы Германии на 1915 года оказались благодаря сотрудникам генерального штаба русской армии во главе с М. В. Алексеевым, о роли которого генерал Людендорф не сказал ни слова. Точно так же Эрих фон Людендорф не удостоил положительной оценки и командующего Кавказским фронтом русской армии генерала Н. Н. Юденича, косвенно отметив успешные действия русских на Кавказе: «Мои надежды, что бои на Кавказском фронте (где воевали Россия и Турция) оттянут русские силы, были обмануты» [1, с. 159].

Отсутствие положительных характеристик русских военачальников со стороны Людендорфа объясняется не только тем, что они сорвали военные планы Германии, но и сильным влиянием оценок Бисмарком военнопленных русской армии. Бисмарк еще в конце XIX века охарактеризовал генералитет русской армии очень слабым, ее офицерский корпус был назван им посредственным, и только рядовые солдаты были названы великолепным материалом. Интересно то, что Людендорф почти дословно повторил слова Бисмарка, оценив итоги 1915 года для России: «Россия, вследствие поражения, сильно растратила свой человеческий материал» [1, с. 159]. Действительно, в ходе «великого отступления» в 1915 году Русская армия потеряла свои лучшие воинские части, которых потом так не хватало в последующие годы Первой мировой войны.

Ничего не упомянул Людендорф и о вступлении в войну на стороне Антанты Италии, которая была одной из стран, образовавших в конце XIX века Тройственный союз во главе с Германией. Это умолчание также хорошо объясняется тем, что на Италию у Германии были большие надежды, поскольку Тройственный союз мог открыть южный фронт против Франции. Кроме того, вооруженные силы Италии оценивались достаточно высоко, ибо накануне Первой мировой войны Италия сумела одержать победу над Турцией в войне 1911–1912 годов. Вступление же в войну на стороне Гер-

мании в 1915 году Болгарии вместо Италии стало для союзников (Германии, Австро-Венгрии и Турции) слабым утешением, так как Италия в этом же году выступила на стороне Антанты. По мнению немецкого исследователя Вальтера Гёрлица, «кроме ослабления русских армий и захвата ряда гарнизонов, включая Варшаву, единственным ощутимым результатом операции (т.е. наступления немцев в 1915 году) стало то, что Болгария присоединилась к Тройственному союзу, а вот Италия объявила войну Австрии, таким образом, счет остался прежним» [4, с. 170].

В целом оценка германским генералом Эрихом Людендорфом боевых действий Русской армии в 1915 году представляется односторонней и субъективной. Это объясняется, во-первых, тем, что любые мемуары имеют немало субъективных авторских оценок и взглядов, зачастую совсем не совпадающих с реальностью. Во-вторых, воспоминания писались Людендорфом после окончания проигранной Германией Первой мировой войны и ему очень хотелось найти оправдания этого проигрыша, а если таковые не находились, тогда он прибегал к умолчанию о неприятных событиях. И, наконец, в-третьих, не надо забывать о том, что генерал Людендорф был ярким немецким милитаристом, который очень болезненно переживал поражения Германии и в 1920 году (вместе с генералами Сектом и Лютвицем) принял самое активное участие в Капповском путче, целью которого был пересмотр Версальского договора, подытожившего результаты Первой мировой войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф; [Пер. с нем. А. А. Свечина]. – М. : Вече, 2014. – 704 с.

2. *Воробьев, А. А.* Исторически-сравнительные оценки стратегических планов и хода боевых действий русской армии в 1915 году и Красной армии в 1942 году / А. А. Воробьев // Первая мировая война – итоги, уроки, исторические судьбы Могилевщины : сб. мат.-лов Респ. науч. конф. – Могилев : Интермикро, 2016. – Вып. XIII. – С. 11–13

3. *Воробьев, А. А.* Боевые действия русской армии в 1914 году и их оценка Э. Людендорфом / А. А. Воробьев, А. Е. Игнатович // Чтения имени А. С. Дембовецкого: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорус.-Рос. ун.-т, 2022. – Ч. 1. – С. 64–67.

4. *Гёрлиц, В.* Германский генеральный штаб. История и структура 1657–1945 / В. Гёрлиц; [Пер. с англ. С. В. Лисогорского]. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 478 с.

Поступила в редакцию 30.04.2024 г.

Контакты: ignant@mail.ru (Воробьев Александр Александрович, Игнатович Антон Евгеньевич)

Vorobiev A. A., Ignatovich A. E. ERICH VON LUDENDORF'S ASSESSMENT OF THE RUSSIAN ARMY'S COMBAT OPERATIONS IN 1915

The article is devoted to the assessment of the Russian army's military operations in 1915 by the German General Erich von Ludendorff.

Keywords: Russian army, World War I, high command, Russia, Germany, Entente, Quadruple Alliance.

У ИСТОКОВ МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОДХОДЫ БЕЛОРУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920–1940-х гг.¹

А. В. Колосов

кандидат исторических наук, доцент, докторант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена рассмотрению основных концептуальных подходов, сложившихся в белорусской археологии в 1920–1940-е гг. относительно мезолита Верхнего Поднепровья. Основной акцент сделан на рассмотрение работ К. М. Поликарповича, с именем которого связывают открытие значительного числа мезолитических памятников и введение в научный оборот самого термина «мезолит». Рассмотрена эволюция взглядов ученого на мезолит Верхнего Поднепровья в контексте понятий о микролитической индустрии, памятниках мезолитического типа, стадийном развитии культур мезолита / эпипалеолита.

Ключевые слова: мезолит, эпипалеолит, Верхнее Поднепровье, микролитическая индустрия, стадийный подход, К. М. Поликарпович.

Введение

В историографии белорусской археологии межвоенный период исследований воспринимается как очередной этап накопления и осмысления полученных материалов. В оценке работ по мезолиту Беларуси 1920–1930-х гг. делается однозначный вывод о заимствовании подходов в изучении эпохи с опорой на малоинформативные источники [1, с. 8; 2, с. 42–45]. Это значительно сужало кругозор белорусских ученых и вело к известному упрощению понимания исторических процессов, наблюдавшихся в мезолите. Его выражением стали схематизм, обращение к универсальным законам развития культуры, которые традиционно в нашей историографии связываются с господствовавшим в межвоенные годы стадийным подходом [2, с. 42–45].

Этот подход можно проследить по работам К. М. Поликарповича, с именем которого связывают открытие значительного числа мезолитических памятников и введение в научный оборот самого понятия «мезолит»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ «Мезолитоведение Верхнего Поднепровья: источниковая база, этапы развития, ключевые проблемы» (№Г23ИП-018).

[3; 4]. Вместе с тем, как показывает анализ публикаций 1920–1940-х гг., предложенная К. М. Поликарповичем схема развития мезолитических культур в духе концепции стадийности появилась не на пустом месте. Она иллюстрирует позицию данного автора только на определенном этапе исследований, четко обозначившемся в первой половине 1930-х гг. Не останавливаясь на подробной характеристике методологии межвоенного этапа исследований, истории изучения мезолитических памятников, предлагаем обратить внимание на то, как в целом в научной археологической среде 1920–1930-х гг. складывались представления о мезолите Верхнего Поднепровья и какую роль они сыграли в развитии белорусского мезолитоведения в последующие годы.

Основная часть

Понятие о мезолите Верхнего Поднепровья пришло во второй половине 1920-х гг. К тому времени в советской науке сложилось достаточно четкое понимание, что между палеолитом и неолитом существует некий переходной период, связанный с микролитизацией кремневых орудий [5, с. 311–338; 6]. Дальнейшее развитие этой идеи [7] привело к введению в научный оборот термина «мезолит». Естественно, на этапе становления мезолитической проблематики все эти теоретические разработки не могли не учитываться белорусскими учеными. Для обоснования мезолита белорусская археология нуждалась в соответствующей базе источников. Верхнее Поднепровье в этом плане представляло собой *terra incognita*. Материалы, полученные предшествующим (дореволюционным) поколением исследователей, ограничивали возможности в решении назревших вопросов.

В результате экспедиций, организованных научными археологическими учреждениями в БССР, были открыты новые горизонты для изучения мезолита страны. Наиболее плодотворными среди них оказались работы К. М. Поликарповича, которому за три полевых сезона

(1926, 1927, 1928 гг.), проведенных в бассейне Сожа, удалось обнаружить несколько сот разновременных памятников, в том числе и мезолитической эпохи [8–11]. Именно экспедиционные материалы 1926–1928 гг. стали отправной точкой в формировании представлений о мезолите региона.

В первой сводной публикации результатов работ в среднем и нижнем Посожье за 1926 г. К. М. Поликарповичем было введено понятие о «микролитической индустрии» [8]. Последняя в принятой систематике описания материалов четко заняла положение раннего (донеолитического) этапа [8, с. 130–131]. Столь древний возраст «микролитической индустрии», по мнению К. М. Поликарповича, подчеркивало наличие патины на кремневых находках [8, с. 131].

Специфику «микролитической индустрии» характеризовали орудия определенного типа. По данным К. М. Поликарповича [8, с. 130–131], это были: 1) черешковые наконечники из пластин, у которых «обработан ретушью только стерженёк (ножка) и затрунут ретушью один из краев, около самого конца»; 2) скребки концевые на пластинах; 3) пластины со скошенным концом; 4) пластины «со сбитым краем»; 5) редкие находки двойных скребков и резцов. Как видим, одной из характерных черт памятников «микролитической индустрии» являлась пластинчатость орудий.

Таким образом, в 1928 г. К. М. Поликарпович в каменном веке Посожья, учитывая прежде два периода – палеолит («период отбивного камня») и сменявший его неолит («период полированного камня») [12], выделил еще одну группу памятников со специфическим набором орудий из кремня.

В публикациях К. М. Поликарповича начала 1930-х гг. идея о микролитической индустрии получила новый импульс развития: теперь с полной уверенностью ее автор говорил о новых находках «мезолитического типа» [9]. Произошло очевидное замещение понятий: прежнее формальное определение «микролитической индустрии» в начале 1930-х гг. уступило свое место понятию, выделенному по хронологическому признаку. Здесь К. М. Поликарпович четко следовал появившемуся в советской археологии конца 1920-х гг. взгляду о необходимости выделения мезолитической эпохи [7].

В начале 1930-х гг. К. М. Поликарпович предпринял попытку определения относи-

тельного возраста памятников. Еще на этапе рассмотрения «микролитической индустрии» ученый обратил внимание на особенности типологического состава кремневого инвентаря отдельных стоянок. Так, полное отсутствие наконечников стрел и широкое распространение резцов на стоянке Коромка, осмотренной К. М. Поликарповичем в 1927 г., позволило отнести данный памятник к «более ранней ступени этой культуры» [8, с. 131]. Теперь же, кроме факта патинизации орудий из кремня, указывающего на явно более ранний возраст мезолитических стоянок, было обращено внимание и на особенности их топографии. В сравнении с поселениями более поздних эпох (неолит, бронзовый век) мезолитические стоянки, как отмечал К. М. Поликарпович, приурочены к верхней террасе [9, с. 385].

Свое развитие эти наблюдения К. М. Поликарповича получают в послевоенный период, особенно в 1970–1980-е гг., в связи с разработкой концепции локального (местного) мезолита [13–16]. Но ее симптоматика проявилась еще на этапе выделения памятников «мезолитического типа». В тех же работах К. М. Поликарповича начала 1930-х гг. просматривается тенденция обоснования культурного единства на основе поиска аналогий среди местных материалов. Поэтому не удивительно, что в описании находок из кремня некоторых стоянок можно встретить типы орудий с названиями местных памятников. Например, «орудие типа урочища Мел», «резец типа урочища Мел», «ударное орудие сожского типа», «тип острия ДС 1926»¹ и т.д. [9, с. 477; 11, с. 63–64, 77, 79]. Традиция выделения «местных» типов на уровне артефактов и на уровне отдельных памятников и культур будет продолжена в послевоенные годы (например, «наконечники гренского типа», «вкладыши типа Михайловка», «памятники типа Баркалабово», «сожская культура» и т.д.) [15; 16].

На начальном этапе исследований при слабой разработанности мезолитической тематики, весьма ограниченной базы источников другого выхода у К. М. Поликарповича и его современников в использовании местных аналогий, видимо, не оставалось. С другой стороны, выделение локальной специфики уже на уровне типов орудий создавало почву для развития представлений об автохтон-

¹ Обозначение «ДС 1926» дается с отсылкой к статье «Дагістарычныя стаянкі... (Па досьледах 1926 г.)» [8].

ном происхождении культуры. Вскоре станет очевидной идея о полной культурной преемственности выделенных в мезолите стадий и отсутствии каких-либо влияний на них извне [3, с. 221].

Этот взгляд получил свое развитие во время подготовки К. М. Поликарповича к I Всесоюзному съезду археологов. Его основные положения были опубликованы во втором томе «Прац» (1932) [3], а затем продублированы в 1934 г. в статье, размещенной в «Трудах II Международной конференции АИЧПЕ» [4]. Именно эти две работы характеризуют парадигму исследований межвоенного времени, в основе которых лежала заимствованная и в целом упрощенная схема стадияльного развития мезолитических культур. Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была проведена группировка материалов, которая позволила, с одной стороны, определить место мезолитических памятников в стадияльном пространстве, с другой – рассматривать мезолит как отдельный этап исторического развития, что было закреплено К. М. Поликарповичем в названии статей [3; 4].

Во-вторых, специфика выделенных групп памятников в рамках той или иной стадии конкретизировалась характерным набором орудий. Ранняя «эпипалеолитическая» стадия (ее представляли стоянки Гренск, Коромка, Латки, Столбун, Печенеж) связывалась с находками наконечников стрел «со стерженьком» (тип Font-Robert), резцов, скребков «на конце узких пластинок» и скребков высокой формы [3, с. 220; 4, с. 84]. Сменившую ее стадию тарденуаз отличал микролитический облик кремневых находок, среди которых отмечалось появление «трапециевидных форм наконечников стрел и небольших острий в виде пластинок со сбитой стороной» [4, с. 84]. Граница распространения тарденуазских микролитов простиралась до линии Брянск – Чериков – Новый Быхов – р. Друть и далее она уходила на запад в сторону Виленщины [3, с. 220; 4, с. 84]. Заключительная стадия кампиньи (Журавель, находки около Чечерска и Нового Быхова) была связана с формированием культуры макролитического облика, для которой характерны орудия типа «овальный пик... транше... массивные резцы» [4, с. 84]. Не исключалось присутствие памятников культуры маглемозе [3, с. 220; 4, с. 84].

Следует обратить внимание на абсолютно разные подходы в таксономическом определении памятников. В тезисах 1932 г. мезолит

БССР рассматривался в рамках понятия о смешении культур (эпипалеолитической, тарденуазской, кампиньи, маглемозе). Однако в 1934 г. слово «культура» К. М. Поликарповичем выводится из употребления и заменяется более нейтральными понятиями о памятниках «эпипалеолитического облика», «типа тарденуаз», «типа кампиньи» и т.д. [4, с. 81–84]. Вскоре из публикаций исчезнет и само понятие «мезолит». Оно уступит место термину «эпипалеолит», укоренившемуся в советской археологии вплоть до начала 1950-х гг. Мезолит как отдельная эпоха не вписывался в систему стадиялизма с его идеей о резких переходах (скачках) между стадиями. Приставка «эпи-» (после, конечный), дополнявшая слово «палеолит», была призвана показать завершение одной эпохи (в данном случае палеолита) накануне ее перехода к другой (неолиту).

Об этом красноречиво свидетельствует вышедшая в 1940 г. статья К. М. Поликарповича «Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933–1935 гг.» [17]. В ней автор кратко резюмировал результаты изучения стоянки Крыжи на Западной Двине возле Витебска и отметил серию новых эпипалеолитических местонахождений на Беседи и Судости [17, с. 84, 86]. В описании материалов и в названии самой статьи, как видим, понятие «мезолит» было уже исключено. Однако важно не это.

На стоянке Крыжи впервые был использован комплексный подход в изучении материалов эпипалеолита. Он стал возможным благодаря четкому стратиграфическому положению культурного слоя, содержащего находки обработанного кремня и кости благородного оленя. Детальное изучение стратиграфии на стоянке Крыжи позволило установить ее геологический возраст, соответствовавший «анциловому времени (бореальный период)» [17, с. 86]. Были взяты образцы на пыльцу. Таким образом, на примере стоянки Крыжи был поставлен вопрос о перспективах использования данных естественных наук при определении абсолютного возраста эпипалеолитических памятников БССР – тема, которая для белорусского мезолитоведения до сих пор остается актуальной.

Еще один важный момент – это указание на стоянку Столбун (р. Беседь), отнесенную К. М. Поликарповичем к свидерской стадии. Эта стадия соответствовала выделенной прежде ранней группе памятников эпипалеолитического облика. Даже было высказано

мнение [4, с. 83] о некотором сходстве этой группы памятников со стоянками Деснинского бассейна Северной Украины, свидерской (хвалибеговицкой) культуры Польши и культуры Лунгбю (Lungby) юго-западной Прибалтики.

Вопрос о существовании ранней (свидерской) стадии в эппалеолите Восточной Европы впервые был поставлен М. В. Воеводским в 1932 г. на II Международной конференции АИЧПЕ в Ленинграде [18]. По мнению ученого, свидерскую стадию характеризовали памятники, которые в целом сохраняли верхнепалеолитический облик в типах орудий труда и способах их обработки, но с появлением некоторых новаций. Главной из них стало распространение наконечников стрел «с короткими черенками, с особой приплюснутая краевой ретушью» [18, с. 235]. Некоторые наконечники напоминали остря типа Font-Robert.

Присутствие наконечников с «черенком», независимо от их формы, размеров и характера обработки, состава кремневого инвентаря, красноречиво свидетельствовало о связях с памятниками свидерской стадии. К числу памятников свидерской стадии М. В. Воеводским была отнесена и стоянка в урочище Гренск в Посожье. Правда, в кремневом инвентаре памятника наблюдалась некоторая специфика в формах и размерах орудий, демонстрировавших, по мнению ученого, угасание палеолитических традиций [18, с. 240].

В конце 1940-х гг. М. В. Воеводский пришел к выводу, что как таковой единой свидерской стадии не существовало, а мезолит Восточной Европы проявляет культурное многообразие [19]. Посмертная публикация статьи М. В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы» в 1950 г. [19] стала точкой невозврата к методологии стадийного схематизма. В советской археологии начинался новый этап осмысления накопленных материалов, который окончательно закрепил за мезолитом статус отдельной археологической эпохи.

Однако не все так просто складывалось в изучении проблем мезолита для белорусской археологии. После войны К. М. Поликарпович сконцентрировал свое внимание на изучении палеолитических памятников. Кардинальных изменений в его взглядах на мезолит¹ после переломного 1950 г. не наблюдалось. Вышедшая

в 1957 г. статья К. М. Поликарповича по материалам экспедиции 1928 г. повторяла предложенную им ранее схему развития культур в духе стадийного подхода [11]. Подобный факт отражает ту объективную реальность, которая сложилась в белорусской археологии к началу 1950-х гг. Это и недостаточное финансирование исследований, сужавшее возможности в создании полноценной базы источников, и острая нехватка кадров, тормозившая развитие науки. Можно выделить также проблемы методологического плана. Например, высказанная К. М. Поликарповичем идея о территориальном разграничении памятников типа тарденуаз и кампиньи [3, с. 220; 4, с. 84] явно нарушала принцип синстадийности и ставила вопрос о правомерности использования методологии стадийного подхода.

Заключение

Таким образом, на заре становления представлений о мезолите Верхнего Поднепровья в 1920–1940-е гг. можно отметить несколько концептуальных решений. В конце 1920-х гг. они были связаны с выделением «микролитической индустрии» и «памятников мезолитического типа», т.е. понятий, подчеркивавших автономный характер мезолита как исторической эпохи. В первой половине 1930-х гг. экспансия в советскую археологию «теории стадийности» привела к появлению схемы стадийного развития культур мезолита / эппалеолита. Она стала своего рода калькой, на которую были наложены материалы по мезолиту Верхнего Поднепровья.

Вместе с тем в межвоенные годы была сделана попытка разработки периодизации мезолитических памятников. Высказанные в этот период идеи о поступательном развитии культур, преемственности традиций вначале переместились в плоскость концепции «макро-/микролитического мезолита» 1960-х гг. [20; 21, с. 57–59], а затем были использованы при рассмотрении локального своеобразия мезолитических культур в 1970–1980-е гг. [13–16]. В рамках культурно-исторического подхода генезис отдельных культурных явлений трактовался с позиций автохтонизма. Примером последнего является концепция происхождения гренской культуры, разработанная В. Ф. Копытиным [13; 16]. Идея о культурной преемственности в мезолите Верхнего Поднепровья свое воплощение нашла во взглядах на сожскую [13; 14; 16] и днепро-деснинскую культуры [15].

¹ В самих публикациях К. М. Поликарпович продолжал придерживаться понятия «эппалеолит».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ

1. **Копытин, В. Ф.** К вопросу изучения мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин // Беларускія старажытнасці : матэр. канф. па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. – Мн., 1972. – С. 6–12.
2. **Вяргей, В. С.** Археалагічная навука ў Беларускай ССР: 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
3. **Палікарповіч, К. М.** Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя / К. М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалогіі (далее – ПСА). – Мн., 1932. – Т. 3. – С. 218–221.
4. **Поликарпович, К. М.** Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ. – М. ; Л. ; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 75–87.
5. **Городцов, В. А.** Археология. Каменный период / В. А. Городцов. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. – Т. 1. – 404 с.
6. **Ефименко, П. П.** Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста / П. П. Ефименко // Русский антропологический журнал. – М., 1924. – Т. 13. – С. 211–226.
7. **Рудинський, М.** До питання про культури «мезолітичної доби» на Україні / М. Рудинський // Антропология. – 1928. – Т. 1. – С. 73–94.
8. **Палікарповіч, К. М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (Па досьледах 1926 г.) / К. М. Палікарповіч // Працы катэдры археалогіі. – Мн., 1928. – Т. 1. – С. 123–252.
9. **Палікарповіч, К. М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар’ялы абсьледваньня 1927 г. / К. М. Палікарповіч // Працы археалогічнай камісіі (далее – ПАК). – Мн., 1930. – Т. 2. – С. 383–478.
10. **Палікарповіч, К. М.** Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыодаў у БССР, Заходняй Смаленшчыне і Клінцоўшчыне ў 1928–1929 гг. / К. М. Палікарповіч // ПАК. – Мн., 1930. – Т. 2. – С. 505–509.
11. **Поликарпович, К. М.** Стоянки Среднего Посожья / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Мн. : АН БССР, 1957. – Т. 1. – С. 45–148.
12. **Романовъ, Е. Р.** Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романовъ // Записки Северо-Западного отделения Русского Географического Общества. – Вильна, 1910. – Кн. 1. – С. 97–128.
13. **Копытин, В. Ф.** Мезолит Юго-Восточной Белоруссии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В. Ф. Копытин ; ЛОИА. – Л., 1977. – 24 с.
14. **Калечиц, Е. Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 158 с.
15. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Мн. : Наука и техника, 1988. – 134 с.
16. **Копытин, В. Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : МОУТ, 1992. – 86 с.
17. **Поликарпович, К. М.** Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933–1935 гг. / К. М. Поликарпович // Советская археология. – 1940. – № 5. – С. 81–87.
18. **Воеводский, М. В.** К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы / М. В. Воеводский // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ. – М. ; Л. ; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 230–245.
19. **Воеводский, М. В.** Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96–120.
20. **Левенок, В. П.** Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении неолитической культуры / В. П. Левенок // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1966. – № 126. – С. 89–98.
21. Очерки по археологии Белоруссии / редкол.: В. Ф. Исаенко [и др.]. – Мн. : Наука и техника, 1970. – 272 с.

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Контакты: kolosov_arc@mail.ru (Колосов Александр Владимирович)

Kolosov A. V. ORIGINS OF THE MESOLITHIC STUDIES OF THE UPPER DNEIPER: RESEARCH WORKS AND APPROACHES OF BELARUSIAN ARCHAEOLOGY IN THE 1920s–1940s

The article regards the main conceptual approaches which developed in Belarusian archaeology in the 1920s–1940s and concerned the Mesolithic of the Upper Dnieper region. The main emphasis is laid on the works by K.M. Polikarpovich who contributed to the discovery of a significant number of Mesolithic monuments and introduced the term “Mesolithic” into the scientific use. The evolution of the researcher’s views on the Mesolithic of the Upper Dnieper region is considered in the context of the concepts of the microlithic industry, Mesolithic type monuments, and staged development of Mesolithic / Epipalaeolithic cultures.

Keywords: Mesolithic, Epipalaeolithic, the Upper Dnieper region, microlithic industry, staged approach, K.M. Polikarpovich.

УДК 94(476)«1930–1934»

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРЯМОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Н. Тютюнков

кандидат исторических наук, начальник отдела организации научной,
международной и издательской деятельности
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье осуществлена попытка анализа фактов прямого сопротивления сельского населения должностным лицам, представителям колхозов и сельсоветов (на примере Могилевской области) в контексте проводимых государством преобразований на стыке первых двух пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. Выявлены основные причины, формы прямого сопротивления, категории населения, склонные к применению либо угрозе применения насилия. Автором делается вывод о том, что государство смогло свести к минимуму факты сопротивления проводимым преобразованиям, а сельское население перестало рассматривать прямое сопротивление как способ защиты своей позиции.

Ключевые слова: коллективизация, прямое сопротивление, применение оружия, Могилевская область, сельхоззаготовки.

Введение

Масштабные преобразования, проводимые правительством Советского Союза в начале 1930-х годов, не могли не сказаться на взаимоотношениях представителей власти и остального населения страны. Целью настоящего исследования является анализ отношения сельского населения БССР (на примере Могилевской области) к происходившим в государстве изменениям в экономической сфере на основе документов районных комитетов Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (далее – РК КП(б)Б), материалов Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ), милиции конца первого и начала второго пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. Именно стык указанных планов весьма показателен для изучения реакции населения на масштабные преобразования. Исследование отношения населения к происходившим изменениям осуществлялось нами сквозь призму фактов непосредственного, прямого сопротивления действиям властей, при которых долж-

ностные лица и активисты колхозного строительства становились жертвами насилия со стороны своих идеологических противников либо подвергались прямым угрозам жизни и здоровью. Государство данному аспекту уделяло серьезное внимание, о чем свидетельствует то, что до 1930 года в милицеских сводках существовал обязательный раздел «Выпадкі нанясення пабаяў актывістам і прадстаўнікам улады і партыі» [1, л. 118], в котором отражалась информация о такого рода происшестввах.

Основная часть

Факты скрытого сопротивления, такие как поджоги [2, л. 282], агитация против проведения коллективизации [3, л. 30] и другие, являются перспективными направлениями дальнейших исследований.

Необходимо сразу же отметить, что с 9 июня 1930 года на территории БССР существовало только районное деление, при котором районы напрямую подчинялись центральным властям [4], и поэтому под Могилевской областью в данной статье понимается не административная единица, а современная территория, охватывающая районы современной Могилевской области. Так, в настоящее время в составе Могилевской области находится 21 район [5], по тринадцати (61 %) из которых доступны документы из архивов учреждения «Государственный архив общественных объединений Могилевской области». Тот факт, что нами изучено более 60 % фондов области, позволяет утверждать, что исследование проведено достаточно полно.

В ходе изучения архивных материалов, охватывающих период с 1930 по 1934 год, нами обнаружены свидетельства 50 фактов прямого сопротивления реализации государственной политики в сфере сельского хозяйства, а именно мероприятиям по проведению коллективизации и сельхоззаготовок.

В обозначенный нами период в Могилевской области зафиксировано 42 факта сопротивления (84 %), связанных с коллективизацией (организацией колхозов, набором в них рабочих, агитацией за вступление в колхоз, исключением из колхозов, земельными спорами между колхозами и крестьянами-«единоличниками» и т. д.), что говорит о наличии определенного сопротивления населением данному процессу.

Обращает на себя внимание то, что преобладающее количество фактов сопротивления связано непосредственно с деятельностью колхозов. Так, в октябре 1931 года в одном из населенных пунктов Кличевского района двумя братьями был избит рабочий совхоза «Чечевичи», прибывший в деревню набирать женщин для сезонной работы (уборка картофеля). При этом нападавшие кричали: «Пакуль не пераб'ем усіх калгаснікаў, датуль не выедзім з вёскі» [6, л. 262]. Некоторые факты нападения несли реальную угрозу для жизни сторонников колхозного строя: 28 мая 1931 года в Мстиславском районе четверо «кулаков», вооруженных вилами, напали на колхозного активиста и нанесли ему тяжкие телесные повреждения [7, л. 30б].

Сбор сельхозналога, сельхоззаготовки, изъятие излишков хлеба вызвали сопротивление лишь в 8 фактах (16 %). Например, в Глусском районе в ноябре 1931 года было совершено нападение крестьянина, вооруженного топором, на членов комиссии по проверке наличия излишков хлеба [2, л. 282]. При этом зафиксированы факты, когда оказывалось групповое противодействие, как в Мстиславском районе, когда 1 января 1934 года при проведении всех видов заготовок комиссия в составе 4 человек попыталась проверить 3 крестьянских хозяйства, главы которых подозревались в краже колхозных овец и льна. Однако под угрозой применения огнестрельного и холодного оружия представители колхоза вынуждены были ретироваться [8, л. 8].

Практически всегда сопротивление оказывалось в форме прямого нападения – 45 фактов (90 %). Так, 18 февраля 1931 года в 20 часов в колхозника колхоза «Красный партизан» Федорова, кандидата в члены КП(б)Б, бывшего партизана, был произведен выстрел из охотничьего ружья через окно его дома. Федоров не был ранен. За совершение преступления задержали двух братьев, один из которых ранее был исключен из колхоза по инициативе Федорова как «чужды элемент, разлагаючы

калгас» [9, с. 32]. Гораздо реже (5 случаев, или 10 %) сопротивление проявлялось в форме угроз. Например, в январе 1932 года в Кличевском районе сторож магазина угрожал охотничьим ружьем колхознику-активисту и его детям со словами, что активистов «трэба зусім застрэліць» [10, л. 1].

Зачастую причиной таких действий являлась месть за участие в изъятии имущества у крестьян, относившихся к категории зажиточных. Например, 15 мая 1932 года начальник Бобруйского горрайотделения ОГПУ информировал секретаря РК КП(б)Б о следующем факте: «В ночь на 11/VI с. г. группой граждан деревни Прудичи, Брожского с/с, было совершено нападение на активного члена сельсовета СЕЛИВОНЧИКА Афанасия Терентьевича с целью его убить, при этом были выкрики “Мы ему покажем как забирать у нас кабанов, коров и овец и отдавать жидам на мясо”». По делу было задержано 5 «средняков» [11, л. 160].

Анализ категорий населения, склонного к сопротивлению, показал, что в 30 случаях (60 %) оно оказывалось представителями крестьян из так называемых «кулаков» и «средняков», в 5 случаях (10 %) – крестьянами, не членами колхоза, 5 раз (10 %) – иными гражданами, в 10 (20 %) случаях виновных установить не удалось. Данные цифры показывают, что именно «кулаки» и «средняки» являлись движущей силой сопротивления проводимым преобразованиям как наиболее пострадавшая от них часть сельского населения.

Обращает на себя внимание значительное количество нападений с применением оружия и подручных средств, что, безусловно, приводило к уголовной ответственности. Совершение вооруженного нападения при осознании неотвратимой ответственности свидетельствует о том, что преобразования в сельском хозяйстве встречали серьезное сопротивление некоторых категорий населения.

Так, огнестрельное оружие нападавшие использовали в 16 случаях (32 % от всех фактов сопротивления). Например 5 марта 1932 года в деревне Борки Шкловского района при попытке членами сельсовета изъять у крестьянина-«средняка» невыделанную коровью шкуру, оставшуюся после убоя личной коровы и подлежащую обязательной сдаче государству, он открыл по комиссии огонь из револьвера «Наган» [12, л. 8].

При этом оружие применялось не только для совершения насильственных действий в отношении конкретных представителей вла-

сти, колхозов и активистов, но и для срыва мероприятий по проведению коллективизации. Так, в феврале 1930 года в деревне Новые Чемоданы для срыва собрания по вопросу обобществления скота и имущества в сторону президиума был произведен выстрел [13, л. 21].

Иногда огнестрельное оружие использовалось обеими сторонами конфликта. Так, 5 декабря 1931 года после проведения собрания в д. Рязанцы Мстиславского района было совершено покушение на председателя сельсовета. По группе колхозников был произведен выстрел из винтовки. Ответным огнем колхозные активисты заставили противника бежать и смогли задержать одного из нападающих, который оказался местным «кулаком» [14, л. 179]. При этом нужно отметить, что правоохранительные органы активно изымали огнестрельное оружие, хранящееся у населения [15, с. 60–63].

Холодное оружие использовалось в 7 случаях (14 %), при этом в 1931 году был зафиксирован один факт заранее спланированного группового нападения. Так, в Шкловском районе на празднике в честь 1 мая 1931 года в колхозе «Чырвоная паляна» 3 участника мероприятия получили ножевые ранения. За совершение нападения были задержаны трое бывших «кулаков», которые таким образом отомстили за раскулачивание [16, л. 154].

Подручные предметы (топоры, вилы, камни, палки и т. д.) применялись в 7 случаях (14 %). Например, 18 августа 1932 года в д. Долгое при попытке колхоза вспахать землю под озимые трактору преградила путь группа крестьян-единоличников (15 мужчин и 24 женщины) с красными флагами и палками. В процессе общения председатель сельского совета и тракторист были забросаны камнями. При этом в ходе эксцесса крестьяне заявляли: «Мы открыто вывесили красные флаги в знак борьбы за существование, что у нас отняли землю под колхоз...» [17, л. 151об].

По итогам инцидентов 26 представителей и сторонников государственной политики пострадали в различной степени тяжести. Погиб один человек – секретарь комсомольской ячейки колхоза имени Блюхера в Бобруйском районе, который подвергся нападению трех «кулаков», получил ножевое ранение и впоследствии скончался [18, л. 104].

Ранения получили 8 человек, избиты 17. Материальный ущерб имуществу пострадавших был нанесен в трех случаях. Данные факты свидетельствуют о том, что в абсолют-

ном большинстве нападавшие были нацелены на причинение вреда физическому здоровью представителей государства и колхоза, а нанесение материального ущерба не рассматривалось как эффективная форма сопротивления.

Примечательно то, что еще в 1932 году у части населения оставались надежды на смену действующей власти. Так, в сентябре 1932 года в Шкловском районе «кулак» и его жена не позволили колхозникам начать покос клевера на своей бывшей земле. При этом женщина угрожала им словами: «Обождите, сменится эта власть, мы вам отомстим» [19, л. 135].

Интересную информацию отражает динамика фактов сопротивления по годам. Ситуация выглядит следующим образом: в 1930 году – 16 фактов (32 %), в 1931 – 24 (48 %), 1932 – 7 (14%), 1933 – 2 (4 %), 1934 – 1 (2 %). Таким образом, видна отчетливая динамика снижения прямого сопротивления представителям государства, что свидетельствует об эффективном пресечении таких фактов, а соответственно, и открытого противодействия проводимым преобразованиям.

Заключение

В 1930–1934 годах основной движущей силой противодействия коллективизации и проведению сельхоззаготовок были крестьяне из категории «кулаков» и «средняков» как наиболее пострадавшая от проводимых изменений часть сельского населения. Однако уже к 1934 году государству удалось минимизировать факты прямого сопротивления проводимым преобразованиям в сфере сельского хозяйства и практически ликвидировать угрозу жизни и здоровью своих сторонников. Противодействие представителям властей, колхозов при проведении коллективизации и сельхоззаготовок практически прекратилось, что позволяло реализовывать государственную политику с достаточной эффективностью. Значимым результатом стало и то, что к 1934 году сельское население перестало рассматривать насилие в отношении должностных лиц как эффективный способ отстаивания своей позиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Інфармацыйная зводка № 37 аб здарэннях і дзейнасці па Шклоўскаму райадзелу міліцыі за час з 23-га па 31-га кастрычніка 1930 г. уключна // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 19. Оп. 1а. Д. 164. Л. 117–118.

2. Аператыўна-інфармацыйная зводка кіраўніцтва Р.С.М. Глускага раёну № 10 з 15 па 30 лістапада 1931 году // ГАООМГО. – Ф. 10. Оп. 1а. Д. 159. Л. 282–282об.
3. Письмо оргкомитета ЦК КП(б)Б // ГАООМГО. – Ф. 5. Оп. 1а. Д. 424. Л. 30.
4. Административно-территориальное деление Беларуси [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/genealogiya/administrativno-territorialnoe-delenie-belarusi>. – Дата доступа: 03.07.2024.
5. Карта Могилевской области [Электронный ресурс] // Belarus.by. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/rimage/308>. – Дата доступа: 03.07.2024.
6. Аператыўна-інфармацыйная зводка Кіраўніцтва Клічаўскай Райміліцыі з 10 па 20.10.1931 году // ГАООМГО. – Ф. 5. Оп. 1а. Д. 424. Л. 262.
7. Аператыўна-інфармацыйная зводка Кіраўніцтва Мсьціслаўскай Міліцыі і Вышуку № 14 ад 31.05.1931 году // ГАООМГО. – Ф. 41. Оп. 1а. Д. 147. Л. 3–3об.
8. Рабочая зводка кіраўніцтва за час з 20 снежня па 1 студзеня 1934 году // ГАООМГО. – Ф. 41. Оп. 1а. Д. 203. Л. 8–12.
9. Інфармацыйная зводка № 1. Аб здарэннях і дзейнасці міліцыі і кримвышуку Быхаўскага раёну з 20 студзеня па 20 лютага 1931 году // ГАООМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 266. Л. 32–32об.
10. Аператыўна-інфармацыйная зводка Кіраўніцтва Клічаўскай Райміліцыі ад 18.01.1932 году // ГАООМГО. – Ф. 2953. Оп. 1а. Д. 136. Л. 1–2.
11. Письмо начальника Бобруйского райгортделения ГПУ секретарю Бобруйского РК КП(б)Б от 15.05.1932 года // ГАООМГО. – Ф. 2952. Оп. 1а. Д. 177. Л. 160.
12. Аператыўна-інфармацыйная зводка Кіраўніцтва Шклоўскай Міліцыі Магілёўскаму аператыўнаму сектару Міліцыі ад 4 лютага па 14 сакавіка 1932 году // ГАООМГО. – Ф. 19. Оп. 1а. Д. 225. Л. 8–9.
13. Інфармацыйная зводка № 6 аб здарэннях і дзейнасці Адмчасткі Шклоўскага Р.В.К. – Райміліцыі за час з 8 па 15 лютага 1930 году // ГАООМГО. – Ф. 19. Оп. 1а. Д. 164. Л. 21–22.
14. Аператыўна-інфармацыйная зводка Мсьціслаўскай райміліцыі // ГАООМГО. – Ф. 41. Оп. 1а. Д. 147. Л. 179–180.
15. *Тютюнкoв, А. Н.* Восприятие населением Быховского района Могилевской области общественно-политических и экономических преобразований начала 1930-х годов (на примере сводок ОГПУ 1932 года) / А. Н. Тютюнкoв // Вестник Могилевского государственного университета. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2024. – № 1. – С. 60–63.
16. Аператыўна-інфармацыйная зводка Шклоўскага Кіраўніцтва Міліцыі і Вышуку № 13 ад 10 мая 1931 году // ГАООМГО. – Ф. 19. Оп. 1а. Д. 198. Л. 154–156.
17. Бюллетень № 3 Кличевского ПП ОГПУ от 16.08.1932 года // ГАООМГО. – Ф. 2953. Оп. 1а. Д. 136. Л. 151–152.
18. Зводка № 1 аб здарэннях на тэрыторыі гор. Бабруйска і раёна за час з 6 па 9 лістапада 1931 году // ГАООМГО. – Ф. 2952. Оп. 1а. Д. 136. Л. 103–104.
19. Бюллетень Шкловского райотделения ПП ОГПУ БССР № 12 от 5 сентября 1932 года // ГАООМГО. – Ф. 19. Оп. 1а. Д. 225. Л. 134–138.

Поступила в редакцию 08.06.2024 г.

Контакты: oonmid@institutemvd.by (Тютюнкoв Алексей Николаевич)

Tyutyunkov A. N. DISPLAY OF DIRECT RESISTANCE OF THE BSSR RURAL POPULATION TO ECONOMIC TRANSFORMATIONS OF THE EARLY 1930s (based on the example of Mogilev region)

The article attempts to analyze the facts of direct resistance of the rural population to the officials, representatives of collective farms and village councils (using the example of the Mogilev region) in the context of the transformations carried out by the state at the junction of the first two five-year plans for the development of the national economy of the USSR. The main causes, forms of direct resistance, and categories of the population prone to the use or threat of violence have been identified. The author concludes that the state was able to minimize the facts of resistance to the ongoing reforms, and the rural population stopped considering direct resistance as a way to defend their position.

Keywords: collectivization, direct resistance, use of weapons, Mogilev region, agricultural procurement.

УДК 94(476)

ГРАШОВЫЯ ДАХОДЫ СТАХАНАЎЦАЎ БССР (1935–1941 гг.)

А. А. Субоцінкандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

У артыкуле раскрываецца пытанне грашовага стымулявання працоўнай дзейнасці стаханаўцаў БССР у 1935–1941 гг. Аўтар адзначае, што ўласны бюджэт удзельнікаў стаханаўскага руху фарміраваўся на сукупнасці з павышаных заробкаў, якія былі атрыманы на выніках удакладнення працы, а таксама з прэміяў, датацый і грашовых дапамог ад дзяржавы і кіраўніцтва гаспадарчых адзінак. У выніку грашовыя даходы стаханаўцаў былі ў сярэднім большыя ў 2–3 разы, чым у радавых працоўных, што павінна было замацаваць сацыяльны статус перадавікоў як працоўнай эліты.

Ключавыя словы: стаханаўскі рух, стаханаўцы, БССР, грашовы даход, заробная плата.

Уводзіны

Ключавым аспектам дзяржаўнай палітыкі сучаснай Беларусі з’яўляецца матэрыяльнае заахвочванне дзейнасці членаў грамадства, такім чынам падтрымліваецца іх актыўнасць пры ажыццяўленні пераўтварэнняў у сацыяльнай сферы, эканоміцы і культуры. Матэрыяльны дастатак вызначае сацыяльнае становішча чалавека і дае яму магчымасць уплываць на розныя бакі жыцця сацыяльнага. У савецкі перыяд развіцця нашага грамадства не толькі маральнае заахвочванне адыгрывала галоўную ролю пры ацэнцы працоўнай дзейнасці, але грашовае стымуляванне працы павінна было стаць якасным паказчыкам дабрабыту [1, с. 200]. Яскрава такая тэндэнцыя праявіла сябе ў высокім узроўні грашовых даходаў удзельнікаў сацыялістычнага саборніцтва ў выніку перавыканання імі вытворчых норм і дасягнення новых вытворчых рэкордаў. У сярэдзіне 1930-х гг., калі свой пачатак узяў стаханаўскі рух, на прыкладзе яго удзельнікаў партыйныя і дзяржаўныя органы ставілі мэту паказаць эталон працоўнага чалавека, які павінен быў мець разам з выдатнымі вытворчымі поспехамі адпаведны высокі ўзровень заробнай платы.

Асаблівасці грашовага стымулявання працы стаханаўцаў у народнай гаспадарцы як фактар развіцця сацыялістычнага саборніцтва не знайшлі свайго падрабязнага адлюстравання ў працах гісторыкаў. Гэта праблема ў савецкай

гістарычнай навуцы традыцыйна разглядалася толькі праз прызму прывядзення асобных прыкладаў высокіх заробкаў перадавікоў як пацвярджэння тэзіса пра паляпшэнне матэрыяльнага становішча рабочых і калгаснікаў у выніку павышэння прадукцывасці працы [2–5]. У сучаснай расійскай гістарыяграфіі пытанні грашовых даходаў удзельнікаў стаханаўскага руху прааналізаваў у сваёй кнізе «Сталинский неонеп» У. З. Раговін. Ён паказаў наступствы павелічэння заробнай платы стаханаўцаў у кантэксце працэсу сацыяльнага раслаення рабочых [6, с. 153–154]. Даследуючы стаханаўскі рух сярод рабочых Маскоўскага электракаміна, гісторыкі С. У. Жураўлёў і М. Ю. Мухін прыйшлі да высноў, што на адзначаным прадпрыемстве ў працэсе разгортвання сацыялістычнага саборніцтва назіраліся тэндэнцыі павышэння норм выпрацоўкі разам са зніжэннем тарыфаў пры здзельна-прагрэсіўнай аплаце працы для інтэнсіфікацыі вытворчых працэсаў [7, с. 120–124].

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца вызначэнне асаблівасцей фарміравання грашовых даходаў стаханаўцаў у БССР на працягу 1935–1941 гг.

Асноўная частка

Прыярытэтным матэрыяльным стымулярам развіцця стаханаўскага руху была грашовая аплата працы. У выніку перавыканання вытворчых заданняў рабочымі ўстанаўлівалася практыка павелічэння іх грашовых акладаў. На гэтую асаблівасць разгортвання сацыялістычнага саборніцтва звярнуў увагу Сталін у сваіх каментарыях да праекта рэзалюцыі снежаньскага Пленума ЦК УКП(б) 1935 г. Савецкі лідар адзначыў, што павышэнне заробкаў рабочых павінна стаць асноўным фактарам інтэнсіфікацыі вытворчасці [8, арк. 5].

Грашовае заахвочванне працы ўдзельнікаў стаханаўскага руху паказала сваю эфектыўнасць на прадпрыемствах прамысловасці, якія перайшлі на здзельную сістэму аплаты працы. У працэсе правядзення стаханаўскіх кампаній сістэматычна прымянялася прамая здзельная аплата працы, дзе заробак фар-

міраваўся ў прамой залежнасці ад колькасці выпушчаных адзінак прадукцыі па дакладна вызначаных тарыфах. Прымяненне адзначанай сістэмы аплаты працы, для прыкладу, можна было назіраць у студзені 1936 г. на Барысаўскім аўчынна-шубным заводзе. Тут лепшы стаханавец Гінзбург, выпрацаваўшы 734 адзінкі прадукцыі (183,5% плана), атрымаў сярэдняю дзённую заробную плату памерам у 6,21 руб. пры тарыфнай стаўцы 4,80 руб., стаханавец Саладоўнік выпрацаваў 400 адзінак прадукцыі (230% плана) і атрымаў за гэта сярэдні дзённый заробак памерам у 8,32 руб. [9, арк. 146].

Распаўсюджанай пры грашовым стымуляванні стаханаўцаў становіцца здзельна-прэміяльная сістэма, якая прадугледжвала ацэнку вынікаў працы па прамых тарыфах і прэміяльныя налічэнні за перавыкананне як колькасных, так і якасных паказчыкаў. Налічэнне прэміяльных было значным матэрыяльным стымулам для ўключэння ў стаханаўскі рух і выклікала ў працоўных не толькі жаданне павысіць колькасць выпускаемай прадукцыі, але і зменшыць яе брак, не дапусціць прастоі на вытворчых аперацыях, эканоміць сыравіну, вынайсці наватарскія метады працы. На Рудабельскім спіртзаводзе ў снежні 1935 г. у выніку прымянення падобнай сістэмы заробная плата стаханаўцаў вырасла ў сярэднім па прадпрыемстве да 200% і вышэй [10, арк. 13–13 адв.]. У лютым 1936 г. удзельнікі стаханаўскага руху гарбарнага завода «Бальшавік» атрымалі наступныя прэміяльныя налічэнні за якасныя паказчыкі працы: Бенгіс – 23,4 руб., Алешка – 6,95 руб., Гурвіч – 18,4 руб., Шамес – 15,2 руб., Тарасевіч – 14,6 руб. [11, арк. 83].

Па меркаванні кіраўніцтва БССР, пры ацэнцы перадавой працы ўдзельнікаў стаханаўскага руху перш за ўсё неабходна было ўводзіць здзельна-прагрэсіўную сістэму. Прымяненне здзельна-прагрэсіўнай сістэмы прадугледжвае, што прадукцыя, якая выпускаецца ў рамках звычайных норм, ацэньваецца на аснове прамой здзельшчыны, а выпушчаная вышэй за ўстаноўленую норму – ужо па прагрэсіўных тарыфах. У адпаведнасці з Пастановай Пленума ЦК КП(б)Б ад 17 студзеня 1936 г. такая сістэма аплаты працы ўстанаўлівалася як абавязковая мера разгортвання сацыялістычнага спаборніцтва [12, с. 195]. Рэалізацыя адзначанай вышэй Пастановы на практыцы праявіла сябе ў арганізацыі і правядзенні галіновых канферэнцый у першай палове 1936 г. У выніку працы канферэнцый ужо на працягу

мая – чэрвеня 1936 г. здзельна-прагрэсіўная сістэма аплаты працы прымянялася ў БССР сярод 28,8% рабочых мясцовай прамысловасці, у тым ліку ў вапнавай прамысловасці – сярод 62,5% рабочых, у цагельнай – сярод 59,4%, у тарфяной – сярод 77% [13, с. 39].

У асобных галінах прамысловасці стала прымяняцца шматступенная здзельна-прагрэсіўная сістэма. У межах такой сістэмы стаханаўцы дэферэнцавана атрымлівалі даплату за адзінкі прадукцыі, якія былі выпушчаны імі звыш устаноўленых вытворчых норм. Пры гэтым працэнт перавыканання прапарцыянальна ўплываў на павышэнне расцэнак [14, с. 25]. Напрыклад, згодна з рашэннямі галіновай канферэнцыі Беларускага дзяржаўнага трэста металаапрацоўчай прамысловасці, станкабудаўнічых заводаў павінны былі выкарыстоўваць наступную схему выплат: калі на асноўных аперацыях выпрацоўваліся нормы ад 101 да 120%, тарыфы павышаліся на 50%, пры выпрацоўцы норм ад 121 да 150% тарыфы вырасталі на 100%, пры выпрацоўцы норм на 151% і вышэй – на 150% [15, арк. 202]. У гарбарнай вытворчасці расцэнкі па шматступенчатай здзельна-прагрэсіўнай сістэме раслі наступным чынам: перавыкананне планаў на 101–120% прыводзіла да павышэння аплаты на 20%, перавыкананне на 121–150% – на 60%, перавыкананні на 150% і вышэй – на 100% [15, арк. 218]. Кіраўніцтва кандытарскіх прадпрыемстваў БССР за выкананне норм больш чым на 120% устанаўлівала нормы даплат памерам вышэй за 20% [16, арк. 62]. На працягу трэцяй пяцігодкі згаданая намі вышэй сістэма аплаты працы стабільна знаходзіць сваё прымяненне ў ходзе разгортвання руху шматстаночнікаў і сумяшчэння прафесій. Стаханаўцы харчовай прамысловасці рэспублікі са студзеня 1940 г. пры ўключэнні ў дадзены рух маглі дадаткова атрымаваць 25–50% тарыфнай стаўкі за месяц [17, арк. 3].

Частка прадпрыемстваў прамысловасці для сваіх стаханаўцаў уводзілі камбінаваныя формы аплаты працы, якія спалучалі ў сабе элементы прагрэсіўнай і прэміяльнай сістэм. Пры дадзеным спалучэнні прагрэсіўныя даплату маглі рабіцца за перавыканання планавыя паказчыкі, а таксама выдавацца ў выглядзе прэміяльных за паказчыкі па фактах зніжэння браку і ў выніку эканоміі сыравіны. Такая своеасаблівая прагрэсіўна-прэміяльная сістэма аплаты працы прымянялася, напрыклад, з пачатку 1936 г. на Мінскай скургалантарэйнай фабрыцы імя Куйбышава. Тут за

прадукцыю, выпушчаную звыш плана, дадаткова выдаваліся прэміі за эканомію сыравіны. Гэтыя прэміі напрамую залежалі ад працэнта выканання нормаў. Напрыклад, стаханаўцы, якія выконвалі вытворчыя заданні на 115% і вышэй пры эканоміі саравіны ў межах 1-2% дадаткова атрымлівалі прэмію 2,5% ад стаўкі, пры эканоміі 2-3% атрымлівалі 3% стаўкі, пры 3-4% – 4%, пры 4-5% – 5%, пры 5% і вышэй – 6% [15, арк. 217].

У ходзе прымянення разнастайных варыяцый здзельнай аплаты працы заробак рабочых, што прымалі ўдзел у стаханаўскай форме сацыялістычнага спаборніцтва, вырас па прамысловых прадпрыемствах прыкладна ў 2-3 разы. Гэта стала стабільнай матэрыяльнай базай для захавання ўстаноўленых вытворчых тэмпаў. Напрыклад, дзённы заробак стаханаўца Самусёнка (Магілёўскі машынабудаўнічы завод імя Дзімітравы) за верасень 1935 г. – люты 1936 г. вырас з 13,1 руб. да 24,2 руб. у разліку, што перадавік выконваў вытворчыя заданні ў сярэднім да 400%. Стаханавец Бунько з таго ж прадпрыемства выконваў вытворчыя заданні ў сярэднім на 250% і павысіў свой дзённы заробак з 8,3 руб. да 12,8 руб. за 5 месяцаў [18, арк. 165]. Перад тым як уключыцца ў стаханаўскі рух, работніца кандытарскага камбіната «Спартак» Худзякова мела сярэдняю заробную плату за месяц да 80 руб., у выніку ж прымянення перадавых метадаў працы са снежня 1936 г. дасягнула заробку памерам ад 280 да 290 руб. [19, арк. 46]. Рабочы Парфёнаў з торфазавода «Асінторф» за май 1938 г. атрымаў заробак памерам у 1100 руб., пры перавыкананні норм у чэрвені таго ж года атрымаў ужо 1588 руб. [20, арк. 81].

Дзякуючы здзельнай сістэме аплаты працы рост заробкаў можна было назіраць і ў стаханаўцаў саўгасаў у выніку перавыканання паказчыкаў сельскагаспадарчай вытворчасці. Напрыклад, рабочы Ражасёў з саўгаса «Арловічы» (Віцебскі раён) за кошт прымянення стаханаўскіх метадаў працы у кастрычніку 1935 г. атрымаў заробак памерам у 110 рублёў, што было на 30 рублёў вышэй за яго папярэдняю заробную плату [21, арк. 6]. Работніца Гуцава з саўгаса імя Ланге Добрушкага раёна пры звычайным выкананні норм атрымлівала за месяц 80 рублёў, а калі стала працаваць па-стаханаўску і выконвала нормы да 200%, атрымала за май 1936 г. 183 руб. [22, с. 33].

У калектыўных гаспадарках уключэнне сялян у стаханаўскі рух прыводзіла да росту

ўлічаных працадзён і, як вынік, да адпаведнага налічэння большых грашовых сум. Так, лепшай стаханаўцы калгаса імя Леніна Бабруйскага раёна Шыло выдалі грашовую суму памерам у 1000 руб. за 1936 г. па выніках выпрацаваных 700 працадзён [23, арк. 27]. Стаханаўцы Альховік з Клічаўскага раёна па выніках 1939 г. выдалі грашовую аплату за працадні памерам у 1500 руб. [24, с. 16]. Частка калгасаў заахвочвала сялян да ўдзелу ў стаханаўскім руху праз прымяненне здзельна-прагрэсіўнай сістэмы аплаты працы. У Аршанскім раёне калгас «Брыгадзёр» у 1936 г. устанавіў сістэму грашовай аплаты працы на льноўборачных аперацыях прапарцыянальна працэнт перавыканання норм. Напрыклад, апрацаваныя звыш нормы 0,01 га аплачваліся дадаткова 50 кап., 0,02 га – 1 руб., 0,03 га – 3 руб., 0,04 га – 4 руб. і г. д. [25, с. 9]. Канешне, калі параўноўваць аплату працы стаханаўцаў на прамысловых прадпрыемствах, то яна была на парадак вышэй, чым у сельскай гаспадарцы, але і мінімальныя вылучэнні грошай стаханаўцам вёскі з'яўляліся важным сродкам заахвочвання далейшага ўдзелу ў сацыялістычным спаборніцтве.

Даход удзельнікаў стаханаўскага руху апрача тых грошай, якія яны атрымлівалі непасрэдна за перадавую працу, папаўняўся яшчэ і дадатковымі выплатамі ў форме грашовых прэмій ад адміністрацыі гаспадарчых адзінак, рэспубліканскага і саюзнага кіраўніцтва, прэмій з нагоды асобных грамадска-палітычных мерапрыемстваў і святаў. У лістападзе 1935 г. у гонар пяцігадовага юбілею Магілёўскай шайковай фабрыкі для ўзнагароды яе лепшых перадавікоў была вылучана грашовая сума памерам у 90 тыс. руб. [26, с. 1]. Стаханаўка Блох з Барысаўскай запалкавай фабрыкі падчас галіновага злёту ўдзельнікаў стаханаўскага руху ў Маскве ў 1936 г. атрымала прэмію памерам у 250 руб. ад кіраўніцтва народнага камісарыята лясной прамысловасці СССР [27, с. 20]. Па выніках укаранення стаханаўскіх метадаў працы ў аграрным сектары таксама ўстанавілася практыка вылучэння героям вытворчасці дадатковых прэмій. Напрыклад, згодна з рашаннем Цэнтральнай конкурснай камісіі Народнага камісарыята збожжавых і жывёлагадоўчых саўгасаў СССР, у лістападзе 1935 г. быў прэміраваны лепшы стаханавец саўгаса «Замошша» Мінскага свінагадоўчага трэста Ф. Жукоўскі. Перадавік атрымаў дзяржаўную грашовую прэмію памерам у 250 руб. [21, арк. 48 адв.]. Сумы ў

памерах 100–500 руб. у 1938 г. з нагоды свята 1 Мая атрымалі лепшыя ўдзельнікі стыханаўскага руху з Заслаўскай МТС [28, арк. 75]. 48 найлепшых удзельнікаў стыханаўскага руху жывёлагадоўлі былі прэміраваны на агульную суму памерам у 13 тыс. руб. ад Народнага камісарыята земляробства БССР у верасні 1938 г. [29, с. 4]. У ліпені 1939 г. заслужаныя даяркі Каршова і Бярозкіна былі прэміраваны кіраўніцтвам БССР за выдатную працу ў памеры 100 руб. кожнай [30, с. 2].

Стыханаўцы ў якасці спецыяльных прывілей атрымлівалі грашовую дапамогу, датацыі ад прафсаюзных арганізацый і адміністрацый гаспадарчых адзінак для паляпшэння бытавых умоў ці вядзення ўласнай гаспадаркі. Напрыклад, у снежні 1935 г. Віцебскі шчэцінна-шчотачны камбінат праз касу ўзаемадапамогі незваротна выдзеліў 75 руб. для стыханаўца Мямухіна і 90 руб. для стыханаўкі Каждан, з грашовых фондаў фабрычнага камітэта лепшым удзельнікам стыханаўскага руху выплацілі 395 руб. [31, арк. 305]. У лютым 1936 г. фабрыка «Сцяг індустрыялізацыі» ажыццявіла дапамогу ў грашовым эквіваленце для 76 стыханаўцаў [19, арк. 116]. Ад Беларускага рэспубліканскага камітэта Саюза мясамалячных саўгасаў стыханаўка Крошкіна з саўгаса «Адаменкі» ў студзені 1938 г. атрымала грашовую дапамогу памерам у 300 руб. для таго, каб купіць карову ва ўласную гаспадарку [32, арк. 4].

Такім чынам, удзельнікі стыханаўскага руху ў параўнанні з іншымі працоўнымі распапараджаліся значна большымі сумамі грошай. Сістэма грашовага стымулявання працы перадавікоў прыводзіла да ўсталявання дыферэнцыраваных даходаў сярод рабочых і калгаснікаў. Так, у канцы 1935 г. заробак у стыханаўца Пясоцкага (Віцебскі станкабудаўнічы завод імя Кірава) быў на 302% вышэй за сярэдні заробак рабочых прадпрыемства. Стыханавец Стралецкі з таго ж завода меў заробак на 238% больш за сярэдні, стыханавец Пляшкевіч – на 225% [33, арк. 47]. Адзін з лепшых стыханаўцаў БССР Г. Скабло за лістапад 1935 г. меў грашова даход памерам у 540 руб., за снежань таго ж года – у 624 руб. З улікам прэміі за лістапад на суму 500 руб. і 1000 руб. за снежань, якія былі выдзелены на жыллёва-камунальныя патрэбы, Скабло атрымаў за пералічаныя вышэй месяцы 1040 руб. і 1624 руб. адпаведна [34, с. 85].

Заклучэнне

Падчас другой і трэцяй пяцігодкаў грашовае стымуляванне стала ключавым фактарам

удзелу рабочых і калгаснікаў у стыханаўскім руху. Грашовыя даходы стыханаўцаў БССР былі самымя высокія сярод усіх працоўных, што прадвызначалася прымяненнем розных форм здзельнай аплаты працы, якія якраз і пачалі ўводзіцца на прадпрыемствах па асобных галінах у межах кампаній разгортвання стыханаўскага руху. Пры здзельнай сістэме высокапрадуктыўная праца стыханаўцаў ацэньвалася максімальна эфектыўна, калі ўлічваліся як колькасныя, так і якасныя паказчыкі выпускаемай прадукцыі, а таксама вызначаўся дыферэнцыраваны падыход пры перавыкананні вытворчых планаў. У сельскай гаспадарцы ўзровень грашовага стымулявання быў на парадак ніжэй і здзельная аплата працы прымянялася тут пераважна ў адносінах да рабочых-стыханаўцаў саўгасаў. Даходы стыханаўцаў калгасаў залежалі ад колькасці выкананых імі працадзён. Апошнія аплачваліся нязначнымі сумамі па выніках года. Фінансавое становішча ўдзельнікаў стыханаўскага руху вызначалася грашовымі сродкамі, атрыманымі за павышэнне прадукцыйнасці працы, разнастайнымі прэміямі, датацыямі і дапамогамі ад дзяржаўных структур і неспрэдна ад гаспадарчых кіраўнікоў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Лукассен, Я.* Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации / Я. Лукассен // Социальная история : ежегодник / Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Центр эконом. истории при ист. фак., Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Гр. «Социально-экономическая история: экономика и общество». – М., 2002. – С. 194–205.
2. *Малинин, С. Н.* Рост материального и культурного уровня трудящихся БССР / С. Н. Малинин, Я. Г. Раков. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1939. – 124 с.
3. *Рогачевская, Л. С.* Социалистическое соревнование в СССР : историч. очерки. 1917–1970 / Л. С. Рогачевская. – М. : Наука, 1977. – 352 с.
4. *Сахаров, В. А.* Зарождение и развитие стыхановского движения (на материалах автотракторной промышленности) / В. А. Сахаров. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 120 с.
5. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / редкол.: М. П. Костюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984–1987. – Т. 2 : Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937) / И. М. Игнатенко [и др.]. – 1985. – 488 с.

6. **Роговин, В.** Сталинский неонеп / В. Роговин. – М. : Журн. «Театр», 1994. – 384 с.
7. **Журавлёв, С. В.** «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. В. Журавлёв, М. Ю. Мухин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 240 с.
8. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. – Ф. 558. Воп. 1. Спр. 3191.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4313.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 8966.
11. НАРБ. – Ф. 283. Воп. 1. Спр. 694.
12. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК : в 6 т. / Ин-т истории при ЦК КПБ ; редкол.: Г. Г. Барташевич (гл. ред. [и др.]). – Минск : Беларусь, 1983–1987. – Т. 3. – 1985. – 551 с.
13. **Дукар, З.** Мясовая прамысловасць БССР да гадавіны стаханаўскага руху / З. Дукар // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 6–7. – С. 34–41.
14. Галіновыя канферэнцыі мясцовай прамысловасці // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 3 – С. 23–28.
15. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4455.
16. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 5451. Воп. 19. Спр. 249.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 16054.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 10776.
19. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. – Ф. 426. Воп. 1. Спр. 264.
20. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 14029.
21. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 932. Воп. 1. Спр. 349.
22. **Гуцава, Г. П.** За 4000 літраў малака ад каровы / Г. П. Гуцава. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1937. – 36 с.
23. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці. – Ф. 2952. Воп. 1а. Спр. 407.
24. **Сідаровіч, М.** Стаханаўская праца аплачваецца багата / М. Сідаровіч // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1940. – № 2. – С. 16.
25. За 26-ы нумар ільновалакна / С. Палітыка [і інш.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 34 с.
26. Святкаванне юбілея на фабрыцы // Звезда. – 1935. – 24 лістап. – С. 1.
27. Стаханаўскім шляхам: стаханаўцы Барысаўскай запалкавай фабрыкі : [зб. арт.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
28. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 493. Воп. 1. Спр. 25.
29. Прэміраванне стаханаўцаў-перадавікоў жывёлагадоўлі // Звезда. – 1938. – 10 верас. – С. 4.
30. **Пашковская.** День отдыха стахановцев / Пашковская // Рабочий. – 1935. – 16 дек. – С. 2.
31. НАРБ. – Ф. 283. Воп. 1. Спр. 674.
32. НАРБ. – Ф. 297. Воп. 1. Спр. 173.
33. ДАВВ. – Ф. 102. Воп. 1. Спр. 365.
34. Народна-гаспадарчы план 1936 стаханаўскага года // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 1–2. – С. 15–85.

Паступіў у рэдакцыю 14.03.2024 г.

Кантакты: subotsin@mail.ru (Субоцін Аляксандр Аляксандравіч)

Subotsin A. A. MONEY INCOMES OF THE STAKHANOVISTS IN THE BSSR (1935–1941)

The article reveals the issue of monetary incentives for the labor activity of the Stakhanovists of the BSSR in 1935–1941. The author notes that the personal budget of the participants of the Stakhanov movement was formed as an aggregate of the increased earnings that were received as a result of improved work and bonuses, grants and monetary assistance from the state and the management of economic units. As a result, the monetary incomes of the Stakhanovists were on average 2–3 times higher than those of ordinary workers, this was supposed to consolidate the social status of the leading workers as the labor elite.

Keywords: the Stakhanov movement, the Stakhanovists, the BSSR, money income, wage.

УДК 1(476)(091)+2(476)

КАНФЕСІЙНАЯ СПЕЦЫФІКА СУЧАСНАЙ УСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

В. У. Старасценка

кандыдат філасофскіх навук, дацэнт

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

Артыкул прысвечаны спецыфіцы і дынаміцы развіцця рэлігійнай структуры ўсходняй Беларусі, якая разглядаецца ў кантэксце рэспубліканскай веравызнальнай сітуацыі. На аснове шырокага статыстычнага матэрыялу паказаны рэгіянальныя асаблівасці і тэндэнцыі канфесійных працэсаў. Раскрыты адметныя характарыстыкі рэгіёна ў адносінах да рэлігійнай і канфесійнай самаідэнтыфікацыі насельніцтва.

Ключавыя словы: рэлігія, канфесія, усходняя Беларусь, рэлігійныя працэсы, канфесійная дынаміка, рэлігійная структура.

Увядзенне

Значным аспектам айчыннага рэлігізнаўства выступае даследаванне сучаснай рэлігійнай сітуацыі і развіцця веравызнальнай сферы Беларусі, якое ўключае аналіз канфесійных асаблівасцей рэгіёнаў краіны. Неабходнасць маніторынгу канфесійнай сітуацыі звязана з актуалізацыяй рэлігійнага сегмента забеспячэння нацыянальнай дзяржаўнай бяспекі ва ўмовах актывізацыі рэлігійнага жыцця, росту ўплыву рэлігійных арганізацый пад уздзеяннем «рэлігія-царкоўнага рэнесансу» мяжы пачатку 1990-х гг. [1, с. 4-14; 2, с. 20-23]. Рэалізацыя «адкладзенага» ў савецкі перыяд сацыяльнага попыту на рэлігію стала магчымай ва ўмовах постсавецкага лібералізму ў веравызнальнай сферы, які выражаўся ў зняцці шэрагу ранейшых абмежаванняў рэлігійнай дзейнасці, у тым ліку спрашчэнні працэдур легалізацыі абшчын, у рэлігійнай ангажаванасці шматлікіх сродкаў масавай інфармацыі, актыўнасці рэлігійнай прапаганды праз місіянерскую дзейнасць і інш. Аб'ектывізацыя новых грамадскіх адносін у рэлігійнай сферы атрымала адлюстраванне ў больш чым трохразовым росце як колькасці рэлігійных напрамкаў, так і колькасці дзеючых рэлігійных абшчын. Рост рэлігійнай актыўнасці ахапіў усе рэгіёны краіны пры нераўнамернай інтэнсіўнасці канфесійных працэсаў.

Асноўная частка

Рэлігійнае жыццё сучаснай Беларусі на пачатак 2020 г. прадстаўлена ў яе ўсходнім рэгіёне (Віцебская, Магілёўская і Гомельская вобласці) 1276 абшчынамі 21 канфесіі – абсалютнай большасці рэлігійных напрамкаў у краіне (25 канфесій). У рэгіёне найбольшая колькасць абшчын дзейнічае ў Віцебскай вобласці (560), менш за ўсё – у Магілёўскай вобласці (294), у Гомельскай – 422. Найбольш высокі індэкс канфесійнай дыверсіфікацыі (20 канфесій, або 80 %, што саступае толькі г. Мінску – 22 канфесіі) уласцівы Магілёўскай вобласці, у іншых абласцях усходнебеларускага рэгіёна – 68 % (па 17 канфесій) [3, с. 79].

Таксама ў рэгіёне дзейнічалі 955 культурных будынкаў (35 % ад рэспубліканскай колькасці) і 72 будавалася (у рэспубліцы ў цэлым – 2725 і 232). У рэлігійных структурах усіх канфесій былі занятыя 1144 святары – 34 % ад іх рэспубліканскай (3365 чалавек) колькасці. Функцыянавалі 15 абласных рэлігійных аб'яднанняў: Полацкая, Віцебская, Магілёўская, Бабруйская, Гомельская і Тураўская епархіі Беларускай праваслаўнай царквы, Віцебская і Пінская епархіі і Мінска-Магілёўская архідыяцэзія Рымска-каталіцкай царквы, Віцебскае, Магілёўскае і Гомельскае аб'яднанні хрысціян веры евангельскай і евангельскіх хрысціян-баптыстаў. Абшчыны шэрагу канфесій належаць да іншых (рэспубліканскіх па статусе) рэлігійных аб'яднанняў Стараабрадніцкай царквы, Евангелічна-Лютэранскай царквы, Хрысціян поўнага Евангелля, Адвентыстаў сёмага дня, Новаапостальскай царквы, Сведкаў Іеговы, мусульман, іўдзеяў, бахаі, а таксама могуць дзейнічаць аўтаномна.

Зарэгістраваныя ва ўсходняй Беларусі рэлігійныя арганізацыі адносяцца да дзвюх сусветных рэлігій (хрысціянства і іслам), адной нацыянальнай рэлігіі (іўдаізм) і двух новых рэлігійных аб'яднанняў [табліца 1].

Табліца 1 – Рэлігіі і рэлігійныя арганізацыі ва ўсходняй Беларусі паводле гістарычнай тыпалогіі рэлігій (зарэгістраваныя па стане на 1 студзеня 2020 г.)

Сусветныя рэлігіі	Праваслаўе	<i>Беларуская праваслаўная царква</i>		
		Стараабрадніцкая царква		
		Рымска-каталіцкая царква		
		Грэка-католікі		
	Хрысціянства	Каталіцызм	Ранні пратэстантызм	Лютэранская царква
			Прэсвітэрыянская царква	
		Пратэстантызм	Позні пратэстантызм	Хрысціяне веры евангельскай
				Хрысціяне поўнага Евангелля
				Евангельскія хрысціяне-баптысты
				Адвентысты сёмага дня
				Сведкі Іеговы
Новаапостальская царква				
Царква Хрыстова				
Мармоны				
Месіянскія абшчыны				
Монафізіцтва	Армянская апостальская царква			
Іслам (мусульманская рэлігія)				
Нацыянальныя рэлігіі	Іўдаізм	Іўдзейская рэлігія (артадаксальны іўдаізм)		
		Прагрэсіўны іўдаізм		
Новыя рэлігійныя аб'яднанні	Крышнаіты			
	Бахаі			

У параўнанні з канфесійнай структурай Рэспублікі Беларусь у цэлым у яе ўсходнім рэгіёне дзейнічае адзіная ў краіне абшчына прэсвітэрыян, але адсутнічаюць зарэгістраваныя арганізацыі чатырох канфесій – каталікоў лацінскага абраду, рэфарматаў, хрысціян веры апостальскай і будызму. Аднак яны дзейнічаюць у адзінкавых абласцях краіны, малалікія па колькасці аб'яднаных абшчын (14), таму дадзеная асаблівасць істотным фактарам спецыфікі рэгіёна не з'яўляецца. Больш значнай асаблівасцю выступае высокая ўдзельная вага ў рэгіёне стараабраднікаў (79 % ад рэспубліканскай колькасці абшчын), лютэран (84 %), месіянскіх абшчын (67 %), ігавістаў (56 %), артадаксальнага іўдаізму (71 %) і бахаі (60 %).

Адначасова захоўваецца высокая ступень стабільнасці канфесійнай структуры ўсходняй Беларусі. За апошнія 20 гадоў аформіліся і прайшлі працэдуру дзяржаўнай рэгістрацыі арганізацыі чатырох канфесій – месіянскіх абшчын (2002 г.), прэсвітэрыян і мармонаў (2004 г.), армяна-грыгарыян (2012 г.). Колькасць канфесій тым самым узрасла больш чым на 23 %, аднак колькасць абшчын гэтых канфесій невялікая – 10 арганізацый, што складае толькі 0,8 % ад агульнага аб'ёму рэлігійных абшчын рэгіёна.

Рэлігійная структура рэгіёна мае выразны поліканфесійны характар з абсалютным

дамінаваннем арганізацый хрысціянскага тыпу. Да хрысціянства адносяцца 16 рэлігійных напрамкаў з 21, якія маюць афіцыйную рэгістрацыю (у рэспубліцы ў цэлым – 19 з 25). Хрысціянскія канфесіі аб'ядноўваюць 96 % зарэгістраваных абшчын. Вернікі, якія вызнаюць хрысціянства, належаць да праваслаўя, каталіцызму, монафізіцтва і пратэстантызму. Пры гэтым, як і ў іншых абласцях і ў рэспубліцы ў цэлым, адсутнічае абсалютнае дамінаванне якой-небудзь адной канфесіі. Найбольш трывалыя пазіцыі па колькасці рэлігійных арганізацый займаюць Беларуская праваслаўная царква (БПЦ) [4], Хрысціяне веры евангельскай (ХВЕ) [5], Рымска-каталіцкая царква (РКЦ) і Евангельскія хрысціяне-баптысты (ЕХБ) [табліца 2], гэтая паслядоўнасць па колькасці абшчын аналагічная агульнарэспубліканскай сітуацыі.

У рэгіянальным вымярэнні абшчыны БПЦ (675 абшчын) займаюць каля 53 % ад усёй сукупнасці рэлігійных абшчын усходняй Беларусі, каля 13 % – ХВЕ (169 абшчын), каля 11 % – РКЦ (138 абшчын), каля 8 % – ЕХБ (104 абшчыны). На астатнія 17 канфесій (12 хрысціянскіх і 5 нехрысціянскіх) у цэлым прыпадае толькі 190 ад агульнай колькасці рэлігійных абшчын усходняй Беларусі, іх удзельная вага – толькі каля 15 % абшчын рэгіёна.

на. Па асноўных групах канфесій прываслаўе (БПЦ і стараабрадніцтва) займае каля 55 % абшчын, каталіцызм (РКЦ і ўніяты) – каля 11 %, пратэстантызм усіх 11 напрамкаў – каля 30 %.

Табліца 2 – Рэлігійныя абшчыны ва ўсходняй Беларусі (на 1 студзеня 2020 г.)

№	Найменне канфесіі	Віцебская вобласць	Гомельская вобласць	Магілёўская вобласць	Усяго ва ўсходняй Беларусі	Усяго ў рэспубліцы	% абшчын ва ўсходняй Беларусі ад колькасці абшчын усіх канфесій у рэгіёне	% абшчын ва ўсходняй Беларусі ад колькасці усіх абшчын канфесіі ў рэспубліцы
1	Праваслаўная царква (БПЦ)	297	241	137	675	1709	52,9	39,50
2	Стараабрадніцкая царква	18	2	7	27	34	2,1	79,41
3	Рымска-каталіцкая царква	94	20	24	138	498	10,8	27,71
4	Каталікі лацінскага абраду	0	0	0	0	1	0	0
5	Грэка-каталіцкая царква	4	1	1	6	16	0,5	37,50
6	Армянская апостальская царква	0	0	2	2	4	0,2	50
7	Рэфармацкая царква	0	0	0	0	1	0	0
8	Прэсвітэрыянская царква	0	0	1	1	1	0,1	100
9	Лютэранская царква	13	4	4	21	25	1,6	84
10	Евангельскія хрысціяне-баптысты	38	26	40	104	281	8,2	37,01
11	Новаапостальская царква	3	5	2	10	21	0,8	47,62
12	Хрысціяне веры евангельскай	52	75	42	169	524	13,2	32,25
13	Хрысціяне поўнага Евангелля	7	16	3	26	62	2	41,94
14	Хрысціяне веры апостальскай	0	0	0	0	11	0	0
15	Царква Хрыстова	0	0	1	1	5	0,1	20
16	Месіянскія абшчыны	0	2	0	2	3	0,2	66,67
17	Адвентысты сёмага дня	14	12	6	32	73	2,5	43,84
18	Сведкі Іеговы	5	7	3	15	27	1,2	55,56
19	Мармоны	1	0	1	2	4	0,2	50
20	Іўдзейская рэлігія	5	7	15	27	38	2,1	71,05
21	Прагрэсіўны іўдаізм	3	1	2	6	15	0,5	40
22	Мусульманская рэлігія	4	1	1	6	24	0,5	25
23	Бахаі	1	1	1	3	5	0,2	60
24	Крышнаіты	1	1	1	3	6	0,2	50
25	Будызм	0	0	0	0	1	0	0
Усяго		560	422	294	1276	3389	100	37,65

Прадстаўленасць канфесій у рэгіянальнай прасторы ўсходняй Беларусі 2000-х гг. мела пэўную дынаміку. Па асноўных канфесіях: павялічвалася, як і ў рэспубліцы ў цэлым [6, с. 19], доля абшчын БПЦ (з 46,8 % у 2000 г. да 52,9 % у 2020 г.), але зменшылася доля РКЦ (з 12,5 % да 10,8 %), ХВЕ (з 15,6 % да 13,2 %), ЕХБ (з 9,5 % да 8,2 %) [табліца 3].

У рэспубліканскім вымярэнні доля абшчын усходняй Беларусі ад агульнарэспубліканскай колькасці абшчын складае 37,7 % [табліца 3] (у тым ліку Віцебшчына – 16,5 %, Гомельшчына – 12,5 %, Магілёўшчына – 8,7 %). Пры гэтым удзельная вага рэлігійных абшчын як усходняй Беларусі ў цэлым, так і асобных усходнебеларускіх абласцей у агульнай колькасці рэлігій-

ных абшчын Рэспублікі Беларусь перажывала змены, мела месца тэндэнцыя яе росту. Так, удзельная вага абшчын рэгіёна ў 2000 г. складала 32,6 %, у 2005 г. – 35,5 %, 2010 г. – 37 %, 2015 г. – 37,4 %, 2020 г. – 37,7 %. Па абласцях: удзельная вага рэлігійных абшчын Магілёўскай вобласці павялічылася з 6,1 % у 2000 г. да 8,7 % у 2020 г., Віцебскай вобласці за той жа перыяд – з 14,4 % да 16,5 %, Гомельскай вобласці – з 11,4 % да 12,5 %. Дадзеная тэндэнцыя звязана з параўнальна нізкай актыўнасцю ў 2000-х гг. у справе стварэння новых абшчын у заходняй Беларусі (у агульнарэспубліканскай сукупнасці рэлігійных абшчын скарацілася ўдзельная вага абшчын Брэсцкай (з 24,6 % да 22,6 %) і Гродзенскай (з 17,5 % да 14,3 %) абласцей) [3, с. 17].

Табліца 3 – Дынаміка ўдзельнай вагі рэлігійных абшчын усходняй Беларусі ад рэгіянальнай і рэспубліканскай колькасці ў 2000–2020 гг. (на 1 студзеня ўказаных гадоў)

№ п/п	Канфесіі	Колькасць рэлігійных абшчын ва ўсходняй Беларусі			% абшчын ва ўсходняй Беларусі ад колькасці абшчын усіх канфесій у рэгіёне			% абшчын ва ўсходняй Беларусі ад колькасці ўсіх абшчын канфесіі ў рэспубліцы		
		2000	2010	2020	2000	2010	2020	2000	2010	2020
1	Праваслаўная царква (БПЦ)	384	583	675	46,8	50,7	52,9	33,7	38,6	39,5
2	Стараабрадніцкая царква	28	26	27	3,4	2,3	2,1	80	81,3	79,4
3	Рымска-каталіцкая царква	103	132	138	12,5	11,5	10,8	25,4	28,1	27,7
4	Грэка-каталіцкая царква	5	5	6	0,6	0,4	0,5	38,5	35,7	37,5
5	Армянская апостальская царква	0	0	2	0	0	0,2	0	0	50
6	Прэсвітэрыянская царква	0	1	1	0	0,1	0,1	0	100	100
7	Лютэранская царква	2	21	21	0,2	1,8	1,6	40	77,8	84
8	Хрысціяне веры евангельскай	128	160	169	15,6	13,9	13,2	28,9	31,9	32,3
9	Хрысціяне поўнага Евангелля	23	22	26	2,8	1,9	2	42,6	40	41,9
10	Евангельскія хрысціяне-баптысты	78	102	104	9,5	8,9	8,2	32	37,5	37
11	Адвентысты сёмага дня	19	32	32	2,3	2,8	2,5	39,6	44,4	43,8
12	Сведкі Іеговы	12	14	15	1,5	1,2	1,2	57,1	53,8	55,6
13	Новаапостальская царква	10	10	10	1,2	0,9	0,8	50	47,6	47,6
14	Царква Хрыстова	1	1	1	0,1	0,1	0,1	16,7	20	20
15	Месіянскія абшчыны	0	1	2	0	0,1	0,2	0	50	66,7
16	Мармоны	0	2	2	0	0,2	0,2	0	50	50
17	Ўдзейская рэлігія	10	17	27	1,2	1,5	2,1	50	56,7	71,1
18	Прагрэсіўны юдаізм	5	8	6	0,6	0,7	0,5	62,5	50	40
19	Мусульманская рэлігія	6	6	6	0,7	0,5	0,5	25	24	25
20	Бахаі	3	3	3	0,4	0,3	0,2	50	60	60
21	Крышнаіты	4	3	3	0,5	0,3	0,2	57,1	50	50
Усяго		821	1149	1276	100	100	100	32,6	37	37,7

Пры гэтым захоўваюцца традыцыйныя асаблівасці рэлігійнай геаграфіі Беларусі, якія выяўляюцца ў тым, што вобласці ўсходняй Беларусі адносяцца пераважна як ніжэйшай канцэнтрацыі рэлігійных абшчын, так і індэксамі канфесійнай актыўнасці насельніцтва. Найменшая ў рэспубліцы колькасць рэлігійных абшчын на пачатак 2020 г. захоўвалася ў Магілёўскай (8,7 %) і Гомельскай (12,5 %) абласцях, дзе пражывала 10,9 % і 14,7 % насельніцтва рэспублікі. Інакш кажучы, на долю гэтых дзвюх абласцей у дачыненні да агульнарэспубліканскай статыстыкі прыпадае больш за 26 % насельніцтва, але толькі каля 22 % рэлігійных абшчын. Наадварот, найбольшая колькасць рэлігійных абшчын на пачатак 2020 г. захоўвалася ў Брэсцкай (каля 22,6 %) і Мінскай (каля 21 %) абласцях, дзе пражывае 14,3 % і 15,6 % насельніцтва рэспублікі. Тым самым на долю гэтых дзвюх абласцей прыпадае каля 30 % насельніцтва, але каля 44 % усіх рэлігійных абшчын Беларусі.

Індэкс канфесійнай актыўнасці насельніцтва ў абласцях Рэспублікі Беларусь вызначаецца суадносінамі колькасці насельніцтва з колькасцю рэлігійных абшчын. Найбольшая канфесійная актыўнасць у Брэсцкай вобласці (каля 1,8 тыс. чалавек на адну зарэгістраваную абшчыну). Найбольш блізкія індэксы маюць Віцебская (каля 2), Мінская (каля 2,1) і Гродзенская (каля 2,1) вобласці. Індэксы найменшай канфесійнай актыўнасці сярод абласцей краіны: Гомельшчыны – каля 3,3, Магілёўшчыны – каля 3,5 [3, с. 78].

Рост колькасці рэлігійных арганізацый ва ўсходняй Беларусі як значная праява «рэлігіяна-царкоўнага рэнесансу» захоўваўся і ў 2000-х гг. Калі на пачатак 2000 г. у Віцебскай, Магілёўскай і Гомельскай абласцях налічвалася 17 афіцыйна прызнаных канфесій, то на 1 студзеня 2020 г. – 21 (рост у 1,2 раза), колькасць зарэгістраваных рэлігійных абшчын узрасла за той жа перыяд з

821 (2000 г.) да 1149 (2010 г.) і 1276 (2020 г.), г. зн. у 1,6 разы.

Пры гэтым ужо з сярэдзіны 1990-х гг. у рэспубліцы назіраецца тэндэнцыя стабілізацыі росту колькасці абшчын, а з канца 1990-х гг. фіксуецца зніжэнне станоўчай дынамікі росту [7, с. 579]. Ва ўсходніх абласцях Беларусі ў 2000-х гг. гэтая тэндэнцыя таксама

мела месца [малюнак 1]. Так, калі за пяцігадовы перыяд 2001–2005 гг. рост склаў 160 абшчын, то за 2006–2010 гг. – 141, за 2011–2015 гг. – 69, а за 2016–2020 гг. – 34. Прырост колькасці рэлігійных абшчын у другім дзесяцігоддзі 2000-х гг. (103) скараціўся ў параўнанні з першым дзесяцігоддзем (301) прыкладна ў 3 разы, што ў цэлым адпавядае агульнарэспубліканскай дынаміцы.

Малюнак 1 – Колькасць зарэгістраваных рэлігійных абшчын па гадах ва ўсходняй Беларусі ў 2000–2020 гг. (за названымі гады)

Сацыялагічныя даследаванні ў галіне рэлігіі выяўляюць спецыфіку светапоглядных арыентацый насельніцтва рэгіёнаў. Матэрыялы 2000-х гг. паказвалі, што найбольш высокі ўзровень фармальнай рэлігійнай самаідэнтыфікацыі дэманструюць рэспандэнты заходнебеларускіх абласцей – Гродзенскай (65,5 %) і Брэсцкай (64 %), а ва ўсходняй Беларусі – жыхары Віцебскай вобласці (64 %). Наадварот, у Магілёўскай вобласці толькі 52,5 % (ніжэй толькі ў г. Мінску – 50 %) рэспандэнтаў заяўляла, што «вераць у Бога», у Гомельскай – 61,6 %. Найбольшая колькасць «няверуючых» – у Віцебскай вобласці (20,3 %), г. Мінску (16,2 %) і Магілёўскай вобласці (14 % рэспандэнтаў) [8, с. 52].

З пункту гледжання канфесійнай самаідэнтыфікацыі ў частцы «праваслаўнай арыентацыі» ў рэспубліцы лідзіруюць рэспандэнты Гомельскай (87,3 %) і Магілёўскай (82,1 %) абласцей, тады як на Віцебшчыне праваслаўе мае толькі 66,2 % канфесійных пераваг, менш толькі на Гродзеншчыне (56,9 %), тады як у рэспубліцы ў цэлым – каля 80 %. У частцы «каталіцкай арыентацыі» вылучаюцца жыхары Віцебскай вобласці (8,9 %), традыцыйна саступаючы Міншчыне (11,8 %) і Гродзеншчыне (29,9 %). Аб тым, што не належаць

«ні да якой» канфесіі, заяўлялі 22,9 % рэспандэнтаў Віцебскай вобласці, што з'яўляецца найбольш высокім паказчыкам у Рэспубліцы Беларусь у цэлым. Толькі Віцебшчыне і г. Мінску (18,8 %) у гэтых адносінах саступае Магілёўшчыне (15,6 %). Трэцяя вобласць усходняй Беларусі – Гомельская – мае найбольш нізкі ў краіне паказчык канфесійнай індывідуальнасці, нараўне з Гродзенскай вобласцю (8,3 % і 6,9 % адпаведна) [8, с. 52].

Заклучэнне

Усходняя Беларусь па ступені канфесійнай актыўнасці саступае заходняй частцы краіны, канцэнтруючы менш як 38 % рэлігійных абшчын. У Магілёўскай і Гомельскай абласцях – найменшая як у рэгіёне, так і ў рэспубліцы ў цэлым колькасць рэлігійных арганізацый (8,7 % і 12,5 % адпаведна). Найбольшым дынамізмам канфесійнага жыцця, наадварот, адрозніваецца Віцебшчына (16,5 % абшчын ад рэспубліканскай колькасці). Пры гэтым Магілёўская вобласць мае найбольш высокую сярод усіх абласцей краіны ступень канфесійнай разнастайнасці.

У полканфесійнай структуры рэгіёна абсалютна дамінуюць хрысціянскія арганізацыі, якія аб'ядноўваюць 96 % рэлігійнай супольна-

сці рэгіёна. Вядучую ролю, як і ў Беларусі ў цэлым, адыгрываюць Беларуска-праваслаўная царква (каля 53 % ад усіх рэлігійных абшчын рэгіёна), Хрысціянская вера евангельскай (каля 13 %), Рымска-каталіцкая царква (каля 11 %) і Евангельскія хрысціянне-баптысты (каля 8 %). Пры гэтым з усіх асноўных канфесій толькі БПЦ у 2000-х гг. мела тэндэнцыю росту ўдзельнай вагі абшчын у рэгіянальным вымярэнні. У цэлым для канфесійнай прасторы сучаснай усходняй Беларусі характэрна зніжэнне дынамікі росту, але пры захаванні перманентнага росту колькасці рэлігійных арганізацый і большай актыўнасці ў справе стварэння новых рэлігійных абшчын у параўнанні з заходняй часткай краіны.

У сацыялагічным вымярэнні найбольш высокі ўзровень фармальнай рэлігійнай самаідэнтыфікацыі ў рэгіёне дэманструюць рэспандэнты Віцебшчыны (64 %), тады як самы нізкі – у Магілёўскай вобласці (53 %), а ў Гомельскай – каля 62 %. Найбольшая ў рэспубліцы колькасць «няверуючых» у Віцебскай (20 %) і Магілёўскай (14 % рэспандэнтаў) абласцях. Найбольш высокая не толькі ў рэгіёне, але і ў краіне ступень «праваслаўнай арыентацыі» назіраецца ў насельніцтва Гомельскай (87 %) і Магілёўскай (82 %) абласцей. Найбольшую ў рэгіёне ступень прыхільнасці да каталіцызму дэманструе Віцебшчына (9 %), а Гомельская вобласць выдзяляецца самым нізкім у рэспубліцы паказчыкам канфесіянальнага індывідуалізму.

За гады суверэнітэту Беларусі рэлігійнае жыццё ўсходнебеларускага рэгіёна, як і рэспублікі ў цэлым, значна змянілася. Канструктыўнае дзяржаўна-канфесійнае супрацоўніцтва, паважлівыя міжканфесійныя ўзаемаадносіны, падтрыманне згоды прадстаўнікоў розных рэлігій з'яўляюцца важным гарантам развіцця агульнаграмадзянскай ідэнтычнасці, сацыяльнага міру і грамадскай згоды.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Старостенко, В. В.* Современная религиозная ситуация и конфессии в Республике Беларусь: пособие / В. В. Старостенко. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2008. – 88 с.
2. *Старостенко, В. В.* Религии в современной Беларуси: пособие / В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2012. – 192 с.

3. *Старостенко, В. В.* Религии в Республике Беларусь в статистическом измерении: справочник / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 144 с. : ил.

4. *Старостенко, В. В.* Особенности региональной структуры и динамика развития Белорусской православной церкви в восточной Беларуси в 2000-х гг. / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2019. – № 2 (54). – С. 91–97.

5. *Старостенко, В. В.* Динамика развития и особенности структуры Христиан веры евангельской в восточной Беларуси в период 2000-х гг. / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2020. – № 1 (55). – С. 81–86.

6. Православная церковь в белорусском обществе в конце XX – начале XXI в. : монография / О. В. Дьяченко [и др.]; под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев : УО «МГУ имени А. А. Кулешова», 2012. – 224 с. : ил.

7. История белорусской государственности : в 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н. В. Смехович ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 759 с.

8. Конфессии и культовые сооружения Беларуси : атлас / Белорус. гос. ун-т, геогр. фак.; под рук. И. И. Пирожника. – Минск : БГУ, 2007. – 56 с.

Паступіў у рэдакцыю 23.03.2024 г.

Кантакты: starostenko@msu.by (Старостенка Віктар Уладзіміравіч)

Starascienka V. U. CONFESSIO-NAL SPECIFICS OF MODERN EASTERN BELARUS

The article is devoted to the specifics and dynamics of the development of the religious structure of eastern Belarus considered in the context of the republican religious situation. The analysis of broad statistical material makes it possible to point out regional features and trends in confessional processes. The distinctive characteristics of the region are revealed in terms of the religious and confessional self-identification of the population.

Keywords: religion, confession, eastern Belarus, religious processes, confessional dynamics, religious structure.

ИСТОРИЯ АДВЕНТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ: ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О. В. Габрусевич

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена появлению и распространению на белорусских землях адвентизма в период до Октябрьской революции. Прослеживается деятельность проповедников, становление первых общин. Сделан вывод о том, что, несмотря на объективные трудности (настороженное отношение российской власти, Первая мировая война), новое протестантское направление успешно закрепилось на территории Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, белорусские губернии, религия, протестантизм, религиозная община, адвентисты седьмого дня, Николай II.

Введение

В современной Беларуси на 1 января 2024 г. зарегистрировано 25 конфессий (суммарно 3419 общин). Среди них протестантские религиозные организации представлены 13 направлениями, 1038 религиозными общинами, 21 объединением, 22 миссиями и 5 духовными учебными заведениями. Нельзя не отметить, что по количеству общин белорусский протестантизм уверенно занимает 2-е место после православной церкви. Церковь адвентистов седьмого дня (далее АСД) является позднепротестантским направлением и действует на территории Беларуси более 100 лет. Она представлена 73 общинами, которые объединяются в религиозную организацию «Конференция Церквей Христиан Адвентистов Седьмого Дня в РБ». АСД осуществляет свою деятельность в более чем 60 населенных пунктах страны (50 городов, 11 деревень и 2 поселка городского типа). Священнические обязанности выполняют 35 человек. АСД имеет 24 культовых здания, 2 миссии и Минский теологический институт [1].

Целью данной статьи является историческая реконструкция зарождения и развития АСД на территории Беларуси до Октябрьской революции. Актуальность темы обусловлена отсутствием специальных исследований в историографии, а также значительной ролью церкви АСД в современном белорусском протестантизме.

© Габрусевич О. В., 2024

Основная часть

В Российской империи статусом «господствующей» и «первенствующей» обладала православная церковь. Император, «как христианский государь», должен был исповедовать исключительно православную веру и выступать в роли ее верховного защитника и хранителя догматов. Кроме того, именно православная церковь обладала монополией на прозелитизм – проповедь с целью привлечь в свои ряды верующих других конфессий [2, с. 13–14].

Конфессиональный состав населения белорусских губерний (по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Конфессиональный состав населения 1897 г. Гродненская, Минская, Виленская, Витебская, Могилевская губернии [3, с. 252–255].

Церкви и вероисповедования	Количество последователей	% соотношение к численности населения
Православные и единоверцы	5 120 667	60.12%
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	148 408	1.74%
Римо-католики	1 947 795	22.87%
Армяно-григориане	77	0,0009%
Армяно-католики	181	0,0021%
Лютеране	76 110	0.89%
Реформаты	663	0.01%
Англикане	22	0,0003%
Баптисты	139	0,0016%
Менониты	5	0,0001%
Лица остальных христианских исповеданий	141	0,0017%
Иудеи	1 209 325	14.2%
Караимы	663	0.01%
Магометане	13570	0.16%
Лица остальных нехристианских исповеданий	40	0,0005%
Итого	8 517 806	100%

Исторически на белорусских землях главным соперником православия являлось католичество, что и отражают вышеприведенные

цифры. Общая доля протестантов составляет менее 1 %. Абсолютное большинство из них составляют лютеране и реформаты – представители старых протестантских конфессий, которые существовали на территории Беларуси еще с XVI в. Однако в последней четверти XIX – начале XX в. здесь наблюдается зарождение позднепротестантского движения, представленного баптизмом, евангельским христианством, адвентизмом и пятидесятничеством. Именно эти направления в будущем определяют облик белорусского протестантизма.

Церковная организация под названием Адвентисты Седьмого Дня была создана в мае 1863 г. в США. Вскоре в Европе была учреждена европейская миссия АСД. В Российской империи адвентистское движение появилось во второй половине 80-х гг. XIX в. В 1901 г. российские адвентисты вошли в состав Германско-Российского унияона, разделенного на три миссионерских поля. Общины белорусских губерний вошли в состав Северо-Российского миссионерского поля с центром в г. Риге [4, с. 29].

Датой рождения белорусского адвентизма можно считать 1902 год. Именно тогда Оттилия Бёме в возрасте 21 год приняла водное крещение, став первым членом адвентистской церкви в Беларуси [1]. Пионерами адвентистской миссии на белорусских землях были выходцы из Германии, Польши, Прибалтики, а также граждане России, проживающие в соседних губерниях: Виленской, Волынской, Черниговской, Киевской, Смоленской и Псковской.

17 апреля 1905 г., по высочайшему повелению Николая II, были отменены ограничения для приверженцев неправославных течений. В 1906 г. он собственноручно подписал указ об официальном признании Церкви АСД. Деятельность адвентистов приравнивалась к ранее разрешённой деятельности баптистов. Адвентистам разрешалось свободно исповедовать свое вероучение, отправлять общественные богослужения в устроенных ими или специально отведенных для этого домах, с возложением на местные гражданские власти ведения метрических записей браков, рождений и смертей [4, с. 31].

Сохранились архивные документы, повествующие о пионерах адвентистского движения в белорусских губерниях. Согласно Статистическим сведениям о сектантах, изданным Департаментом духовных дел МВД 1 января 1912 г., первые группы адвентистов появились в гг. Минск, Гродно и Могилёв. В 1906 г. в

Минске действовала группа адвентистов, состоявшая из 10 человек. Тогда же в Могилевской губернии насчитывалось 17 верующих, а в Гродно – 1 [4, с. 33]. Со слов адвентистского пресвитера И. Катанова, «в Витебске и в других городах адвентисты были уже в 1905 г.» [5, л. 51].

С численным ростом и географическим расширением адвентизма менялась структура АСД. В июле 1907 г. было образовано два самостоятельных союза – Германский и Российский. В результате реструктуризации церковной организации белорусские земли вошли в состав Западно-Российского и Средне-Российского миссионерских полей. Западно-Российское поле объединяло всю Польшу, а также Волынскую, Виленскую, Ковенскую, Минскую и Гродненскую губернии. В свою очередь, Витебская и Могилёвская губернии вошли в состав Средне-Российского поля, в состав которого входили ещё 27 губерний. С 1913 г. адвентистские общины Витебской губернии вошли в состав Балтийской конференции [1].

Государственный чиновник и исследователь религий в царский период С. Д. Бондарь написал: «Силу адвентизма 7-го дня составляет его превосходная организация и его общинное устройство. Центральные организации адвентистов заботятся о наилучшей постановке адвентистской миссии, объединяют ее деятельность, направляют ее к одной общей цели. При тесной сплоченности адвентистских общин и внутренней автономии их миссионерские начинания центральных организаций находят единодушную поддержку в коллективной деятельности каждой общины. Это превращает секту адвентистов в живое и активное религиозное общество» [6, с. 101].

Ряды адвентистов пополнялись в основном за счёт последователей других конфессий. В 1908 г. И. Г. Луцук дважды подает прошение о переходе из православия в адвентизм. Лишь второе прошение достигло цели [7].

Сентябрьский номер «Могилевских епархиальных ведомостей» за 1912 г. содержит упоминание о переходе из православия в адвентизм двух человек [8]. В 1913 г. в Минске вышли из лютеранства и примкнули к адвентистской церкви Берта Амалия Каролина Пурмаль, 30 лет, Елизавета Павулла, 31 год, и Сусанна Кроль, 22 года [7]. Осенью 1913 г. в Витебске Сергей Петров подал заявление на имя губернатора о переходе из православия в адвентизм. Шарлота Костанция Августовна Кепень

(урожд. Кронпуш) 35 лет, проживающая в г. Ново-Борисове (Борисов) по ул. Богдановской, в 1914 г. перешла из евангелическо-лютеранского исповедания в адвентизм [9, л. 21]. В документе Могилевской духовной консистории за 1915 г. упоминается о переходе в возрасте 28 лет из православия в секту адвентистов Ефросинии Даниловны Белоусовой [8].

Как справедливо замечает историк М. И. Одинцов, первые несколько лет адвентистская весть проповедалась главным образом среди немецкого населения, поскольку немцы-переселенцы, протестанты по своим убеждениям, наиболее охотно откликнулись на проповедь адвентистских миссионеров [2, с. 76].

На всей территории России в 1908 г. было 2700 адвентистов седьмого дня. Из них 2000 человек являлись немцами, 500 – русскими и 200 – представителями других национальностей [10, с. 37]. С 1905 по 1911 г. из православия и лютеранства в адвентизм перешло 2515 человек [2, с. 106]. Точные сведения о соответствующих переходах в белорусских губерниях отсутствуют.

В начале XX ст. в Минск в качестве адвентистского миссионера был направлен Генрих Шмиц, немец по происхождению. В 1900 г. он закончил миссионерскую школу в Германии. Точная дата начала его проповеди на территории Беларуси неизвестна. Миссия Г. Шмица охватывала белорусские города и Польшу [10, с. 556–557].

Совместно с пастором американского подданства Д. П. Гёде Г. Шмиц проводил миссионерскую работу в Минске среди знакомых немцев. При их участии в 1907 г. в общину АСД были приняты 7 человек: два

через водное крещение и пять через членское голосование, так как являлись уже крещёнными ранее у баптистов. 20 июля 1908 г. в Минске состоялось ещё одно водное крещение, в котором принял участие пастор Д. П. Гёде [10, с. 346].

17 декабря 1910 г. группа адвентистов в количестве девяти человек подала прошение минскому губернатору о разрешении проводить богослужение в г. Минске и утвердить Генриха Иоганна Лебсака в должности проповедника для адвентистов Минской губернии. 5 марта 1911 г. Министерство внутренних дел официально признало общину адвентистов в Минске, а также разрешило проповеднику Г. Лебсаку проводить служение как в Минске, так и в других городах губернии. Минской общине АСД разрешили вести метрические книги при местном полицейском управлении. Кроме Г. Лебсака, в Минск до 1914 г. приезжали проводить крещения, причастия, бракосочетания и погребения руководители российского и германского адвентизма Ю. Т. Бетхер и Л. Р. Конради [11, л. 41].

Для проведения богослужений минские адвентисты арендовали дом, принадлежавший коллежскому секретарю Сигизмунду Константиновичу Чернявскому, находившийся на улице Захарьевской, 18. Сегодня это улица Советская и проспект Независимости, а на месте арендуемого дома сейчас находится главное здание Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка [12]. Как видно из документов, с 1 августа 1912 г. адвентисты за аренду дома ежемесячно платили 300 руб. [12]. В таблице 2 представлена отчетность минской общины за 1908 – 1914 гг.

Таблица 2 – Статистический отчет общины АСД г. Минска за 1908 – 1914 гг. [9, с. 347–350].

	1908 г. (IV квартал)	1909 г. (IV квартал)	1910 г. (IV квартал)	1911 г. (IV квартал)	1913 г. (IV квартал)	1914 г. (I квартал)
Членов церкви	8 чел.	6 чел.	9 чел.	12 чел.	21 чел.	19 чел.
В субботней школе участвовало	7 чел.	8 чел.	10 чел.	12 чел.	26 чел.	26 чел.
Десятины	60,42 р.	64,47 р.	48,15 р.	125,83 р.		210, 57 р.
Еженедельные пожертвования	2,60 р.	8,80 р.	4,60 р.	5,84 р.	10,74 р.	13 р.
Миссионерские пожертвования	3,40 р.	3 р.	3,45 р.	35 р.	109,60 р.	2 р.
Пожертвования субботней школы	3,27 р.	5,62 р.	5,67 р.	11,51 р.	18,92 р.	29,33 р.
Перечислено в Трататное общество г. Риги	30 р.	13,10 р.	15,57 р.	16,83 р.	16,65 р.	

В 1911 г. оклад библейского работника был равен 9-10 руб. в неделю, разъездного проповедника – 13-15 руб. и старшего проповедника – 20-25 руб. [6, с. 98].

1 апреля 1911 г. по решению съезда Российского униона Густав Аргнольд в качестве литературного евангелиста вместе с семьей переехал из Польши в Минск. Здесь он позна-

комился с руководителем церкви Г. И. Лебсаком. Позже Густав делился своими впечатлениями о служении в Минске. С его слов, перед ним не раз закрывали двери домов; бывало, угрожали и физической расправой. Тем не менее проповедь Густава принесла свои плоды. В 1913 г. с января по июнь при непосредственном участии согласились стать адвентистами и принять водное крещение 13 человек [10, с. 348–349].

Минский полицмейстер И. Д. Семенович в рапорте за 31 марта 1915 г. сообщал, что адвентисты, кроме Минска, проживали и в уездах Минской губернии. В июне 1914 г. Г. Лебсака перевели в Киев. Минские адвентисты ходатайствовали перед губернатором об утверждении проповедником Ивана Перка из г. Житомира [13, л. 240].

Согласно воспоминаниям Ольги Малаховой, адвентистки послевоенного периода, в конце 1915 г. в деревню Малявки, что возле Ракова, из Минска приехал адвентист, учитель Д. И. Колбасков. Он поселился в доме родителей Малаховой и объявил всем, что является верующим, празднует субботу и не ест свинину. Колбасков обучал детей по воскресеньям, вместо субботы. Однако его учительство продлилось недолго. Местный православный священник добился того, что через несколько месяцев власти арестовали Д. И. Колбаскова и увезли за пределы Беларуси [4, с. 46].

Сохранились также некоторые сведения относительно адвентистского движения в Гродненской, Витебской и Могилевской губерниях. Известно, что Генрих Шмиц, совершая свой пасторский труд одновременно на территории Польши и Беларуси, познакомился с православным верующим, учителем по образованию, Макаром Марковичем Грицем 1876 г.р. Макар Гриц был родом из Гродненской губернии, деревни Красное Село. Летом 1910 г. Г. Шмиц крестил Макара Марковича и его супругу Прасковью Илларионовну. Находясь со своей семьей в Варшаве, М. Гриц в 1912 г. был арестован. Ему предъявили обвинение в богохульстве и агитации против святынь православия. Несколько месяцев М. Гриц провел в тюрьме в Пружанах, а затем был переведен в Брестскую тюрьму. В г. Бресте состоялся суд, на котором Макар Маркович был оправдан [10, с. 483–485].

О поездке в Киев через белорусские земли в 1912 г. Г. Лебсак пишет, что на некоторое время остановился у адвентистских миссионеров в Пинском округе [4, с. 41]. В отчете о

миссионерской работе он сообщает, что с 1 января по 30 июня 1913 г. в г. Гродно и Гродненском уезде пасторским служением занимался Карл П. Шмит, проживающий в г. Белостоке [10, с. 320].

Сохранились архивные документы, знакомящие нас с присутствием адвентистов в г. Витебске. В 1913 г. местным миссионером являлся Антон Эглит. Он был командирован в Витебск Рижским отделением Международного трактатного общества. Из документа следует, что встречи первых адвентистов, организованные Антоном Эглитом с согласия Анны Гельних и ее мужа, проходили у них на квартире [4, с. 46–47].

Имеется несколько письменных свидетельств об адвентистах в Могилевской губернии. В 1906 г. в Могилевской губернии насчитывалось 17 верующих. Первые адвентистские группы образовались в Гомельском уезде. В № 5 «Могилевских епархиальных ведомостей» за 1911 г. православный миссионер Григорий Щелчков рассказывает о том, что во второй половине ноября 1910 г. в д. Серовка Гомельского уезда встретился с адвентистами для богословского диспута. Оппонировал ему «сектант адвентист, проживавший долгое время в Киеве». Г. Щелчков пишет, что в одной из деревень Серовского прихода несколько лет тому назад появилась секта адвентистов седьмого дня [14, с. 145, 150]. В «Отчете о состоянии Могилевской епархии за 1908 г.» сообщается, что «сектанты пока имеются в двух уездах: Гомельском и Рогачевском. Принадлежат они к штунде и делятся на воскресников и субботников. Большинство из них – воскресники, меньшинство – субботники. Центром «субботников» является д. Кожановка Серовского прихода» [15, л. 49]. Адвентистов седьмого дня, как в прошлом, так и в настоящем, иногда называют «субботниками». Поэтому возможно, что в д. Кожановка Серовского прихода образовалась группа АСД. Интересно, что упоминаемая нами адвентистка Ефросиния Даниловна Белоусова вместе с родителями Даниилом Кузьмичевым и Анной Григорьевной Бирилло переехали из деревни Новый Барсук Речицкого уезда в деревню Завидовка, Гомельского уезда. Деревня Завидовка (современный Добрушский район) находится в 15 км от д. Кожановка (сейчас Злынковский район Брянской области) [8]. В д. Завидовка до сих пор встречаются местные жители с фамилиями *Бирилло* и *Белоусов/а*.

Большую роль в распространении адвентизма играли трактаты и другая литера-

тура. С 1905 г. в Гамбурге издавался журнал «Маслина» на русском языке. В Риге в 1907 г. было учреждено адвентистское Трактажное общество, которое издавало и распространяло в белорусских губерниях адвентистские книги, брошюры и журналы на русском, немецком и польском языках [4, с. 32]. В 1914 г. Церковь АСД в Российской империи насчитывала 200 общин, которые объединяли 7795 верующих [8].

Первая мировая война поставила Церковь АСД в новые условия. Царское правительство видело в протестантах угрозу. Раздавались обвинения в их тесных связях с Германией, преклонении перед кайзером Вильгельмом, шпионаже в пользу немцев и т. д. Публикации и проповеди на немецком языке были запрещены [8].

Дополнительные проблемы породила и всеобщая мобилизация. От воинской повинности освобождались лишь священнослужители православной церкви и проповедники протестантских церквей, имевшие удостоверения от губернатора. Те же служители, которые не имели подобных удостоверений, вместе со всеми проживающими в России немцами были перемещены на Урал и в Сибирь. Известно, что из Минска в Саратов был отправлен один из руководителей АСД Ю. Т. Бетхер [4, с. 49]. В Самару выслали семью О. Бёме [1]. Многие молитвенные дома закрывались. Собственность общин продавалась, а деньги шли в военные кассы.

В общей сложности в России было призвано на военную службу около 500 адвентистов [8]. Большинство из них попали в строевые части. Около 70 адвентистов, среди которых 4 из Минской губернии, за отказ брать в руки оружие были отправлены в дисциплинарные батальоны, на каторжные работы и в тюрьмы [8].

Заключение

На белорусские земли адвентистское учение проникает в начале XX ст. из соседних губерний, с территорий Польши и Прибалтики. В 1906 г. оно обретает легальный статус. Как правило, адвентизм принимали граждане немецкого происхождения. Уже в 1905–1906 гг. есть упоминания об адвентистах в Минске, Витебске, Гродно и в Могилевской губернии. Белорусские общины АСД были частью всемирной адвентистской организации. Источники 1911–1914 гг. содержат статистические сведения о минской общине, повествуют о

деятельности в городе адвентистских проповедников. По остальной территории Беларуси точные сведения отсутствуют. Можно предположить, что до 1917 г. в четырех белорусских губерниях (не считая Виленской губернии) действовали 4 общины АСД с приблизительным количеством 40–50 человек.

Положение адвентистов ухудшилось с началом Первой мировой войны. В общественном сознании протестантизм был тесно связан с Германией. Миссионеров обвиняли в неояльности царскому режиму, в шпионаже в пользу противника. Проповедники адвентизма и рядовые верующие немецкого происхождения были высланы с территории Беларуси в отдаленные губернии. Те, кто отказывался идти в армию и воевать, привлекались к уголовной ответственности.

Тем не менее и в столь непростых условиях адвентистское движение на белорусских землях выстояло, подготовив почву для дальнейшего упрочения своих позиций. Таким образом, период до Октябрьской революции следует считать временем зарождения белорусского адвентизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Текущий архив Белорусского униона церквей АСД // История церкви христиан адвентистов седьмого дня в Беларуси.
2. **Одинцов, М. И.** Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886–1991 гг.: история и люди, факты и события, уроки и новые возможности / М. И. Одинцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 575 с. : ил.
3. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1 / под ред. Н. А. Тройницкого – СПб. : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. – 268 с. : картогр., диагр.
4. **Юнак, Д. О.** История Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в Белоруссии / Д. О. Юнак. – Минск, 2005. – 316 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. – Оп. 4. – Д. 10.
6. **Бондарь, С. Д.** Адвентизм 7-го дня / С. Д. Бондарь. – СПб. : Типогр. Мин-ва внутренних дел, 1911. – 234 с.
7. **Габрусевич, О. В.** История перехода из православия в адвентизм Иосифа Луцка в царствование Николая II / О. В. Габрусевич // Религия и общество – 15: сб. науч. ст. / под общ. ред.: В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старо-

стенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 109–112.

8. **Габрусевіч, О. В.** История зарождения и развития адвентизма на Могилевщине: 1906–1991 гг. / О. В. Габрусевіч // Вестнік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі. – 2023. – 2 (62). – С. 56–61.

9. Национальный исторический архив Беларуси г. Минск (НИАБ). – Ф. 1952. – Оп. 1. – Д. 149.

10. **Walter, M.** Dziej Kościoła adwentystów dnia siódmego na Kresach Wschodnich w latach 1888–1945 / M. Walter. – Warszawa : Znaki Czasu, 2015. – 618 s.

11. НИАБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 44775.

12. **Габрусевіч, О. В.** Первые молитвенные дома: история мест собраний адвентистской общины г. Минска до 1917 г. / О. В. Габрусевіч // Романовские чтения – 15 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 26–27 нояб. 2020 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 15–16.

13. НИАБ. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 66.

14. **Щелков Г.** Беседы и сектантами (адвентисты) о почитании св. креста и о крестном зна-

мени / Г. Щелков // Могилевские епархиальные ведомости. – 1911. – № 5. – С. 145–154.

15. НИАБ. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 139.

Поступила в редакцию 09.04.2024 г.

Контакты: ogabrusevich@gmail.com (Габрусевіч Олег Владимирович)

Gabrusevich O. V. THE HISTORY OF THE ADVENTIST MOVEMENT IN BELARUS: FROM THE BEGINNING TO THE OCTOBER REVOLUTION

The article is devoted to the emergence and spread of Adventism in the Belarusian lands before the October Revolution. The activities of preachers and the formation of the first communities are traced. It is concluded that despite objective difficulties (the wary attitude of the Russian authorities, World War I) the new Protestant confession successfully gained a foothold on the territory of Belarus.

Keywords: Belarus, Belarusian provinces, religion, Protestantism, religious community, the Seventh-day Adventists, Nicholas II.

СІНТАКСІЧНАЯ ФОРМА АФАРЫСТЫЧНЫХ АДЗІНАК

Я. Я. Іваноў

доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной лінгвістыкі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

У артыкуле разглядаецца сінтаксічная форма афарыстычных адзінак, якія процістаўляюцца ўсім іншым адзінкам сінтаксічнага ўзроўню мовы. Па сваёй сінтаксічнай форме афарызмы з'яўляюцца абстрактнымі сказамі. Такія сказы маюць спецыфічную сінтаксічную семантыку (яны змяшчаюць сцвярджэнні, якія характарызуюцца абагульнена-універсальным зместам). Змест абстрактных сказаў адлюстроўваецца спецыфічнымі фармальнымі сродкамі (формамі часу дзеясловаў і формамі ліку назоўніка ў другасных значэннях пазачасавасці і ўсеагульнасці).

Ключавыя словы: афарыстычная адзінка, сінтаксічны ўзровень мовы, абстрактны сказ, універсальны, пазачасавы.

Уводзіны

Асаблівасці афарыстычных адзінак з лінгвістычнага пункту гледжання даволі шырока даследаваны на матэрыяле трох усходнеславянскіх моў [1; 2; 3; 4; 5], некаторых славянскіх, германскіх, раманскіх моў [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], а таксама ў межах агульнай тэорыі мовы [13; 14]. Разам з тым дагэтуль адназначна не вырашаны праблемы як вызначэння моўнай формы афарыстычных адзінак, так і іх прыналежнасці да пэўнага ўзроўню моўнай сістэмы.

Паводле аднаго меркавання, усе афарызмы адносяцца да фразеалагічных адзінак і належаць лексічна-фразеалагічнаму ўзроўню моўнай сістэмы [1; 15], паводле другога, устойлівыя афарыстычныя адзінкі, або “народныя афарызмы”, уваходзяць у склад парэміі (найперш прыказак) і разам з імі ўтвараюць “парэміялагічны фонд мовы” [16], паводле трэцяга, масава ўзнаўляльныя ў маўленні афарызмы складаюць асобны, “афарыстычны ўзровень мовы” [17, с. 72–74].

Аднак прапанаваныя меркаванні не адпавядаюць рэчаіснасці, паколькі, па-першае, на

¹ Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)” (ДР № 20211335) Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2021–2025 гг.

карысць кожнага з іх так і не было выказана дастатковых аргументаў, а па-другое, адбылася падмена сістэмна-ўзроўневай арганізацыі моўных адзінак адпаведным аспектам іх вывучэння, інакш кажучы, былі пераблытаны паняцці пэўнай падсістэмы мовы (і яе адзінак) і галіны лінгвістычных ведаў (фразеалогіі, парэміялогіі, афарыстыкі).

У гэтай сувязі застаецца актуальным пытанне, якую менавіта сінтаксічную форму маюць афарыстычныя адзінкі і чым яна адрозніваецца ад сінтаксічных форм свабодных выказванняў і ўстойлівых фраз усіх іншых тыпаў (неафарыстычных).

Мэта даследавання – вызначыць і ахарактарызаваць сінтаксічную форму афарызма як адзінкі маўлення і мовы.

Асноўная частка

Даследаванне паказала, што ўсе афарызмы (і ўстойлівыя, і свабодныя) належаць да сінтаксічнага ўзроўню мовы, паколькі, па-першае, па сваёй сінтаксічнай будове з'яўляюцца сказамі, па-другое, пры функцыянаванні ў маўленні не спалучаюцца з лексічнымі і фразеалагічнымі адзінкамі, а складаюцца з іх, па-трэцяе, здольны ўступаць у сінтагматычныя сувязі толькі са сказамі, у спалучэнні з якімі ўтвараюць тэксты.

Разам з тым афарыстычныя адзінкі маюць сінтаксічную форму сказа, які істотна адрозніваецца ад усіх іншых сказаў сінтаксічнай семантыкай. Сказы, па якіх пабудаваны афарызмы, пазбаўлены актуалізаванай суднеснасці з рэчаіснасцю, таму паведамленне ў іх не лакалізавана ні ў часавым, ні ў прасторавым, ні ў персанальным плане, у адрозненне ад іншых прэдыкатыўных адзінак (акрамя намінаўных сказаў, а таксама т. зв. “квазівыказванняў” [18]), напр.: *Кніга ляжыць на стала* (стварыць такое выказванне можна толькі ў выпадку, калі моўнік усведамляе, што канкрэтная, вось гэта *кніга* ў гэты час, які супадае з часам маўлення, *ляжыць* на пэўным *стале*, які знаходзіцца ў пэўным *месцы* ў пэўны час і г.д.); *Кніга вучыць нас жыць* (тут маецца на

ўвазе *кніга* ўвогуле, як кожная паасобку, так і ўсе разам, але не канкрэтная, не вось гэта *кніга*; тое ж датычыць і *нас*, што азначае як усіх разам, так і кожнага паасобку, але не пэўнае кола людзей, не канкрэтных *нас* – *мяне, цябе, яго*; дзеясловы *вучыць* і *жыць* не суадносяць паведамленне ні з пэўным часам, ні ўвогуле з часам, паколькі моўнік мяркуе, што любая *кніга* любых *нас* у любы час *вучыць жыць*, інакш паведамленне страціць свой сэнс, выказанне не зможа быць створана).

Сказ такога кшталту можна кваліфікаваць як “абстрактны сказ” (руск. *абстрактное предложение*, англ. *universal analytical proposition*, ням. *abstracter Satz*) – такі “сказ, які змяшчае ўсеагульныя ці пазачасавыя сцвярджэнні” [19, с. 30]. Абагульненасць у гэтым сказе мае не функцыянальны, а субстанцыянальны характар (не выяўляецца ў кантэксте, а існуе незалежна ад яго), мае не факталагічную, а ўніверсальную прыроду.

Семантыка абстрактнага сказа не мае спецыялізаваных граматычных сродкаў свайго адлюстравання. Семантычная “ўніверсальнасць” выказання вызначаецца зыходзячы з некалькіх, шмат у чым падобных пунктаў погляду.

Так, паводле аднаго з іх, “семантыку таго тыпу выказванняў, якія называюцца ўніверсальнымі, характарызуюць адсутнасць непасрэднай сувязі з рэальнасцю і пераход у сферу «чыстай ідэі». Абстрактнасць любой з такіх фраз падтрымліваецца формай цяперашняга часу (абсалютны прэзент) дзеяслова-выказніка або эквівалентнымі часавымі формамі. Характэрнай рысай выказванняў такога роду можа таксама служыць адзін з квантараў усеагульнасці (які або рэальна ўжываецца, або імплікуецца): *кожны, любы, усе, заўсёды* і г.д.” [20, с. 56]. У якасці спосабу ідэнтыфікацыі ўніверсальных выказванняў сярод “усіх, якія ёсць у маўленні”, дэкларуецца функцыянальны падыход да сінтаксічнай семантыкі, які акрэслівае “семантычную сутнасць такога тыпу выказванняў – генералізацыю, ўніверсалізм” [20, с. 62].

Паводле іншага погляду, “структурна-моўнай асновай” ўніверсальнага выказвання з’яўляецца т.зв. “абагульнены сказ”, суб’ект якога афармляецца “адным з абагульняючых дэтэрмінатываў”, паколькі “не мае непасрэднага сітуацыйнага рэфэрэнта” [21, с. 16], прэдыкат – “ахраністычным (пазачасавым) Present Indefinite”, а семантыка абагульненасці “рэалізуецца ва ўсёй канфігурацыі сказа” [21,

с. 5], будучы праяўленнем, у сваю чаргу, т.зв. “функцыянальна-семантычнай катэгорыі абагульнення”, якая “будуецца на аснове інварыянтнага значэння абагульненасці”, знаходзячы сваё канкрэтнае адлюстраванне на розных моўных узроўнях: марфалагічным, лексічным і сінтаксічным [21, с. 16].

Разам з тым “сродкі моўнай рэалізацыі выказванняў такога кшталту не заўсёды могуць служыць надзейнай прыкметай іх ідэнтыфікацыі”. Наяўнасць атэмпаральнага сінтаксічнага значэння часу ў сказе не суадносіцца з пэўнай сінтаксічнай будовай, “можа быць аформлена ўсімі вядомымі тыпамі простых і складаных сказаў” [20, с. 56]. У стварэнні ўніверсальнага выказвання можа ўдзельнічаць як рэфэрэнтнае абагульненне (“за кошт цэлага шэрагу слоў, у лексічным значэнні якіх ёсць семантычны кампанент *all*”, г.зн. лексічных квантыфікатараў усеагульнасці), так і сігніфікацыйнае, якое “рэалізуецца ў слове як паняцце, а не як кампанент семантычнай структуры слова”, а таму і не патрабуе абавязковага моўнага адлюстравання (наяўнасці ў сістэме мовы рэгулярных сродкаў свайго ўвасаблення). Прэдыкат ўніверсальнага выказвання можа быць увасоблены не толькі спецыяльнай формай “цяперашняга пазачасавага” (або “ахраністычнага”, “гнамічнага”) дзеясловага часу, што фіксуецца ў большасці выпадкаў, але і “формамі, якія маюць больш канкрэтную часавую характарыстыку” [21, с. 12, 16, 18].

На наш погляд, адсутнасць спецыялізаваных граматычных сродкаў адлюстравання ў межах сказа абагульнена-ўніверсальнай семантыкі можна патлумачыць дзеяннем закону асіметрыі плана зместу і плана выяўлення моўных знакаў, а таксама закону моўнай эканоміі, паводле якіх моўнік заўсёды імкнецца да адлюстравання адной формай некалькіх значэнняў (але ніколі наадварот), калі гэта не перашкаджае спантаннаму стварэнню і адекватнаму разуменню выказванняў у маўленні. Так, форма адзіночнага ліку назойніка, акрамя ўласцівага ёй значэння адзінкавасці, можа азначаць таксама і значэнне ўсеагульнасці (*Кніга навучыла чалавека жыццю*), форма аорыста можа азначаць, акрамя закончанага аднакратнага дзеяння, што адбылося ў мінулым, яшчэ і пазачасавы працэс (*Кніга навучыла чалавека жыццю*) і да т.п. Менавіта таму абагульнена-ўніверсальная семантыка сказа мае другасныя граматычныя формы адлюстравання (такія формальныя сродкі, якія адлюстроўваюць абагульнена-ўніверсальную

семантыку ў межах сказа не першаснымі, а другаснымі граматычнымі значэннямі).

Можна меркаваць, што абагульненна-ўніверсальная семантыка сказа мае вельмі даўнюю гісторыю і ўзнікла яшчэ ў раннія часы глотогенезу. Перадумовай яе ўзнікнення трэба лічыць эмпірычнае адкрыццё чалавекам таго факту, што пэўныя сувязі паміж аб'ектамі рэчаіснасці маюць сталы характар, здольны рэгулярна паўтарацца ў аднолькавых умовах. Без усведамлення гэтага ўвогуле немагчыма асэнсаванне “нечага” як “нечага”, у прыватнасці, немагчымы акты элементарнай сігніфікацыі – “асэнсавання сляпога гукі ў мэтах камунікацыі” праз “падвядзенне адзінкавага пад агульнае і функцыянаванне агульнага як нечага, што надае сэнс адпаведнаму адзінкаваму” [22, с. 144–145]. Так, утварэнне выказванняў (суджэнняў) тыпу *Іван – гэта чалавек* або *Жучка – гэта сабака* (дзе “выказнік выкарыстоўваецца як нейкая агульнасць, у межах якой аб'ядноўваецца ўсё адзінкавае”, а “дзеінік перастае ўспрымацца як нешта глабальнае і непадзельнае, цэмнае і бессэнсоўнае, а пачынае разумецца як нешта, што атрымала для сябе пэўны сэнс, як нешта цяпер ужо ўсвядомленае” [22, с. 145]) немагчыма без разумення, што “*Любы*” *Іван – гэта чалавек* і “*Любая*” *Жучка – гэта сабака* (усведамлення, што аднародныя адзінкавыя аб'екты можна звесці да аднаго агульнага класа).

Узнікненне абстрактнага сказа, які прызначаны для адлюстравання не асобных, канкрэтных сітуацый (лакалізаваных у часе сувязі паміж дадзенымі аб'ектамі), а ўяўленняў аб цэлых агульных класах сітуацый (нелакалізаваных у часе сувязі паміж паняццямі аб цэлых класах аб'ектаў), было непарыўна звязана, на наш погляд, з узнікненнем абстрактнага мыслення і магчымасцю катэгарыяльнага размежавання ў свядомасці чалавека думкі і рэчаіснасці (калі агульнае паняцце аддзяляецца ад таго прадмета, які абазначае, і пераўтвараецца ў асобную “сутнасць”), інакш кажучы, з магчымасцю ствараць выказванні, якія не адлюстроўваюць ніякія сітуацыі рэчаіснасці. Паводле меркавання У. Р. Адмоні, “для развіцця чалавецтва ролю пазасітуацыйнага сказа немагчыма пераацаніць. Толькі дзякуючы яму аказалася магчымым спараджэнне ў маўленні ўласна абагульненых выказванняў” [23, с. 48].

Для ўтварэння пазасітуацыйных выказванняў патрабуецца выкарыстанне пазачасавых сінтаксічных канструкцый сказа. Гэтаму ў найбольшай ступені адпавядаюць іменныя

сказы, якія супрацьпастаўлены дзеяслоўным сказам (як дзве процілеглыя сінтаксічныя формы). Іменныя сказы не ўжываюцца для апісання канкрэтных фактаў, адлюстроўваюць толькі “абсалютныя ісціны” (па-за сувяззю з часам, асобай і абставінамі), таму ў найбольшай ступені, паводле Э. Бенвеніста, падыходзяць для такіх відаў выказванняў, як “выслоўі” і “прыказкі” (ды імі і абмяжоўваюцца, напр.: *Гаспадарка – кланатарка; Грошы – вада; Зямля – маці, а праца – бацька; Сірата – дурата; Цярпенне – усё, яно – бязмежнасць (Я. Колас)*; тое самае і ў іншых мовах: руск. *Грех сладко, а человек падко* (уст.); *Язык мой – враг мой; Обычай деспот меж людей (А.С. Пушкин); Природа – сфинкс (Ф.И. Тютчев)*; польск. *Dobra rada, lepsza potoc; Dobra sprawa – prędko odprawa; Ludzkość – ohydna banda!* (S.I. Witkiewicz); англ. *Like father, like son* (“Добры бацька, добры сын”); ням. *Ehestand Wehestand* (“Брак – гора”) і да т.п. Менавіта “іменны сцвярдзальны сказ, унутрана закончаны, ставіць выказванне па-за якой бы там ні было часовай ці мадальнай лакалізацыяй або суб'ектыўнай сувяззю з моўнікам” [24, с. 176].

Паводле меркавання Ю. С. Сцяпанавы, лакацыя (абстрактная адносін чалавека да месца і часу маўлення) разам з двума іншымі тыпамі абстракцыі, намінацыяй і прэдыкацыяй, з'яўляецца асновай развіцця намінацыйнай, сінтаксічнай і прагматычнай функцый мовы і характарызуе яе цалкам як сродак зносін, пазнання і ўздзеяння [25]. На наш погляд, існаванне бездзяслоўных сказаў як праўленне намінацыі на сінтаксічным узроўні мовы сведчыць аб тым, што прэдыкацыя (як сцвярджэнне пазачасовай сувязі аб'ектаў або іх прымет) можа быць цалкам незалежнай ад лакацыі (моўнай абстракцыі адносін чалавека да месца і часу маўлення, што вызначаецца трыадай “я – тут – зараз”). А гэта, у сваю чаргу, азначае, што ў глотогенезе намінацыя і прэдыкацыя папярэднічалі лакацыі (у межах трох тыпаў моўнай абстракцыі, у сэнсе Ю. С. Сцяпанавы), паколькі толькі ў дзяслоўных сказах спалучаюцца фармальныя паказчыкі і сэнсы ўсіх трох спосабаў моўнай абстракцыі – да прэдыкацыі дадаецца лакацыя праз намінацыю як паказчык спосабу быцця (праз дзяслоў ці іншыя лексічныя сродкі выражэння тэмпаральнасці, аспектуальнасці, персанальнасці).

Як вядома, формы прэдыкацыі ў выглядзе злучэння двух імёнаў найбольш старажытныя і настолькі, паводле Э. Бенвеніста, “усеагульныя”, што лягчэй было б пералічыць кан-

крэтных мовы, у якіх яны з цягам часу зніклі, напрыклад, сучасныя флектыўныя заходне-еўрапейскія мовы [24, с. 167]. Аднак і ў гэтых мовах іменныя сказы захаваліся ў прыказках. Так, у беларускай мове (як і ў іншых мовах – рускай, польскай, англійскай, нямецкай) прыказкі з сінтаксічнай формай іменнага сказа, якія ўжываюцца дагэтуль [26; 27; 28; 29; 30], маюць даўняе паходжанне і з’яўляюцца прыкладамі калісьці вельмі прадуктыўнай сінтаксічнай мадэлі сказа.

Прыказкі, якія ўсе з’яўляюцца па сваёй сінтаксічнай форме абстрактнымі сказамі, істотна адрозніваюцца ад іншых устойлівых фраз сваім абагульнена-ўніверсальным значэннем, займаюць адметнае месца ў межах сінтаксічнага узроўню мовы, утвараюць асобную падсістэму адзінак (народных афарызмаў) і, дзякуючы гэтаму, вывучаюцца ў межах асобнай лінгвістычнай дысцыпліны – парэміялогіі [31; 32; 33], у тым ліку і ў беларусістыцы, дзе парэміялогія ўпершыню была тэарэтычна абгрунтавана як асобны раздзел мовазнаўства [34]. Менавіта парэміялогія была ў свой час абавязана сваім узнікненнем і развіццём лінгвістычна афарыстыка, паколькі прыказка з’яўляецца найбольш частотным і найбольш старажытным класам устойлівых афарыстычных адзінак.

Заклучэнне

Даследаванне паказала, што ўсе без выключэння афарыстычныя адзінкі (і свабодныя, і ўстойлівыя) належаць сінтаксічнаму ўзроўню мовы, паколькі па сваёй сінтаксічнай будове з’яўляюцца сказамі і спалучаюцца толькі са сказамі, разам з якімі ўтвараюць тэксты розных відаў і жанраў.

Сінтаксічнай формай афарыстычных адзінак з’яўляецца абстрактны сказ, які характарызуецца спецыфічнай сінтаксічнай семантыкай (змяшчае сцвярджэнні, што маюць абагульнена-ўніверсальны змест) і спецыфічнымі фармальнымі сродкамі яе адлюстравання (формамі часу дзеясловаў і ліку назоўніка ў другасных значэннях пазачасавасці і ўсеагульнасці).

Абстрактны сказ у выглядзе іменнага сказа з’яўляецца адной з найбольш старажытных форм прэдыкацыі. Можна сцвярджаць, што першыя выказванні з сінтаксічнай формай двухсастаўнага сказа былі пабудаваны па мадэлі іменнага сказа, г.зн. былі абагульнена-ўніверсальныя па змесце (афарыстычныя). Пасля, з развіццём лакацыі як трэцяга спосабу

моўнай абстракцыі, абстрактны сказ як асноўны семантычны від пазасітуацыйных сказаў стаў будавацца на падставе граматычных форм у другасных значэннях, заняў сталае месца ў сінтаксічнай падсістэме мовы і пачаў рэгулярна выкарыстоўвацца для пабудовы свабодных і ўстойлівых выказванняў абагульнена-ўніверсальнага зместу (афарыстычных адзінак).

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Королькова, А. В.* Русская афористика / А. В. Королькова. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 344 с.
2. *Королькова А. В.* Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.
3. *Іваноў, Я. Я.* Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
4. *Іваноў, Я. Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
5. *Шарманова, Н. М.* Украінська афористика: структурно-семантичний та функціональний аспекти / Н. М. Шарманова. – Харків : Харківський національний ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2005. – 217 с.
6. *Trębska-Kerntopf, A.* Aforyzm w nauczaniu języka polskiego jako obcego / A. Trębska-Kerntopf. – Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015. – 465 s.
7. *Тяпкина, А. С.* Устойчивые дефинитивные афоризмы английского языка (функционально-семантический аспект) / А. С. Тяпкина. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1975. – 181 с.
8. *Еленевская, М. Н.* Структура и функции афоризма (на материале английского языка) / М. Н. Еленевская. – Ленинград : ЛГУ, 1983. – 190 с.
9. *Манякина, Т. И.* Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка) / Т. И. Манякина. – Киев : КГУ, 1981. – 230 с.
10. *Ваганова, Е. Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности (на материале немецкого языка) / Е. Ю. Ваганова. – Калининград : Аксиос, 2010. – 166 с.
11. *Туманова, Е. О.* Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка : лингвокультурологический аспект / Е. О. Туманова. – М. : МПГУ, 2012. – 293 с.
12. *Шумакова, А. П.* Французский афоризм как текст / А. П. Шумакова. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. – 241 с.
13. *Іваноў, Я. Я.* Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.

14. **Иванов, Е. Е.** Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Куляшова, 2016. – 156 с.
15. **Гаврин, С. Г.** Афористическая фразеология как лингвистическая категория / С. Г. Гаврин // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. – 1971. – Т. 87. – С. 3–23.
16. **Пермяков, Г. Л.** К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору : сб. статей / сост.: Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
17. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
18. **Норман, Б. Ю.** Псевдовысказывания как лингвистический феномен (на материале славянских языков) / Б. Ю. Норман // Вестник Московского ун-та. Сер. 9, Филология. – 2010. – № 1. – С. 32–53.
19. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
20. **Гаврилова, Е. Н.** Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения / Е. Н. Гаврилова // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56–62.
21. **Шмарина, В. И.** Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения (на материале английского языка) / В. И. Шмарина. – М. : МГПИ, 1975. – 166 с.
22. **Лосев, А. Ф.** Языковая структура / А. Ф. Лосев. – М. : МГПИ, 1983. – 374 с.
23. **Адмони, В. Г.** Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 151 с.
24. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 362 с.
25. **Степанов, Ю. С.** Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. – 1973. – Т. 32. – Вып. 4. – С. 340–355.
26. **Иванов, Е. Е.** Русско-белорусский словарь пословиц : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : Брама, 2001. – Ч. 1. – 144 с. ; Ч. 2. – 164 с.
27. **Иваноў, Я. Я.** Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я. Я. Іваноў, Н. К. Раманава. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 108 с.
28. **Иванова, С. Ф.** Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 192 с.
29. **Иванов, Е. Е.** Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокленко. – Могилев : МГУ имени А. А. Куляшова, 2007. – 242 с.
30. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
31. Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : URSS ; Ленанд, 2015. – 294 с.
32. Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
33. Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
34. **Лепешаў, І. Я.** Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2006. – 279 с.

Паступіў у рэдакцыю 7.05.2024 г.

Кантакты: ivanov_ee@msu.by (Іваноў Яўген Яўгенавіч)

Ivanou Y. Y. SYNTACTIC FORM OF APHORISTIC UNITS

The article examines the syntactic form of aphoristic units, which are opposed to all other units of the syntactic level of the language. According to their syntactic form, aphorisms are abstract sentences. Such sentences have specific syntactic semantics (they contain statements characterized by generalized-universal content). The content of abstract sentences is reflected by specific formal means (tense forms of verbs and forms of the number of nouns in the secondary meanings of timelessness and universality).

Keywords: aphoristic unit, syntactic level of language, abstract sentence, universal, timeless.

УДК 811.161.1'271.2

КОНКУРЕНЦИЯ ВАРИАНТОВ ФОРМЫ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ**Е. А. Болтовская**

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова;
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

В статье излагаются результаты исследования конкурирующих в современном русском языке вариантов формы именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода, называющих лиц по профессии, занятию, роду деятельности. На основе сопоставления данных, полученных на материале Национального корпуса русского языка, и анкетных данных, собранных среди студенческой молодежи, выявляются и характеризуются произошедшие с середины XX в. по настоящее время изменения в узальном употреблении дублетных форм рассматриваемых предметных слов. Результаты исследования могут найти применение в преподавании культуры речи, морфологии, истории русского литературного языка.

Ключевые слова: динамика грамматической нормы, конкуренция грамматических вариантов, форма именительного падежа множественного числа одушевленных имен существительных.

Введение

Неустойчивость морфологической нормы и вариантность падежных форм склоняемых существительных давно интересует исследователей, однако эта проблема по-прежнему актуальна в силу изменчивости норм и необходимости их описания с учетом наблюдения над узальным словоупотреблением.

Рассмотрев ранее изменения в кодификационном статусе вариантов форм именительного падежа множественного числа имен существительных, обозначающих лиц по профессии и роду деятельности, мы пришли к выводу о том, что для большинства из них, по данным лексикографических источников середины XX – начала XXI в., сохраняется конкуренция дублетов с преобладанием в разной степени варианта на *-ы* (*лекари – лекаря, корректоры – корректора, пекари – пекаря, фельдъегери – фельдъегеря, шкиперы – шкипера*). По поводу нормативного варианта среди некоторых пар (*писари – писаря, тенора – теноры*) мнения лексикографов про-

тиворечивы, сведения об употреблении в иско-мой форме лексемы *дьякон* немногочисленны [1, с. 18–19]. Следовательно, для определения динамики вариантности актуальным является рассмотрение использования этих дублетов непосредственно в речевой практике.

Цель статьи – на основе сопоставления данных, извлеченных из основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorgpora.ru/new/>] (далее – НКРЯ), и данных, почерпнутых из анкет обучающихся на филологических специальностях студентов, выявить и охарактеризовать изменения в развитии (сохранение или сокращение) вариантности дублетных форм именительного падежа множественного числа одушевленных имен существительных мужского рода, называющих лиц по профессии.

Поставленная цель достигалась с помощью таких методов исследования, как описательный метод, частичный морфологический анализ отобранных путем сплошной выборки из НКРЯ словоформ, метод анкетирования, количественный метод.

Основная часть

Материалом для исследования послужили сведения, извлеченные из ортологических источников, а также примеры из текстов, размещенных в основном и газетном подкорпусах НКРЯ, и результаты анкетирования студентов, которые обучаются на филологических специальностях в двух белорусских университетах.

В процессе поиска релевантных примеров из НКРЯ нами вручную проводилось разграничение грамматической омонимии форм на *-а/-я*, которые могут выражать значение именительного падежа множественного числа и родительного/винительного падежа единственного числа для одушевленных существительных.

По нашим наблюдениям, в паре *дьяконы – дьякона* количественно преобладает первый дублет: в основном подкорпусе с 1782–1789 по

2015 г. обнаружено 98 текстов с вариантом *дьяконы* и 24 – с вариантом *дьякона* (напр., *О чем-то переешептываются дьяконы...* [Г. Александров. За архиерейской службой (Впечатления и мысли) (1945.01) // Журнал Московской Патриархии, № 01, 1945]; *Какие все-таки гонимые стали получать голосистые дьякона*. [Н. П. Окунев. Дневник Москвича (1920)]; *Это одно из самых потрясающих переживаний жизни, когда человек, поставляемый в дьякона, впервые проходит грань царских врат*. [митрополит Антоний (Блум). О таинствах (1995)]; в газетном подкорпусе с 1996 по 2021 г. имеется 25 текстов с вариантом *дьяконы* (напр., *Хор растягивал византийское пение, а дьяконы чинно шествовали с огромными белыми свечами*. [Денис Алексеев. Вифлеемское торжество // Независимая газета (приложение «НГ-Религии»), 12.01.2000]) и 3 – с вариантом *дьякона*, причем все они употреблены в устойчивой конструкции с предлогом *в* (*рукоположить в дьякона* (2019, 2020, 2021)) и значением трансформации в профессиональном статусе лица.

Отдельно следует упомянуть об устойчивых конструкциях, в которых форма именительного падежа множественного числа совпадает с формой винительного падежа, как у неодушевленных существительных: «Отклонением от общего правила выражения одушевленности являются формы вин. п. мн. ч. существительных – названий лиц по социальному положению, занятию, должности, в конструкциях, обозначающих приобщение ко множеству лиц; в таком употреблении вин. п. одушевленных существительных совпадает с им. п.: *идти в солдаты, в грузчики; взять в работники, в няньки...*» [2, с. 174]; «Имена существительные одушевленные при глаголах, обозначающих переход в другое положение, включение в какую-нибудь категорию лиц, при употреблении с оттенком собирательности в конструкции с предлогом *в* имеют во множественном числе винительный падеж, сходный с именительным, напр.: *вступить в члены общества; произвести в майоры*» [3, с. 106]. И. Г. Милославский предлагает называть подобный падеж «превратительным», так как «признать этот набор именительным падежом – значит допустить возможность употребления именительного после предлога и в крайне необычной синтаксической функции» [4, с. 77], а формальное выражение винительного падежа множественного числа у одушевленных существительных совпадает с родительным падежом множественного числа.

Самой распространенной из подобных предложно-падежных форм в отношении лексем *дьякон* до сих пор является *рукоположить в дьяконы* (12 употреблений в газетном подкорпусе, 5 – в основном), *рукоположить в дьякона* (3 употребления в газетном подкорпусе, 5 – в основном). Также были найдены следующие сочетания под управлением глагольных форм и отглагольных существительных: *посвятить/посвящать в дьяконы* (1866, 1871, 1896), *в дьякона* (1879, 1883–1888, 1912, 1915, 1913–1932); *посвящение в дьяконы* (1832, 1873); *быть посвященным в дьякона* (1859); *поставить/поставлен в дьяконы* (1871–1874, 1885); *поставляемый в дьякона* (1995); *поступить/поступать во дьяконы* (1882), *в дьякона* (1924); *постричь в дьяконы* (1952); *постригаться в дьяконы* (1952); *уходить в дьяконы* (1905); *пойти в дьяконы* (1878); *производство в дьяконы* (1890–1895); *попасть во дьяконы* (1822); *подготовка в дьякона* (1916); *возводить в дьякона* (1899); *из попов в дьякона* (1891, 1921); *во дьяконы* (1820); *в дьякона* (1865).

В паре *писари – писаря* в основном подкорпусе с 1720 по 2011 г. со значительным отрывом доминирует второй вариант: дублет *писари* встретился в 58 текстах (напр., *У кого это не получилось, тому писари сами придумывали фамилии, нередко очень обидные*. [А. В. Суперанская. Из истории фамилий // «Наука и жизнь», 2007]), из них в 9 примерах – в составе устойчивой конструкции с предлогом *в* (напр., *перевести, зазывать, назначать в писари*), а вариант *писаря* обнаружен в 197 текстах (напр., *Начальник мастерских, писаря, кладовщики, оружейные мастера жили на частных квартирах*. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)], из них в 43 примерах в составе конструкции, где именительный падеж совпадает с винительным (напр., *зачислить, выбрать, взять, отдать, идти, произвести, путь, кандидат в писаря*). Однако активную конкуренцию этих коррелятов можно наблюдать в текстах, созданных с середины XIX до середины XX в., когда чаще употреблялся вариант на *-я*. Если же говорить о временном отрезке с середины XX в., то количество вариантов почти одинаковое (29 на *-я* и 25 на *-и*). Результаты из газетного подкорпуса демонстрируют доминирование в современном узусе варианта на *-и*: с 1997 по 2017 г. с ним обнаружено 13 текстов, тогда как с его дублетом только 2, и то в первом из примеров речь идет об устойчивой конструкции, а во втором – об описании устройства общины вре-

мен П. А. Столыпина, т. е. конца XIX – начала XX в., когда было острое столкновение дублетов: *Да сколько бы тысяч новобранцев ни отдать этой системе, они будут **определены** в охранники или в писаря...* [Кадры решают все // Труд-7, 25.10.2001]; *Внутри же общины существовал свой выборный мини-аппарат управления: староста, «сотские» (т. е. полция), казначей, **писаря**.* [Урожайность фермерских хозяйств в России в 1914 г. на 15 % превышала среднюю. Трагедия Столыпина // Аргументы и факты, 1991.11.04].

Если говорить о коррелятах *теноры* – *тенора*, то с явным количественным перевесом побеждает последний. В основном подкорпусе с 1830–1870 по 2014–2016 г. был обнаружен всего в 11 текстах вариант на *-ы* и в 95 текстах вариант на *-а* (с середины XX в. дублет *теноры* встретился в 4 текстах, *тенора* – в 38): **Теноры** *напевают мелодию, басы подпевают, –обычай, который русские переняли, наверно, из церковного песнопения.* [Г. М. Коваленко, В. Г. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской (2007)]; *Еще бывают счастливые **тенора**, а я не тенор и вы тоже...* [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)]. В газетном подкорпусе с 1985 по 2019 г. иные результаты: в 54 текстах найден вариант на *-ы*, в 41 тексте – его коррелят на *-а* (последний в 11 случаях употреблялся в названии проекта «Тенора XXI» и при подсчете учитывался 1 раз): *Все **теноры**, с которыми я работал, показывали мне партию Ленского, а также Герцога из «Риголетто» Верди.* [«Русские певцы – лучшие, у них фантастическая экспрессия» // Известия, 07.05.2015]; *Напротив, **тенора** были облачены в белые рубашки и черные костюмы.* [Парад китов // Коммерсант, 02.09.2005]; – *Будете ли вы кооперировать деятельность вашего личного проекта «**Тенора XXI** века» и «Новой оперы» в этом сезоне?* [Ярослав Тимофеев. В апреле Юрий Любимов приступит к репетициям «Школы жен» // Известия, 27.08.2013].

В вариантной паре *фельдъегери* – *фельдъегеря* продолжается активное столкновение. Так, с 1780–1814 по 2013 г. форма именительного падежа множественного числа *фельдъегери* выявлена в 25 текстах основного подкорпуса, а форма *фельдъегеря* обнаружена в 19 текстах: *Из окна было видно, как галопируют **фельдъегери** и подкатывают к Зимнему, грузно колыхаясь, дворцовые экипажи, от всех прочих отличимые сразу – кучер в ливрее, на лошадях шоры.* [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)]; *Потом ехали лесоторговцы, чиновники, **фельдъеге-***

ря, ревизоры, курьеры – тридцать пять тысяч одних курьеров. [М. Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013]. В газетном подкорпусе, по нашим подсчетам, форма *фельдъегери* встречается с 1997 по 2021 г. в 13 текстах, а форма *фельдъегеря* – в 22 текстах: **Фельдъегери** *осуществляют доставку корреспонденции по более чем 100 постоянно действующим маршрутам.* [День 17 декабря в истории // Парламентская газета, 2021.12.17]; **Фельдъегеря**, *которые доставляют корреспонденцию на машинах, будут освобождены от платы за парковку.* [Фельдъегерей могут освободить от платы за парковку // Парламентская газета, 2019.01.15]; *Но отцу с сыном пришлось уйти ни с чем: **в фельдъегеря** берут либо выпускников вузов, либо старшекурсников.* [«Настоящий мужчина – фельдъегерь» // Известия, 23.05.2003].

Д. Э. Розенталь считает, что дублеты *корректоры* – *корректора* стилистически дифференцированы: вариант *корректоры* является книжным, а *корректора* – разговорным [5, с. 196]. К. С. Горбачевич, приводя в пример формы *бухгалтера*, *корректора*, упоминает о том, что, несмотря на их массовость и «даже нормативное признание», подобные варианты «производят впечатление второсортности, стилистической сниженности. Причем даже проникновение их из профессиональной речи в художественную литературу не может служить надежным доказательством стилистической равноценности новообразований на *-а* (*-я*) и традиционных форм на *-ы* (*-и*)» [6, с. 189].

Полисемант *корректор*, выступая в форме именительного падежа множественного числа, в большинстве искомых нами контекстов является названием лиц по профессии (в основном подкорпусе вариант на *-ы* с 1806–1809 по 2017 г. встречается в 46 текстах, вариант на *-а* с 1891 по 2011 г. – в 7 текстах; в газетном подкорпусе вариант на *-ы* с 1996 по 2021 г. встречается в 44 текстах (например, *Спорят **корректоры** и лингвисты, спорят мамы и сыновья... Интернет породил явление массового пренебрежения языковой нормой, т. е. того, что еще совсем недавно считалось незыблемым. И, чтоб не рассориться, выход один: допустить вариативность.* [Наталья Островская. Профессор словесности Максим Кронгауз: «Интернет прожил самую приятную – хулиганскую – пору детства» // Комсомольская правда, 20.12.2011]), вариант на *-а* в 2014 г. – 1 раз (*Все мы, венцы природы, независимо от национальности и политической принадлежности, от пола и от профессии, Президенты и сантехники, журна-*

листы, редактора, корректора... [Александр Мешков. Ковыряние в носу: правда и вымыслы // Комсомольская правда, 10.06.2014]), а в тех случаях, когда он называет приспособления, устройства и употребляется как неодушевленное существительное, обнаружен только дублет на -ы (в основном подкорпусе – в 7 текстах, в газетном – в 15). В предложно-падежной форме дублеты использовались в таких конструкциях, как *перевести в корректоры* (1995, 2000, 2012), *уйти в корректоры* (2012) и *в корректора* (2011): *Постепенно, однако, теряя силы и статус: из редакторов – в корректора, из корректоров – в архивисты...* [О. В. Абакумова. Мелодии вечного сна // «Волга», 2011].

По данным, представленным в основном подкорпусе, вариант *лекари* употребляется с 1721 по 2000 г. в 126 текстах (в том числе *произведенный в лекари* (1771), *произведение в лекари* (1787), *посвящение в лекари* (1838), *произведен в лекари* (1951)), а его дублет *лекаря* с 1782 по 2013 г. обнаружен в 74 текстах (в том числе *сколько годных в лекаря* (1812–1817), *проситься в лекаря* (1812–1817), *отдаваться в лекаря* (1838), *учиться в лекаря* (1877), *переседать в лекаря* (1879–1881), *идти в лекаря* (1949), *в лекаря* (1892): *Если в лекаря противно, или бы в министры*. [А. П. Чехов. Палата № 6 (1892)]). В газетном подкорпусе вариант *лекаря* найден в одном тексте, и то в виде цитаты из уст людей, принадлежащих к непривилегированным сословиям, или, как мы выразились бы сейчас, пользуясь современной терминологией, от лица носителей просторечного типа речевой культуры (*В Тамбове, Севастополе, на военных поселениях в Новгородской губернии истеричные толпы черни и взбунтовавшихся солдат громили полицейские участки и казенные больницы. Последние – за то, что «лекаря простых людей травят»*). [Смертность от нелеченной холеры – 50–70 %. У-у, холера! // Аргументы и факты, 1995.06.21]), а вариант *лекари* – в 131 тексте (в том числе *пойти в лекари* (1999)):

напр., *Лекари Руси, бывало, парили отвар всю ночь напролет в печи*. [Избавимся от экземы // Аргументы и факты, 1999.12.22].

В «Грамматике – 1970» варианты *пекари – пекаря* квалифицируются как стилистически равнозначные [7, с. 382]. Корпусные данные свидетельствуют о сокращении вариантности среди дублетов *пекари – пекаря* с явным количественным перевесом в сторону варианта с флексией *-и*. Если в основном подкорпусе с 1888 по 2015 г. форма на *-и* была найдена в 41 тексте (в том числе *податься в пекари* (1965–1994)), а форма на *-я* с 1904 по 2004 г. – в 28 текстах, то в газетном подкорпусе с 1991 по 2021 г. форма на *-и* обнаружена в 160 текстах (в том числе *идти в пекари* (2001)), а форма на *-я* всего в одном (при этом поданная в виде цитаты, состоящая в составе устойчивой конструкции, что, возможно, и обусловило ее применение в данном контексте): *А. Макашов: «В кризисе российской армии виноваты призывники, которые, вместо того чтобы идти служить в боевые части, идут в повара да пекаря»*. [Политическое казино. Зюганов надеется на генерала Мороза // Аргументы и факты, 1996.10.23].

Такая же ситуация с угасанием вариантности в пользу варианта с флексией *-ы* наблюдается в паре *икиперы – икипера*. Так, если в основном подкорпусе с 1826 по 2015 г. дублет на *-ы* был найден в 16 текстах, а дублет на *-а* с 1822 по 2014 г. – в 21 тексте (в том числе *идти в икипера* (1871)), то в газетном подкорпусе с 1998 по 2020 г. вариант на *-а* отсутствует, а его дублет на *-ы* обнаружен в 14 текстах: напр., *Будущие икиперы соревнуются в тонкостях навигации и знании географии*. [Морскую элиту проверили в деле // Vesti.ru, 18.09.2006].

В силу того что лексикографические источники, к которым мы обращались в предыдущей работе [см. 1], были изданы со второй половины XX в. по настоящее время, отдельно в табл. 1 представлены количественные корпусные данные, охватывающие этот временной промежуток.

Таблица 1 – Употребление вариантных форм именительного падежа множественного числа существительных, называющих лиц по профессии, в текстах основного и газетного подкорпусов НКРЯ с 50-х гг. XX в. по 20-е гг. XXI в., в %

Дублеты	Вариант на -ы/-и	Вариант на -а/-я
<i>дьяконы – дьякона</i>	93,8	6,2
<i>корректоры – корректора</i>	95	5
<i>лекари – лекаря</i>	96	4
<i>пекари – пекаря</i>	95,3	4,7
<i>писари – писаря</i>	55,1	44,9
<i>теноры – тенора</i>	42,3	57,7
<i>фельдъегери – фельдъегеря</i>	44,7	55,3
<i>икиперы – икипера</i>	76,9	23,1

Полученные корпусные данные можно сопоставить с результатами анкетирования, проведенного в марте 2024 г. среди студентов, обучающихся на филологических специальностях в Белорусском государственном университете (69 чел.) и Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова (51 чел.). Респондентам было предложено без обращения к лексикографическим источникам определить и подчеркнуть нормативный(-ые) для современного русского языка вариант(-ы) формы именительного падежа множественного числа. Ограничения в использовании одного из вариантов предлагалось указывать с помощью помет *устар.*, *разг.*, *прост.*, *спец.* и др. Подавляющее большинство предложенных опрашиваемыми помет было связано с формой на *-а/-я*. Так, 12 человек ограничили в употреблении вариант *лекаря*: 11 человек его признали устаревшим, 1 – специальным. В отношении варианта *дьякона* было сделано 11 помет: *устар.* – 5,

спец. – 3, *разг.* – 2, *прост.* – 1. Вариант *шкитера* 7 человек поместили как *спец.*, 1 – как *разг.*, 1 – как *устар.* Вариант *фельдъегеря* 4 человека посчитали устаревшим, 3 – специальным, 2 – разговорным. Дублет *корректора* 3 человека определили как разговорный, 2 – как специальный, 1 – как просторечный. По поводу дублета *пекаря* были сделаны разные пометы: 1 – *разг.*, 1 – *устар.*, 1 – *спец.*, 1 – *прост.* Вариант *писаря* 7 человек определили как устаревший, 1 – как разговорный, 1 – как специальный. Дублет *редактора* получил следующие пометы: 2 – *разг.*, 2 – *спец.*, 1 – *прост.* Вариант *тенора* 3 человека определили как специальный, 1 – как просторечный. Вариант *дайвера* 4 человека сочли специальным, 1 – разговорным. Единичны пометы в отношении формы на *-ы/-и*. Так, 1 человек признал вариант *фельдъегери* разговорным, 1 человек такого же мнения о варианте *шкитеры*, 1 человек – о варианте *дайверы*, 1 человек посчитал вариант *дайверы* устаревшим.

Таблица 2 – Употребление вариантных форм именительного падежа множественного числа существительных, называющих лиц по профессии, в речи белорусских студентов, обучающихся на филологических специальностях, в %

Дублеты	Только вариант на <i>-ы/-и</i>	Только вариант на <i>-а/-я</i>	Оба варианта	Отказ от ответа
<i>дайверы – дайвера</i>	81,7	15,8	2,5	0
<i>дьяконы – дьякона</i>	92,5	5	1,7	0,8
<i>корректоры – корректора</i>	97,5	0,8	1,7	0
<i>лекари – лекаря</i>	95,8	3,4	0,8	0
<i>пекари – пекаря</i>	97,5	1,7	0,8	0
<i>писари – писаря</i>	95,8	0,8	3,4	0
<i>редакторы – редактора</i>	90	5	4,2	0,8
<i>теноры – тенора</i>	76,7	14,2	9,1	0
<i>фельдъегери – фельдъегеря</i>	73,3	19,1	4,2	3,4
<i>шкитеры – шкитера</i>	89,2	7,5	2,5	0,8

Заключение

Таким образом, по сведениям, извлеченным из основного и газетного подкорпусов НКРЯ, можно сделать вывод о том, что продолжается активное столкновение дублетов *теноры – тенора*, *фельдъегери – фельдъегеря* с незначительным количественным перевесом в сторону варианта на *-а/-я*, *писари – писаря* – с небольшим количественным преобладанием варианта на *-и*. Доминированием дублета на *-ы/-и* фактически завершилась конкуренция в парах *лекари – лекаря*, *пекари – пекаря*, *корректоры – корректора*, *дьяконы – дьякона*, значительно сократилась конкуренция в паре *шкитеры – шкитера*. При этом в современной письменной речи возможно употребление любого из вариантов в устойчивых конструкциях с предлогом *в* (например, *рукоположить в дьяконы/дьякона, уйти в корректоры/корректора, идти в пекари/пекаря*).

Результаты, полученные путем анкетирования, свидетельствуют об угасании конкуренции в парах *корректоры – корректора*, *пекари – пекаря*, *лекари – лекаря*, *писари – писаря*, *дьяконы – дьякона*, *редакторы – редактора*, *шкитеры – шкитера* с победой варианта на *-ы/-и* и о сохранении конкурентной борьбы коррелятов *теноры – тенора*, *фельдъегери – фельдъегеря*, *дайверы – дайвера* с тенденцией к доминированию варианта на *-ы*. Однозначный выбор одного из вариантов, а не их сохранение в качестве конкурирующих характерен для большинства респондентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Болтовская, Е. А.* Кодификационный статус вариантов форм именительного падежа множественного числа имен существитель-

ных мужского рода / Е. А. Болтовская // ФИЛОЛОГОС. Журнал Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. – 2024. – № 1 (60). – С. 12–20.

2. Краткая русская грамматика / В. Н. Белюсов [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.

3. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Академия наук СССР, Институт языкознания ; редколлегия В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.

4. **Милославский, И. Г.** Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : URSS : Либроком, 2020. – 253, [1] с.

5. **Розенталь, Д. Э.** Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати / Д. Э. Розенталь. – 5-е изд., испр. – М. : Книга, 1989. – 320 с.

6. **Горбачевич, К. С.** Нормы современного русского литературного языка : пособие для учителей / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1978. – 240 с.

7. Грамматика современного русского литературного языка / Академия наук СССР, Институт русского языка ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 768 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

Контакты: boltovskaia@msu.by (Болтовская Елена Александровна)

***Boltovskaya E. A.* COMPETITION OF VARIANTS OF THE PLURAL NOMINATIVE CASE FORM OF NOUNS NAMING PERSONS BY PROFESSION**

The article presents the results of the study of competing variants of the plural nominative case form of masculine nouns naming persons by profession and occupation in modern Russian language. On the basis of comparison of the data provided by the National Corpus of the Russian Language and questionnaire data collected among students, the changes in the usual use of the doublet forms of the words under consideration are revealed and characterized since the middle of the XX century up to the present time. The results of the study can be used in teaching speech culture, morphology, history of the Russian literary language.

Keywords: dynamics of grammatical norm, competition of grammatical variants, nominative case of plural form of animate nouns.

УДК 811.111'276

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА»
В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛЕНГИЗМОВ, ВОЗНИКШИХ В XXI ВЕКЕ)**

Е. В. Рубанова

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

На материале английского сленга рассмотрены особенности объективации концепта «женщина» с учетом различных когнитивных признаков, отражаемых в семантике сленгизмов, возникших в период 2000–2023 гг. Проведенный анализ позволил выявить особенности формирования в XXI веке представлений о фемининности сквозь призму сленга, создателями которого традиционно считаются мужчины.

Ключевые слова: концепт «женщина», фемининность, когнитивный признак, английский сленг, предсказуемость смысла.

Введение

Сленг отражает менталитет тех, кто его создает и использует. В данной статье выявляются особенности объективации концепта «женщина» сквозь призму сленга, создателями которого традиционно считаются представители мужского пола. Еще Стюарт Б. Флекснер, американский лексикограф и исследователь происхождения американских слов и выражений, в предисловии к «Словарю американского сленга», впервые опубликованному в 1960 г., отмечал, что «большая часть американского сленга создается и используется мужчинами. Множество видов сленговых слов – в том числе табуированные и категорические, уничижительные, относящиеся к сексу, женщинам, работе, деньгам, виски, политике, транспорту, спорту и т.п., относятся в первую очередь к мужским стремлениям и интересам» (перевод наш. – Е. Р.) [1, с. 12]. Он также отмечал, что в силу традиционных социальных ролей женщины ограничены общением в семье и ближайшем окружении. Даже новые названия женской одежды, причесок, дома, кухонной утвари и гаджетов, по мнению известного лексикографа, обычно создаются мужчинами. Среди основных женских социальных групп, вносящих вклад в американский сленг, Стюарт Б. Флекснер называет стюардесс, работниц салонов красоты, хористок, медсестер, прости-туток и официанток [1, с. 12].

Среди более современных взглядов на гендерный состав создателей сленга можно отметить идеи Арина Л. Гроссмана и Джоан С. Такер, которые для исследования сленгизмов, используемых для обозначения понятий «мужчина» и «женщина», привлекли 30 студентов мужского пола и 30 студентов женского пола. Несмотря на вывод о том, что гендерные отличия в знании и использовании сленга снижаются («may be narrowing»), исследователи констатируют, что больше сленгизмов фиксируется у испытуемых представителей мужского пола, а также большее количество сленгизмов отмечается для обозначения представительниц женского пола, а не мужского [2].

Таким образом, выявление особенностей объективации концепта «женщина» в английском языке требует изучения не только номинаций литературного языка, но и сленга как отдельной подсистемы субстандарта. Сленговые номинации представительниц женского пола являются неотъемлемой частью репрезентации концепта «женщина» национального языка. Для полного представления структуры и содержания концепта «женщина» необходим учет не только языкового материала стандарта, но и социально и культурно ограниченных областей языка, что обуславливает актуальность настоящего исследования с учетом рассмотрения новой лексики английского сленга, возникшей в начале XXI века.

Основная часть

Как известно, пристальное изучение концептов в лингвистике связано с развитием когнитивного направления. Когнитивная лингвистика сформировалась в 1980–1990-х гг. Фундамент данного направления заложили такие известные лингвисты, как Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконье [3, с. 13].

Среди когнитивных исследований значительное место занимают работы по изучению различных концептов. По определению, данному в «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е. С. Кубряковой, «кон-

цепт (*concept*; *Konzept*) – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. В процессах мышления человек оперирует концептами, которые отражают содержание результатов человеческой деятельности и познания мира в виде неких “квантов” знания. Концепты возникают в процессе структурирования информации как об объективном положении дел в мире, так и о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах» [4]. Несмотря на то что в когнитивных работах нет единого подхода к трактовке понятия концепта, это не останавливает современных лингвистов от изучения данного явления.

Концепт «женщина» является базовым концептом. По мнению О. А. Чибышевой, на развитие и содержание данного концепта влияют культурно-исторические, социально-экономические и естественнонаучные факторы, которые обуславливают универсальные и национально-специфические характеристики концепта [5, с. 6]. В связи с этим закономерно стремление лингвистов к анализу концепта «женщина» как в отдельных языках (Л. В. Адонина в русском языке, О. Ю. Шишигина в английском языке, А. А. Альварес Солер в испанском языке, Ф. Б. Мухумдинова во французском языке, У. В. Паутова в сербскохорватском языке), так и на материале двух (русского и английского языков – О. А. Чибышева, А. В. Артемова, Г. Ш. Хакимова, К. С. Волошина, русского на фоне китайского – Лю Бо, русского и казахского – М. С. Досимова) и более языков (французского, русского, английского и немецкого – А. В. Коногорова, лакского, русского и английского – З. М. Рамазанова, русского, немецкого и казахского – Г. К. Исмагулова, русского, французского и кабардино-черкесского – З. В. Черкесова, русского, китайского, бурятского и монгольского – С. Ц. Дашиева) языков.

Концепт «женщина» активно анализируется не только на материале различных языков, но и с привлечением различного языкового материала, отобранного из лексикографических источников, художественных, публицистических текстов, национальных корпусов. Чаще всего для описания концепта «женщина» используется фразеологический фонд языка (см. диссертации О. А. Чибышевой, О. Ю. Шишигиной, А. В. Артемовой, А. В. Коногоровой,

Г. Ш. Хакимовой, К. С. Волошиной, З. М. Рамазановой), включая различные типы фразеологизмов, паремий и афоризмов. Такой выбор языкового материала закономерен, так как фразеология является языковым отражением культуры народа, его истории, традиций и ценностей.

Менее представлены исследования концепта «женщина» в дискурсе (например, в языке прессы в диссертации Г. А. Магуновой, в песенном дискурсе в диссертации Е. А. Мензаировой). Более узкий взгляд на концепт «женщина» находим в исследованиях, посвященных творчеству определенных писателей и драматургов. Например, в прозе (в произведениях Дж. Чосера – в диссертации Н. А. Пасковой, Ф. Саган – в диссертации О. В. Великородных), поэзии (М. Цветаевой – в научной работе Л. А. Ермаковой), драматургии (в произведениях драматургов-елизаветенцев – в диссертации Н. В. Паланчук).

Для описания концепта «женщина» выбирают не только разный материал, но и методы исследования. Для выявления особенностей объективации данного концепта в сознании носителей языка прибегают и к экспериментальным методам, в том числе к ассоциативному эксперименту. Так, в ассоциативном эксперименте, проведенном Л. В. Адониной, приняло участие 3000 носителей русского языка (1500 мужчин и 1500 женщин разных возрастных групп). В результате исследования установлено, что в «мужском когнитивном сознании концепт “женщина” является более объемным, имеет большую периферийную зону, обладающую заметной яркостью, что свидетельствует о когнитивной релевантности концепта для мужского языкового сознания. В женском когнитивном сознании концепт “женщина” является менее объемным, имеет более концентрированную ядерную зону и меньшую периферийную зону» [6, с. 8].

Рассмотрение концепта «женщина» в рамках гендерного подхода еще более очевидно в исследованиях, включающих в фокус внимания и концепт «мужчина». К таковым относятся диссертации Т. С. Чехоевой, Т. А. Денисовой, В. А. Ефремова на материале русского языка, М. А. Шаманской на материале немецкого языка, Е. А. Чистюхиной в языковой картине российских немцев, Д. В. Семеновой на материале английского, русского и кабардинского языков и др. В докторской диссертации В. А. Ефремов отмечает, что «для когнитивной лингвистики и описания разнообразных се-

мантических взаимоотношений в системе языка анализ противоречивых отношений может стать весьма продуктивным. Так, например, будучи самостоятельными, концепты «мужчина» и «женщина» в любом естественном языке вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании его носителя некую целостность, которая определяется тем, что актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго» [7, с. 7]. Такой подход позволяет автору выявить определенные гендерные стереотипы и асимметрии.

Таким образом, в разнообразных исследованиях при описании концепта «женщина» реализуется как когнитивный, так и лингвокультурологический, а также гендерный подход в лингвистике. В то же время нельзя не согласиться с Е. Н. Калугиной, которая считает, что «когнитивная методология и лингвокультурологический инструментарий в недостаточной мере находят применение в социолингвистических исследованиях субстандартных языковых формаций... рассмотрение концептов «мужчина» и «женщина» в концептосфере субстандарта представляет собой нетривиальную исследовательскую задачу, решение которой на основе объединения современных идей когнитологии, социолингвистики, лингвокультурологии и гендерной лингвистики позволяет уточнить имеющиеся представления о способах и характере манифестации базовых концептов в периферийных языковых континуумах» [8, с. 4].

Для уточнения представлений о репрезентации концепта «женщина» в современном английском сленге, являющемся частью субстандарта, из словаря Дж. Грина были отобраны все сленгизмы (249), возникшие в период 2000–2023 гг. и содержащие в значении компонент *woman* [9]. Цель исследования – определить набор когнитивных признаков, формирующих образ женщины в сознании современных носителей английского сленга.

Следует сразу отметить, что ряд номинаций (17) входит в синонимический ряд лексемы *woman* без указания на какие-либо дифференциальные признаки: *brass*, *briddy*, *foid*, *hoopla*, *gilly*, *guyess*, *minnie* и др. При этом некоторые из подобных номинаций содержат помету «уничижительно» (*BAH*, *cuntbag*, *FAB*, *trizzoe* и др.). Но даже сленгизмы, не содержащие такую помету, отражают андроцентризм: *foid n.* [abbr. *femoid* on model of SE *android*] '(US) as used by incels, a woman; the inference is that women are not completely human'.

Компонентный анализ отобранных сленгизмов указывает на ограниченный состав когнитивных признаков, отраженных в семантике исследуемого пласта сленга. Многократная фиксация в дефинициях сленгизмов признаков «attractive» (21) и «unattractive» (18) свидетельствует о важности физической привлекательности женщины в языковом сознании носителей сленга. Например, для обозначения непривлекательной женщины используют сленгизмы *bag ho*, *butter*, *caser*, *ganky*, *grenade*, *moose*, *puddle*, *ug* и др. Привлекательную женщину в сленге назовут *blinder*, *breezy*, *corpus deliciti*, *hanging*, *hubberlush*, *poson*, *right*, *shebro* и т.д.

Указания на конкретные признаки внешности (рост, фигуру, грудь, одежду) малочисленны: *best-built* 'describing a woman with a voluptuous figure', *gooden* '(US black) a very fat woman', *queen bee* '(US black) the woman with the largest breasts in a group', *doonshie* '(Irish/Cork) small and neat, usu. of a child or woman', *peanut smuggler* '(Aus. juv.) a girl or young woman who is not wearing a brassiere under her clothing'. Таким образом, образ женщины воспринимается скорее целостно, учитывая общий характер оценки внешней привлекательности.

Привлекательность женщины часто ассоциируется с ее сексуальностью. В комбинаторике признаков в таких случаях отмечается не только когнитивный признак «attractive», но и признаки «sexually alluring», «sexu»: *sex on a stick* 'one who is exceptionally sexually attractive; usu. of a woman', *champion* '(US black) an attractive, sexy woman', *crashy* '(US) of a woman, extremely attractive and sexually alluring', *fruity* '(N.Z. prison) of a woman, attractive, sexy'. Восприятие женщины как сексуального объекта прослеживалось и фиксировалось и ранее на материале сленга. В XXI веке данная тенденция сохраняется: *Gary Busey* 'a woman, in the context of sexual intercourse', *bangable* 'usu. of a woman, sexually alluring', *batty* '(UK gang) a girl/woman as a sex-object; thus sexual intercourse with either'. Не вдаваясь в подробности, следует отметить тот факт, что сленгизмы, семантика которых связана с сексуальностью и интимными отношениями, доминируют среди отобранных номинаций. Данный факт доказывает еще раз идею о том, что создателями сленга (по крайней мере сленгизмов, объективирующих концепт «женщина») являются мужчины.

В меньшей степени внимание создателей сленга привлекает характер и поведение жен-

щин вне сферы интимных отношений. Среди когнитивных признаков данного пласта выборки отмечаются единичные характеристики: «независимая», «безнравственная», «преданная», «ненадежная», «мужененавистница», «надоедливая», «корыстная». Например, *broad* '(Aus.) a tough, independent outspoken woman', *heifer* '(US black) an immoral woman, esp. one who chooses to defy the current moral codes', *growler* '(UK juv.) a nagging woman man-eating of a woman, seen as aggressively disliking males', *mickey T* '(US black) a woman who pursues powerful and/or wealthy men only'. На интеллектуальный признак (глупость) указывают лишь два сленгизма: *ditz*, *scanger*.

Количественно преобладают сленгизмы, в семантике которых отражается признак «promiscuous» (19): *area code* '(US campus) a promiscuous woman', *flatback* '(US) a promiscuous woman; a prostitute', *gagger* 'a promiscuous woman', *hizzo* '(US black) an extremely promiscuous woman', *paraffin lamp* 'a sexually promiscuous woman'. Подобные сленгизмы, хотя и отражают поведенческие особенности женщин, пересекаются с описанной выше сферой интимных отношений. Помимо девятнадцати сленгизмов, вошедших в выборку, в словаре фиксируется еще 56 номинаций женщин легкого поведения, возникших в текущем веке. Данная тенденция не нова. Сленгизмы этой тематической группы создавались на протяжении всего периода существования английского сленга (начиная с 1592 г., по данным словаря Дж. Грина). Среди примеров XXI в., однако, отмечаются некоторые тенденции, отражающие изменения окружающей действительности. Например, формируется синонимический ряд для обозначения женщин, которые вступают в интимную связь ради денег, необходимых на приобретение наркотиков: *bag ho*, *berry*, *pigeon*, *raspberry*, *rock star*, *toss-up*.

В ходе анализа особенностей реализации концепта «женщина» в английском сленге отмечается и актуализация когнитивных признаков «возраст», «раса/национальность», «социальный статус».

Помимо указания исключительно на возраст (*gertoss* '(N.Z. teen) a young woman', *slimmie* '(N.Z.) a girl or young woman', *giffer* 'an old woman'), часто сленгизмы отражают и другие признаки: сексуальность, манеру одеваться, привлекательность, доступность (*titty girl* '(UK black) a consciously sexy young woman', *bet down* '(Irish) of a young woman or girl, unattractive', *broiler* '(N.Z.) an unattractive,

usu. older, woman', *dillio* '(US teen) ugly, esp. of a young woman', *m.d.l.* 'a woman, who dresses younger than her years', *flurry* '(Aus.) a promiscuous young woman'.

Создатели современного сленга обращают внимание не только на расовую принадлежность женщины (*blatina* '(US) a mix of a Black woman and a Latina', *chocolate milk* '(Aus.) a mixed race woman', *mami* '(US black/P.R.) a woman, usu. black or Puerto Rican; also as term of address'), но и другие качества: социальный статус, сексуальные отношения, внешность (*chocolate deluxe* '(US black teen) an attractive, sexy, dark-complexioned black woman', *milk bottle* '(W.I.) a white woman (who is looking for sex)', *becky* 'use of generic name to describe a white woman who is seen as using her inborn privilege as a means of advancement').

На родственные отношения указывает лишь один сленгизм – *baby factory*, обозначающий многодетную мать. Всего в словаре Дж. Грина среди новой лексики XXI в. зафиксированы семь сленгизмов со значением матери и десять со значением жены, что еще раз подчеркивает специфику объективации концепта «женщина» во вторичной языковой системе, к которой принадлежит сленг. Семейный статус женщины, ее роль матери, продолжательницы рода, воспитывающей подрастающее поколение, хранительницы семейного очага в когнитивное пространство носителей сленга не входят (либо представлены очень фрагментарно).

Заключение

Таким образом, в результате анализа сленгизмов со значением «женщина» в современном английском сленге установлено, что когнитивный объем концепта «женщина» в данной языковой подсистеме довольно ограничен. Установленные когнитивные признаки указывают на большую релевантность внешних характеристик женщины, чем ее внутренних свойств. Внешность женщины оценивается целостно, так как среди сленгизмов данной группы преобладают номинации с актуализацией признака «привлекательная/непривлекательная», а указания на отдельные параметры внешности мало представлены.

Исследование когнитивных признаков концепта «женщина» в сленге свидетельствует о мужском взгляде на образ женщины. Женщина противопоставляется мужскому полу и рассматривается как объект сексуальных притязаний мужчин. При объективации концепта «женщина» в английском сленге XXI в. про-

должен реализовать андроцентрический взгляд на представительниц женского пола, который проявляется и в высокой пейоративности ряда сленгизмов.

В английском сленге при объективации концепта «женщина» также выделяются признаки 'возраст', 'раса', 'социальный статус'. Семейный статус женщины, ее роль в продолжении рода и воспитании детей не относятся к основным векторам концептуализации в английском сленге. Поведенческие признаки связываются в первую очередь с отношениями с мужским полом, а не с профессиональной деятельностью или общественными ролями, выполняемыми женщинами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Preface // Dictionary of American Slang / compiled and ed. by H. Wentworth and S.B. Flexner. – New York : Tomas Y. Crowell Publishers, 1975. – P. 6–15.
2. Grossman, A. Gender Differences and Sexism in the Knowledge and Use of Slang / Aryn L. Grossman, J. Tucker. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1025644921272>. – Date of access: 21.01.2024.
3. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/koncept.html>. – Дата доступа: 21.01.2024.
5. Чибышева, О. А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. А. Чибышева ; Челябинский госу-

дарственный педагогический университет. – Челябинск, 2005. – 28 с.

6. Адонина, Л. В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Адонина ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2007. – 24 с.

7. Ефремов, В. А. Динамика русской языковой картины мира : вербализация концептуально-пространства «мужчина-женщина» : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / В. А. Ефремов ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2010. – 41 с.

8. Калугина, Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Калугина ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2008. – 22 с.

9. Green, J. Green's Dictionary of Slang / J. Green. – Mode of access: <https://greensdictionaryofslang.com>. – Date of access: 21.01.2024.

Поступила в редакцию 29.01.2024 г.

Контакты: rubanova@msu.by (Рубанова Евгения Викторовна)

Rubanova E. V. LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT "WOMAN" IN ENGLISH SLANG (based on the material of slangisms coined in the XXI century)

The verbalization of the concept "woman" in English slang is viewed regarding various cognitive characteristics reflected in the semantics of slangisms. The analysis has disclosed how in the XXI century the image of femininity is revealed through the prism of slang traditionally considered to be created by males.

Keywords: concept "woman", femininity, cognitive characteristics, English slang, predictability of senses.

УДК [81.161.1+81.471.1]:42

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ**Л. Г. Бондарчук**кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет

В языковой реальности XXI века перестал действовать закон литературоцентричности языковой нормы, наступила эпоха языковой демократизации. Коммуникативные технологии позволяют современной языковой личности обеспечивать некодифицированным, креативным единицам (в структурном и содержательном планах) высокие статистические показатели, социальную значимость, опирающиеся на огромные дискурсивные массивы. В статье делается попытка, оттолкнувшись от традиционных пониманий лингвистической нормы, определить подходы к формированию дискурсивной языковой нормы, ее характеристики, функции, источники в русском и французском языках.

Ключевые слова: дискурсивная парадигма, языковая норма; кодифицирование, коммуникативные технологии, отклонение, узус, лингвистический эгоцентризм.

Введение

Понятие «норма» в современной жизни вызывает чаще всего настороженное, если не негативное отношение, поскольку предполагает подчинение правилам, определенным вербальным стандартам со стороны представителей цифровой эпохи, которые в поисках оригинальности, известности, комфорта стремятся изменять или нарушать любые предписания, для чего XXI век предоставил массу возможностей. Номо mobiles располагает новыми способами и возможностями общения, где нет контроля, позволены любые отступления от правил, где ценится быстрота, языковая экономия, оригинальность. Вместе с тем язык выполняет свою самую главную функцию: объединение всех представителей определенного национального сообщества. Адекватное декодирование смыслов, передаваемых языковыми средствами, обеспечивается функционированием лингвистической нормы, которая одновременно является статичной и динамичной, консервативной и гибкой, что позволяет сохранить национальный языковой континуум, приспособиться к вызовам каждой исторической эпохи.

Наступление бума коммуникативных технологий позволило огромному количеству сетевых пользователей проводить эксперименты с лингвистическими единицами всех языковых уровней по отклонению от традиционной нормы, ориентируемой на литературный язык и авторитетных носителей данного языка; обеспечивать некодифицированным, креативным формам высокие статистические показатели и социальную значимость, что, естественно, стимулировало поиски новых пониманий процесса кодификации и самой нормы с учетом уже антропологической, коммуникативной и дискурсивной парадигм современного языкознания. В данном контексте актуальность и новизна нашей статьи заключается в попытке связать дискурсивные тенденции в функционировании отдельных грамматических и лексических феноменов в русском и французском языках с необходимостью выработать дискурсивную языковую норму, действующую в больших текстовых объемах и порождающую новые варианты, отдельные из которых могут «претендовать» на кодификацию при наличии условий, характеристик, которые еще нужно выявить.

Цель данного исследования: оттолкнувшись от теории языковой нормы, сформированной в доцифровой период, от уже зафиксированных фактов дискурсивной ориентации лексических и грамматических феноменов в русском и французском языках, выявить возможные подходы, характеристики, проблемы, связанные с попытками установления дискурсивной нормы, необходимой для успешной реализации коммуникативно-прагматических установок субъектов современной коммуникации, что, по нашему мнению, отвечает важным для настоящего состояния языкознания теоретическим и практическим вызовам.

Основная часть

Идентифицировать элементы актуальных тенденций в лингвистике, так же как и в любой отрасли знания, невозможно без учета уже предшествующего опыта, что предполагает краткий обзор этапов развития языковой нор-

мы в русском и французском языкознании с фиксацией возникающих вопросов и проблем.

Современная теория лингвистической нормы начала формироваться с осмысления категории «система» в рамках концепции Ф. де Соссюра, где система понимается как совокупность звуковых различий, связанная с совокупностью понятийных различий. До наступления эпохи коммуникативных технологий были разработаны различные определения нормы, которые основывались на разнородных критериях, их разнообразных сочетаниях, основные из которых можно представить следующим образом.

1) Общеупотребительность языковых единиц, которые прошли кодификацию. «То, что является общеупотребительным, то и составляет норму языка» [1, с. 19].

2) Равновесие внешних и внутренних факторов [2, с. 174].

3) Социальная обусловленность, детерминированность речевой практикой и системными закономерностями, эволюционность, типичность [3, с. 44, 46].

4) Включение в норму не только языковых, но и речевых вариантов [4].

5) Историзм как предпочтение одного из функциональных, парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака [5].

6) Литературоцентричность [6, с. 77].

В указанный выше период были также сформулированы такие свойства языковой нормы, как устойчивость, обусловленная необходимостью сохранения языкового национального континуума; общепринятость и обязательность; вариативность как результат взаимодействия с узусом, что позволило говорить о гибкости нормы, ее динамичности; селективность, проявляющаяся в отборе из многих языковых форм и источников; адаптивность как способность реагировать на внешние факторы. В это же время идеальной реализацией нормы считался литературный язык. К источникам языковой нормы относили узус, из которого лингвисты выбирали наиболее общеупотребительные языковые формы, опираясь на собственную лингвистическую интуицию [7, с. 36].

Под «натиском» многочисленных отступлений от традиционного понимания нормы русские и французские лингвисты начали разрабатывать концепцию множественности нормы, которая формируется в результате взаимодействия как внутренних, так и внешних факторов, чаще всего социального характера [8]. В рамках данного подхода российские

специалисты дифференцируют следующие типы норм: 1) системные (структурно-языковые, системно-языковые); 2) стилистические нормы (текстовые, жанровые, функционально-стилевые); 3) коммуникативные нормы (ситуативные, коммуникативно-прагматические); 4) риторические нормы (которые достигаются даже отступлением от иных типов норм – системной и стилистической); 5) вертикальные нормы (обеспечивающие единство стиля, жанра, идиостиля на всех языковых уровнях) [9, с. 6]. Из вышеперечисленных типов выделяем коммуникативную и риторическую нормы, которые наиболее подвижны, выделяются с учетом многообразных запросов современной коммуникации и которые реализуются в объемах, превосходящих предложение, т.е. в дискурсивном массиве.

Французские лингвисты предложили свою типологию норм: 1) объективные, основанные на частотности употребления, отражающие общие языковые привычки, лежащие в основе вербального поведения определенного этноса; 2) описательные или декларативные нормы, имеющие объективный характер, но несколько фиксируют языковые факты, но не устанавливают их иерархии; 3) предписывающие нормы или нормативные правила, представляемые как идеальная модель, которой нужно следовать; 4) субъективные или оценочные нормы, суть которых обусловлена факторами аффективного, морально-эстетического порядка; 5) фантазийные нормы индивидуального или коллективного уровня, в которых сочетаются характеристики предыдущих четырех форм [10]. Общим для двух приведенных классификаций является факт выделения норм, в которых сочетаются языковой стандарт и факторы лингвистического эгоцентризма, «работающие» в дискурсивном пространстве, а именно: вертикальная норма в работах российских ученых и субъективная норма, по мнению французских исследователей.

Социолингвистический и дискурсивный поворот подходов к кодификации и норме как ее результате отмечается в представлении функций нормирования и характеристик самой нормы. Так, при кодификации предполагается реализация следующих функций: 1) определение современного состояния языка; 2) селекция вариантов; 3) содействие в соответствии с общественным заказом реализации потенциала; 4) предупреждение ошибок и функционально неблагоприятных изменений в системе языка. В соответствии с выполня-

емыми функциями русские исследователи выделяют кодификацию описательную, прескриптивную и наставительно-рекомендательную [9, с. 133-134]. Разработаны также критерии для установления кодифицированной нормы: 1) соответствие внутреннему языковому закону; 2) соответствие культурно-исторической традиции; 3) распространенность варианта и статистика нормы; 4) общественное одобрение и признание социумом варианта нормативным, из которых первый критерий признается основополагающим [11, с. 41]. Отмечаем синергию факторов, задаваемых как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими, эгоцентричными факторами, которые, безусловно, реализуются только в дискурсе.

Погружение языковых единиц в контекст, формирование в языкознании дискурсивной парадигмы способствуют открытию дискурсивных характеристик языковых единиц всех уровней, которые не всегда укладываются в предписания нормы, сформулированной в пределах сравнительно-исторической, системно-структурной парадигм. В XXI веке языковая личность не довольствуется имеющимися в ее распоряжении кодифицированными ресурсами для реализации личностно ориентированных коммуникативных и прагматических установок, что порождает рост различных девиаций, индивидуального и общего порядка. Лексические отклонения от нормы очень активно используются в новой лексикографической практике. В России и во Франции появилось большое количество словарей социопсихологической, эгоцентрической ориентации, особое внимание уделяется языку субстандартов. Кроме того, общим моментом для современной коммуникации на русском и французском языках является включение грамматических отклонений, присущих устной речи, в письменную, ранее строго кодифицированную речь. В первую очередь отмечаются усечения, редукции языковых форм, что объясняется стремлением коммуникантов сообщить как можно больше информации с минимальным объемом языковых средств. В качестве примера из русского языка можно привести «Словарь редуцированных форм русской речи» Д. А. Стойка, в котором находим отличные от нормы, но всем известные усеченные слова: *здрасте*, *скоко*, *тыща* и др. [12]. Во французском языке данную тенденцию иллюстрируют *ch'te l'donne* вместо *je te le donne* 'я тебе это даю'; *c'est ça quoi* 'что это?'; *у а* вместо *il y a* 'имеется' [13].

В обоих языках развиваются дискурсивные теории персонального, пространственного, временного дейксиса; функционирование и референция анафоры рассматриваются с позиций вертикального контекста, т.е. в рамках дискурсологии. Так, во французском языке проведено исследование клише *bon, ben, voilà, enfin, alors, quoi, là, je veux dire, tu sais, tu vois*, реализующих различные значения, обусловленные дискурсивными факторами [14]. Полученные результаты фиксируются в дискурсивных грамматиках как русского, так и французского языков. Совершенно очевидно, что пока идет активное накопление языковых фактов, для выявления которых требуется анализ огромных текстовых массивов.

Заключение

Как видим, современное языкознание обладает следующими исходными позициями для нового витка в определении языковой нормы дискурсивного периода: 1) потребность адаптировать лингвистическую норму к новой языковой реальности без утраты особенностей национального языкового континуума; 2) наличие дискурсивной нормы необходимо для актуализации лексикографических практик, а также грамматики, потребность в которой ощущают преподаватели как родного, так и иностранного языка. В этой связи основная проблема заключается в возможности/невозможности использовать подходы и критерии, разработанные ранее, и/или предложить новые позиции.

Полагаем, что целесообразно сохранить все свойства языковой нормы, описанные до цифровой эпохи, но добавить дискурсивную интерпретацию почти всех из них. Например, установить показатели устойчивости кодифицированных единиц в дискурсивных массивах, рассчитать объективный предел гибкости, адаптивности дискурсивной нормы. Полагаем, что решение данных вопросов возможно с использованием возможностей искусственного интеллекта, способного обрабатывать любые дискурсивные объемы.

В отношении функций языкового стандарта, с нашей точки зрения, актуальными остаются следующие: определение современного состояния языка; селекция вариантов; содействие в соответствии с общественным заказом реализации потенциала. Что касается функции, связанной с предупреждением ошибок и функционально неблагоприятных изменений в системе языка, то на данный мо-

мент еще не ясно, каких именно ошибок надо избегать в условиях множественности норм, их гипергибкости и общей тенденции к демократизации языка.

Часть разработанных в доцифровой период критериев кодификации носит несколько абстрактный характер, в частности требование соответствия внутреннему языковому закону и культурно-исторической традиции, поскольку внутренние языковые законы отражают отношения между элементами системы, зафиксированные в определенную эпоху, а соответствие культурно-исторической традиции трудно однозначно установить в современных мультинациональных обществах. Напомним мысль Ф. де Соссюра о том, что, языковые факты как элементы системы взаимно определяют друг друга, системные отношения характеризуют только синхроническую лингвистику, поэтому не может быть системы, охватывающей одновременно несколько периодов [15]. Предполагаем, что при появлении новых языковых фактов в какой-то степени меняются системные отношения за исключением законов, сохраняющих устойчивость национального языкового пространства. В отличие от рассмотренных выше критериев требование распространенности варианта и статистика нормы необходимы и легко обеспечиваются компьютерными технологиями, возможностями корпусной лингвистики, хотя возникает вопрос о пороге нормы, который еще предстоит разрабатывать. Общественное одобрение и признание варианта нормативным, с точки зрения большинства носителей языка, с одной стороны, технически могут быть обеспечены; с другой стороны, есть вероятность нарушения уже установившихся тенденций индивидуальной языковой креативности.

Требует также разрешения вопрос об источнике нормы: ранее таковым считался язык авторитетных членов общества или просто узус. Сегодня в данной роли по общему признанию специалистов выступает язык медийных СМИ, что, по нашему мнению, сужает базу лингвистических данных. При таком подходе из великого лингвистического многообразия будут исключены многие уже созданные языковые корпуса субстандартов, отражающие различные стороны современного языкового ландшафта, например, «Le Corpus du Français Parlé Parisien des années 2000» 'Корпус разговорного языка парижан 2000 годов' [16].

Полагаем, что в определении дискурсивной нормы нужно исходить из следующих

позиций: 1) объективность, обеспеченная современными техническими возможностями, в противовес субъективности на основе лингвистической интуиции конкретных специалистов, занимавшихся кодификацией; 2) высшая частотность языкового феномена как в современных типах коммуникации, так и в литературе; 3) охват и анализ всех дискурсивных значений, способов функционирования языковых единиц; 4) установление баланса между ранее выделенными и новыми дискурсивными характеристиками языковых единиц. Безусловно, предложенные подходы предполагают дискуссию, нуждаются в дополнительных подтверждениях, которые могут быть получены в результате исследований значительного корпуса эмпирических данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Истрина, И. С.* Нормы русского литературного языка культура речи / И. С. Истрина. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 32 с.
2. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 143–309.
3. *Горбачевич, К. С.* Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 234 с.
4. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/linguistics_rozental/%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0. – Дата доступа: 15.08.2023.
5. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд. испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 09.08.2023.
6. *Богданова-Бегларян, Н. В.* Орфоэпические нормы не догма, а живая система / Н. В. Богданова, Д. А. Стойка // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. – С. 77–96.
7. *Петрищева, Е. Ф.* К вопросу о критериях нормативности / Е. Ф. Петрищева // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1967. – Вып. 8. – С. 36–43.
8. *Klinkenberg, J.-M.* Normes linguistiques, normes sociales, endogenèse / J.-M. Klinkenberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

books.openedition.org/enseditions/30803/. – Дата доступа: 12.05.2023.

9. **Брусенская, Л. А.** Этико-речевые нормы современного русского языка : монография / Л. А. Брусенская, В. В. Барабаш, Э. Г. Куликова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 164 с.

10. **Xiaodong, Y.** Les Types De Normes / Y. Xiaodong [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arlap.hypotheses.org/6761/>. – Дата доступа: 11.07.2023.

11. **Каленчук, М. Л.** Нормы произношения глазами лексикографа / М. Л. Каленчук // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – С. 41–53.

12. **Стойка, Д. А.** Словарь редуцированных форм русской речи / Д. А. Стойка. – М. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 112 с.

13. **Weber, C.** Grammaire de l'écrit grammairiale de l'oral, quelles contextualisations? / C. Weber [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hal.science/hal-03145898/document>. – Дата доступа: 24.08.2023.

14. **Teston-Bonnard, S.** Étude des particules discursives dans des situations de parole particulière: les scénarios et leurs oralisations par les acteurs / S. Teston-Bonnard. – Paris : Institut de Linguistique Française, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.linguistiquefrancaise.org/articles/cmlf/pdf/2010/01/cmlf2010_000108.pdf. – Дата доступа: 11.08.2023.

15. Понятие системы и структуры языка в лингвистической концепции Ф. де Соссюра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/1_46005_ponyatie-sistemi-i-strukturi-yazika-v-lingvisticheskoy-kontseptsii-f-de-sossyura.html. – Дата доступа: 07.08.2023.

16. Corpus de Français Parlé Parisien des années 2000 (CFPP) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cococon.huma-num.fr/exist/crdo/meta/cococon-8bc96a4e-9899-30e4-99bec72d216eb38b>. – Дата доступа: 03.09.2023.

Поступила в редакцию 20.02.2024 г.

Контакты: lorabond@mail.ru (Бондарчук Лариса Григорьевна)

Bondarchuk L. G. THE LINGUISTIC NORM IN THE DISCURSIVE PARADIGM

In the linguistic reality of the XXI century, the law of literary centrality of the linguistic norm has ceased to operate, the era of linguistic democratization has come. Communicative technologies allow a modern linguistic personality to provide uncodified, creative units (in structural and substantive terms) with high statistical indicators, social significance, based on huge discursive arrays. The article attempts, starting from traditional understandings of linguistic norms, to determine approaches to the formation of a discursive linguistic norm, its characteristics, functions, sources in Russian and French.

Keywords: discursive paradigm, linguistic norm, codification, communication technologies, deviation, usage, linguistic egocentrism.

УДК 81'373.612.2'255.2(045)

МЕНТАЛЬНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СФЕРЫ КАК ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Е. А. Ревуцкая

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка и литературы
Минский государственный лингвистический университет

Цель статьи – выявление стратегий перевода образных сравнений и метафор, соответствующих концептуальным моделям «пространство – ментальное» и «пространство – экзистенциальное». Исследование выполнено на материале оригинального текста поэмы французского сторреалиста Б. Сандрара «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» ('La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France', 1913) и русского перевода М. Яснова. Сопоставление оригинальных метафор ментальной и экзистенциальной сфер с их переводческими соответствиями показало, что инвариантный статус метафорической модели в поэтическом переводе определяется стратегией модуляции.

Ключевые слова: метафорическая модель, пространство, ментальная сфера, экзистенциальная сфера, поэтический перевод, модуляция.

Введение

Осознание фактов языка как результатов познавательной деятельности человека обусловило смену научной парадигмы в исследованиях метафоры. Авторитетные лингвисты, прежде разрабатывавшие языковые аспекты метафоры (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Складневская, В. Г. Гак), заложили предпосылки процессуального подхода, определяющего метафорический образ как итог «вторичной номинации» (В. Н. Телия), «лексико-семантического преобразования» (В. Г. Гак). В свою очередь, когнитивная теория метафоры – отныне не фигуры речи, но формы мышления (Дж. Лакофф, М. Джонсон) – стала основой для разработки метафорического моделирования (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов). Метафорическая модель представляет собой систематическое концептуальное соответствие – рекуррентное освоение человеческим сознанием некоторой сущности, принадлежащей одной сфере опыта, сквозь призму другой сферы опыта [1, с. 11]. «Пронизывая» как

повседневную, так и художественную речь (Дж. Лакофф, М. Тернер), концептуальная метафора составляет методологическую основу теории поэтического образа (Н. В. Павлович, В. Я. Задорнова) и поэтической лексикографии (Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева).

Будучи единицей смысла, метафора представляет собой и «единицу перевода» (unité de traduction) или же, в соответствии с уточняющей формулировкой М. Балляра, «единицу для перевода» (unité à traduire) [2, с. 19]. Как известно, единицей перевода считается не отдельное слово или предложение как «связь субъекта с предикатом», но «смысловая единица» [2, с. 19]. В свою очередь, теоретики и практики перевода поэзии особо подчеркивают когнитивный аспект метафоры, признавая ее «неотъемлемой частью поэтического мироощущения» [3, с. 126]. Поэтому языковая реализация метафорической модели в поэтическом переводе – объект сопоставительных и переводоведческих исследований [4] – требует отдельного изучения. Кроме того, метафоры ментальной и экзистенциальной сфер, в отличие от базовых концептуальных метафор, апеллирующих к телесному и чувственному опыту, проливают свет на внутренний – эмоциональный и духовный – мир человека, что и определяет актуальность данного исследования.

Основная часть

Метафора – «перенос по сходству» – включает информацию об «определяемой реалии» и определяющем ее метафорическом образе [5, с. 338]. В современной теории поэтического перевода метафора считается «несущим элементом поэтической конструкции» [3, с. 126]. Вместе с тем в соответствии с теорией «образных парадигм» Н. В. Павлович, роль «несущего элемента» в поэтической речи играет не отдельно взятая языковая метафора, но метафорическая модель. Такая модель представ-

ляет собой константу, которая «несет смысл и вне данного [поэтического. – Е. Р.] текста, имеет историю, прототипы» [6, с. XXVII]. Метафорическое моделирование – нахождение «смыслового инварианта» ряда метафор, соответствующих одной метафорической проекции, – позволяет постичь «глубинный смысл, лежащий в основе данной группы образов» [6, с. XXVIII]. Несовпадение научных точек зрения обуславливает интерес к природе переводческой метафоры и обосновывает гипотезу данного исследования: в поэтическом переводе инвариантный характер имеет не оригинальная метафора, но метафорическая модель.

Цель статьи – выявление стратегий передачи концептуальных метафорических моделей «пространство – ментальное» и «пространство – экзистенциальное» в русском переводе поэмы французского сюрреалиста Блеза Сандра (1887–1961) «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» ('La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France', 1913). Выбор материала исследования определен, прежде всего, тем, что оригинал и его русскоязычная версия в художественном отношении равноценны: автор русского текста – поэт-переводчик Михаил Яснов (1946–2020), мастер поэтического слова, специализировавшийся на франкоязычной поэзии. Объем исследовательского корпуса составляет 6100 словоупотреблений, из них 3432 – оригинальный французский текст, 2668 – русский перевод.

Методика исследования основывается на универсальных процедурах идентификации метафорических значений слов [7] и концептуальных областей-источников метафоризации [8], а также приемах контекстуального и сопоставительного анализа. В ходе сопоставления переводческих вариантов с оригинальными метафорами и образными сравнениями, соответствующими моделям «пространство – ментальное» и «пространство – экзистенциальное», были выявлены две основные стратегии перевода – «буквальный» перевод и модуляция.

Согласно толковому словарю-справочнику переводческих терминов Ж. Делиля, модуляция представляет собой переменную «точки зрения» на описываемую ситуацию [9, с. 40]. Преобладание переводческой стратегии модуляции над «буквальным» переводом, установленное в исследуемом корпусе, показывает, что метафорическая модель служит познавательным ориентиром, определяющим языко-

вое творчество поэта-переводчика. Число примеров модуляции (17) более чем в четыре раза превышает число примеров «буквального» перевода (4) образных сравнений и метафор, соответствующих концептуальным моделям «пространство – ментальное» и «пространство – экзистенциальное» (всего 21 выявленный пример).

«Буквальный» перевод определяется, таким образом, менее чем в одной четверти (19,05%) всех регистрируемых в исследовательском корпусе случаев переводческого «осмысления» изучаемых метафорических моделей: *Ô Paris / Grand foyer chaleureux avec les tisons entrecroisés de tes rues et les vieilles maisons qui se penchent au-dessus et se réchauffent comme des aïeules / Et voici, des affiches, du rouge du vert multicolores comme mon passé...* / [10] 'Париж / Пылающий очаг забитый головнями улиц и старыми особняками что склоняясь греются над ними / Подобно нашим предкам / Афиши красные зеленые афиши многоцветные и желтые как прошлое мое / О благородно-желтый цвет французского романа!' [11]

Так, сопоставление «единицы для перевода» *grand foyer chaleureux* с его переводческим соответствием 'пылающий очаг', описывающим пространство Парижа, указывает на стратегию «буквального» перевода. Уточним, что такая стратегия предусматривает лексическое варьирование (*chaleureux* – 'горячий', но не 'пылающий'; эпитет *grand* 'большой' не отражен в тексте перевода). Иными словами, «буквальным» переводом неприемлемо считать использование только лишь «словарного» соответствия. При этом игра смыслов (*foyer* 'очаг' – 'костер', но также 'родной дом, прибежище') позволяет идентифицировать метафорическую модель «пространство – экзистенциальное». Так, Париж предстает не только как «костер» с «головнями улиц», но и как город, где прошла юность поэта.

В свою очередь, переводческая стратегия модуляции определяется более чем в трех четвертях (80,95%) от общего числа случаев перевода образных сравнений и метафор, соответствующих изучаемым концептуальным моделям. Так, в следующем примере пространство осмысляется в понятиях времени: *Le train tonne sur les plaques tournantes / Le train roule / Un gramophone grasseye une marche tzigane / Et le monde comme l'horloge du quartier juif de Prague tourne éperdument à rebours* [10] 'Грохот поезда на поворотном круге / И снова в

путь / Картавит граммофон гремя цыганским маршем / И мир вокруг как стрелки на часах еврейской ратуши в далекой Праге неудержимо движется назад [11]. Как в оригинальном поэтическом тексте, так и в переводе метафорическая модель «пространство – экзистенциальное» представлена образным сравнением: «мир вокруг» уподобляется стрелкам на часах в Еврейском квартале Праги, вращающимся наоборот (*tourner à rebours* ‘двигаться в обратном направлении’). При этом перевод представляет собой «классический» случай модуляции: *часть* (стрелки на башенных часах) предстает в качестве переводного соответствия *целого* (собственно башенные часы).

В свою очередь, в приведенном ранее примере метафора прошлого, соответствующая концептуальной проекции «пространство – ментальное», служит для описания разноцветных городских афиш – новых, а оттого значимых элементов городского пространства начала XX столетия. Авторское обращение к образу собственного прошлого – «многоцветного», «пестрого», богатого на события, – получает развитие в тексте перевода, «добавляющего» к авторскому перечню желтый цвет. В комментарии поэт-переводчик уточняет, что речь идет о рекламе популярных романов издательства *Mercur de France* (обложки книг, как правило, имели желтый цвет [10]). Переводческий прием «добавления» тем самым подчеркивает авторскую отсылку к литературной деятельности, которой поэт посвятил себя с молодых лет.

Дальнейший анализ показывает, что концептуальную модель «пространство – экзистенциальное» представляет в изучаемом поэтическом тексте «сквозной» образ. Так, описание Парижа сменяется картиной всего европейского континента, который поэт-рассказчик пересекает по Транссибирской магистрали, а метафора прошлого – беззаботной юности – уступает место метафоре целой жизни – одновременно «богатой» и «бедной», но непременно означающей взросление: *Je suis couché dans un plaid / Bariolé / Comme ma vie / Et ma vie ne me tient pas plus chaud que ce châle écossais / Et l'Europe toute entière aperçue au coupe-vent d'un express à toute vapeur / N'est pas plus riche que ma vie / Ma pauvre vie* [10] ‘Лежу уткнувшись в плед / Такой же пестрый / Как жизнь моя / И согревает жизнь меня не больше / Чем плед шотландский / Да и вся Европа сквозь ветролом на всех парах летящего экспресса / Не больше не богаче бедной жизни / Моей’ [11].

В следующем примере пространство города осмысляется в понятиях уже не экзистенциальной, но ментальной сферы – сферы «желаний», «опасений»: *Ô Paris / Gare centrale débarcadère des volontés, carrefour des inquiétudes* [10] ‘Париж / Вокзал желаний перекресток опасений’ [11]. Но если в оригинальном поэтическом тексте метафора желания выстраивается через посредство метафоры пристани (*débarcadère des volontés* ‘пристань желаний’) и относится, как и метафора опасения, к главному вокзалу Парижа (*gare centrale* ‘центральный вокзал’), то поэт-переводчик использует метафоры ментальной сферы по отношению к городу в его целостности.

Кроме того, концептуальная метафорическая модель, «пронизывая» поэтический текст как смысловое единство, может заменять иную концептуальную модель. Так, в следующем примере метафорически описаны бескрайние таежные леса, бросающие недвижные тени на всю протяженность железнодорожного полотна: *Les vitres sont givrées / Pas de nature ! / Et derrière, les plaines sibériennes le ciel bas et les grands ombres des taciturnes qui montent et qui descendent* [10] ‘Заиндевелое окно / Ни зги не видно! / Но там бескрайняя сибирская равнина и небо низкое и вековые тени огромного Молчанья – лес то взлетающий то обрывающийся вниз’ [11]. Но если в оригинальном тексте лес тождествен живому существу (*les grands ombres des taciturnes* ‘огромные безмолвствующие тени’), то в переводе антропоморфная метафора уступает место экзистенциальному образу: лес обретает черты безмолвия (‘вековые тени огромного Молчанья’).

Инвариантный характер метафорической модели подтверждается в ходе выявления в поэтическом переводе языковых метафор, соответствующих заданной проекции, но отсутствующих в оригинальном тексте. Например, долгий путь по Транссибирской магистрали (*beaucoup trop lent, beaucoup trop long* ‘чересчур медленный, чересчур долгий’) наделяется автором пространственными признаками железнодорожного полотна. Этот путь осмысляется переводчиком в понятиях экзистенциальной сферы – как «ожидание», «бесконечность»: *À partir d'Irkoutsk le voyage devint beaucoup trop lent / beaucoup trop long / Nous étions dans le premier train qui contournait le lac Baïkal* [10] ‘Дорога за Иркутском наполнилась гнетущим ожиданьем / И бесконечностью / Наш поезд первым обогнул Байкал’ [11].

Наконец, переводческая стратегия модуляции позволяет изменять направление мета-

форической проекции. Так, в следующем примере с протяженностью железнодорожного полотна соизмеряется жизненный путь: *J'ai passé mon enfance dans les jardins suspendus de Babylone / Et l'école buissonnière dans les gares, devant les trains en partance / Maintenant, j'ai fait courir tous les trains derrière moi / Bâle – Tombouctou / J'ai aussi joué aux courses à Auteuil et à Longchamp / Paris – New-York / Maintenant j'ai fait courir tous les trains tout le long de ma vie / Madrid – Stockholm* [10] 'Детство я / Провел в садах висячих Вавилона / А нынче все они за мною мчатся / Европа – Африка / На скачках я играл в Оте и Лоншане / Париж – Нью-Йорк / Теперь сквозь жизнь мою помчалась поезда / Мадрид – Стокгольм' [11]. Но если в оригинальном поэтическом тексте используется конвенциональная языковая метафора *tout le long de ma vie* 'на протяжении всей моей жизни', соответствующая базовой концептуальной модели «жизнь – путь», то поэт-переводчик обращается к экзистенциальной метафоре «железная дорога – жизнь», изменяя тем самым направление метафорической проекции.

Таким образом, стратегия модуляции, действуя над «буквальным» переводом, способствует метафорической вариативности.

Заключение

Языковая вариативность переводческой метафоры определяется стратегией модуляции, отражающей обращение поэта-переводчика непосредственно к концептуальной метафорической модели. Преобладание модуляции над стратегией «буквального» перевода доказывает, что переводческая метафора не может быть эквивалентна оригинальному языковому образу. Данные выводы подтверждают гипотезу исследования об инвариантном статусе метафорической модели в поэтическом переводе.

Инвариантный характер концептуальной метафорической модели, направляющей языковое творчество поэта-переводчика, позволяет пересмотреть традиционное представление о природе переводческих «добавлений». Кроме того, метафорический потенциал ментальной и экзистенциальной сфер требует дальнейшего уточнения классического тезиса теории концептуальной метафоры о «телесности» мышления (Р. Гиббс). Сделанные выводы будут способствовать дальнейшей разработке когнитивного направления в переводоведении и найдут практическое применение в преподавании и практике художественного перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Лакофф, Дж.** Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 254 с.

2. **Ballard, M.** L'unité de traduction, revue et corrigée / M. Ballard // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – № 4 (4). – С. 17–22.

3. **Табачникова, О.** Жизнь как метафора и метафора как опора поэтического перевода / О. Табачникова // Питання літературознавства. – 2020. – № 101. – С. 126–145.

4. **Плотников, И. В.** Метафорические модели и их переводческие трансформации в художественном тексте: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.20 / И. В. Плотников; ФГБОУ ВО «Уральск. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – 25 с.

5. **Метафора** // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. – М. : Полит. энциклопедия, 2017. – С. 338–340.

6. **Павлович, Н.** Словарь поэтических образов : На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков / Н. Павлович : в 2 т. – Т. 1. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 848 с.

7. **Pragglejaz group.** MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse / Pragglejaz group // Metaphor and Symbol. – 2007. – Vol. 22 (1). – P. 1–39.

8. **Reijnierse, W. G.** MSDIP: A Method for Coding Source Domains in Metaphor Analysis / W. G. Reijnierse, C. Burgers // Metaphor and Symbol. – 2023. – Vol. 38 (4). – P. 295–310.

9. **Делиль, Ж.** Терминология перевода : толковый словарь-справочник переводческих терминов / Ж. Делиль, Х. Ли-Янке, М. К. Кормье; научн. коорд. К. Аллиньоль; пер. А. М. Горлагов [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2003. – 128 с.

10. **Cendrars, B.** La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France / B. Cendrars [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://tierslivre.net/spip/IMG/pdf/Cendrars_Transsiberien.pdf. – Date d'accès: 22.04.2024.

11. **Сандрар, Б.** Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской / Б. Сандрар; пер. с фр., вступ. и примеч. Михаила Яснова // Новый Мир. – 2015. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2015/201506/proza-o-transsibirskom-ekspressе-i-malenkoy-zhanne-frantsuzskoy-1581>. – Дата доступа: 22.04.2024.

Поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Контакты: e.a.revutskaya@yandex.by (Ревуцкая Елена Алексеевна)

Revutskaya E. A. MENTAL AND EXISTENTIAL CONCEPTUAL DOMAINS AS METAPHORICAL SOURCES FOR SPACE IN POETRY TRANSLATION

The article aims at identifying translation strategies for metaphors and similes corresponding to the conceptual patterns “space is mental” and “space is existential”. The study is based on the original poem by the French surrealist Blaise Cendrars “Prose about the Trans-Siberian Express and Little

Jeanne of France” (‘La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France’, 1913) and its Russian translation by Mikhail Yasnov. Original mental and existential metaphors are compared with their translation equivalents. The article shows that modulation strategy determines the metaphorical pattern invariance in poetry translation.

Keywords: metaphorical pattern, space, mental conceptual domain, existential conceptual domain, poetry translation, modulation.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанав

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку .08.2024 г.
Фармац 70x108¹/16. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 12,3. Ул.-выд. арк. 15,2. Тыраж 40 экз. Заказ № 4393.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў